

**Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Институт актуальных международных проблем**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
А 43

Рецензент:

О.П. Иванов – доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России.

Редакционная коллегия:

*А.М. Мустафабейли (отв.ред.), А.Г. Володин,
Л.И. Живора, Н.И. Козырев, Г.К. Прозорова, Д.А. Сидоров.*

Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока:
сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли – М.:
Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 169 с.

В статьях, представленных в сборнике, рассматриваются социально-экономические и общественно-политические процессы, происходящие в странах Ближнего и Среднего Востока, а также политика мировых и региональных держав в этом регионе. Особое внимание уделено проблемам борьбы с религиозным экстремизмом и международным терроризмом, изучению их истоков, выявлению политических сил, оказывающих им поддержку.

Авторами предложенных материалов прогнозируются вероятные пути развития общественно-политической обстановки в регионе и расположенных там государствах. Сборник имеет научное и образовательное значения, и может быть использован при подготовке специалистов в области международных отношений.

ISBN 978-5-9500904-0-0

© Дипломатическая академия
МИД России, 2017

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Володин А.Г.	4
Политический терроризм и международная безопасность	
Дунаева Е.В.	17
Иран: изменения баланса политических сил после выборов Х. Роухани	
Живора Л.И.	31
Китай на Ближнем и Среднем Востоке	
Зверева Т.В.	42
Франция и страны Персидского залива	
Иванов С.Е.	62
Арабская дипломатия и сирийский конфликт	
Козырев Н.И., Мустафабейли А.М.	73
О курдском вопросе и Исламской Республике Иран (ИРИ)	
Косач Г.Г.	84
Саудовская Аравия: внутривнутриполитические процессы 2000-х гг.	
Мамедова Н.М.	98
Экономическое сотрудничество Ирана со странами Ближнего и Среднего Востока	
Мелкумян Е.С.	110
Безопасность в регионе Персидского залива: отношения США и стран Совета сотрудничества	
Мозлоев А.Т.	122
К вопросу политики Турции на Ближнем Востоке	
Мустафабейли А.М.	130
Источники и каналы финансирования международной террористической организации ИГИЛ	
Прозорова Г.К.	142
«Ан-Нахда»: от политического ислама к «мусульманской демократии»?	
Федорова И.Е.	158
Политика администрации Д.Трампа в отношении Ирана	

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ²

Аннотация: Политический терроризм явление не новое, его истоки можно проследить уже в античности. Однако систематический характер политический терроризм приобрел в начале прошлого века. Своеобразной точкой отсчета в формировании политического терроризма как массового общественного явления стал рубеж 60-ых-70-х годов прошлого века, тогда как исторической колыбелью этого феномена стала Западная Европа.

Оптимальным институциональным механизмом нейтрализации международного политического терроризма является система коллективной безопасности.

Ключевые слова: политический терроризм, коллективная безопасность, атмосфера паники, общественное явление, насилие, налаженное взаимодействие, античность.

В научной литературе политический терроризм обычно рассматривается как метод деятельности, предполагающий нелегитимное (т.е. не предусмотренное законами государства) применение насилия (либо угрозы насильственных действий) для достижения конкретных результатов: «коррекции» курса правительства страны, создания атмосферы паники и/или страха среди гражданского населения и даже (как показывает новейшая история) кардинального изменения всей системы политических институтов³. Политический терроризм – явление не новое, его истоки можно проследить уже в Античности, однако

¹ Доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-07-00012/16.

³ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/3000.html> – 2875494 – Дата обращения: 1 октября 2017.

утверждение этой весьма своеобразной «формы» общественных отношений происходит во второй половине XIX в. Можно утверждать: политический терроризм приобрел систематический характер с превращением самой политики в наиболее массовое общественное явление современности, т.е. с начала прошлого века.

Особенностью современного политического терроризма во все возрастающей степени становится насилие, обращенное против гражданского населения (а не конкретных представителей власти) и приобретающее все более массированный характер (с «обязательными» многочисленными жертвами), что предполагает мощный «демонстрационный эффект» устрашения, в орбиту влияния которого неминуемо вовлекается все общество.

Террористические организации отличают: налаженное взаимодействие их отдельных подразделений в различных странах и «сетевая» координация их акций, что делает чрезвычайно сложной нейтрализацию политического терроризма силами отдельных национальных государств. Деятельность механизмов и инструментов политического террора значительно облегчена в тех государствах, где неразвита (либо заметно ослаблена) система политических (а равно и экономических и социальных) институтов и где контроль центральной власти не распространяется на всю территорию данной страны. Немаловажным является и то обстоятельство, что «почву» для политического терроризма подпитывают и факторы «базисного»/политэкономического происхождения. Среди этих факторов основополагающими остаются: затяжной и глубокий социально-экономический кризис общества, стимулирующий развитие деструктивных политических процессов (в частности обострение межличностных, межгрупповых и межэтнических отношений). Происходящая таким образом своеобразная «деколонизация» общества выстилает путь для действий политических экстремистов, стремящихся добиться перераспределения наличных ресурсов в своих групповых интересах. По оценке зарубежных исследователей, из всей

совокупности актов терроризма около 2/3 совершается ради достижения конкретных политических и экономических целей⁴.

Послевоенная история свидетельствует: политический радикализм берет начало в категорическом неприятии самих экономических и политических основ устройства общества. В данном случае вопрос: откуда исходит радикализм – слева или справа – не имеет принципиального значения, поскольку ставится под сомнение существование государства и его институтов. Возможно, своеобразной «точкой отсчета» в формировании политического терроризма как массового общественного явления стал рубеж 60-х – 70-х годов прошлого века, тогда как исторической «колыбелью» этого чудовищного феномена стала родина современной индустриальной цивилизации – Западная Европа. Именно там и тогда террор стал крайней формой выражения политического протеста. «Фракция Красной Армии» (или «группа Баадера-Майнхоф») в Федеративной Республике Германия и «Красные бригады» в Италии прибегли, в условиях системы представительной демократии, к насилию как к средству разрешения социально-политических противоречий в обществе. И если численность «группы Баадера-Майнхоф» составляла от 60-80 активных членов и группировку поддержки до 300 человек, то «Красные бригады» насчитывали в своих рядах до 25 тыс. человек, занятых различной деятельностью (как партизанской, так и полуполюгальной), что обеспечивало функционирование боевых групп.

Оба формирования имели существенно важную особенность: члены групп проходили «тренировочные сборы» в регионе Восточного Средиземноморья. Именно здесь, образно говоря, изощренный европейский ум соединился с «пассионарным» ближневосточным «духом», что, как представляется, в значительной степени определило последующую эволюцию международного политического терроризма.

⁴[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2002_2/6.pdf – 2875494 – Дата обращения: 23 сентября 2017.

Процессы глобализации, уплотняя связи между странами и континентами, потенциально расширили поле деятельности сил международного политического терроризма, и на то были свои, веские основания. Распад биполярного мира, в представлении значительной части западных элит, открывал дорогу в «светлое будущее» (в 1990-е годы именовавшееся «концом истории»). Считалось само собой разумеющимся, что глобализация – с помощью механизмов «свободного рынка» – естественным образом разрешит копившиеся не десятилетиями – веками проблемы, многие из которых имели параметрический характер (хроническая нехватка продовольственных ресурсов, последствия «демографического взрыва» в развивающихся странах, надвигающийся коллапс глобальной среды обитания и т.п.).

Уже в середине 2000-х годов в международном академическом пространстве появились исследования, рисующие вероятные геополитические последствия глобализации в постбиполярный период. С распадом Советского Союза «глобализационный проект» начинает агрессивно навязываться развивающимся странам, сама глобализация приобретает отчетливо «усеченный» характер⁵. Возникает протестное движение, которое лишь частично имеет ненасильственный характер. Вторжение западных стран во главе с США в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.) имеет следствием насильственное сопротивление внешнему диктату. Внутри «движения сопротивления» довольно быстро оформляется направление политического терроризма.

Институционализация политического терроризма была облегчена предшествовавшим развитием данного направления, в частности созданием с помощью самого Запада террористических групп, острие деятельности которых еще в 1980-е годы было обращено против Советского Союза. Впоследствии эти же группы легко переориентировали свои действия против США и Запада. Видимо, эффективным идейно-

⁵ Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consonances for Development. NewDelhi, OxfordUniversityPress, 2005.

политическим обоснованием их деятельности стало противостояние западной «версии» глобализации, поляризующей социально-экономическое развитие Запада и «остальных», а равно подрывающей естественные, складывавшиеся веками связи, обеспечивавшие внутреннее равновесие «незападных» социумов.

Сама логика развития политического терроризма, охватывавшего все новые ареалы в Азии и Африке, подводила носителей политического насилия к необходимости координации своей деятельности на обширных пространствах развивающихся стран/переходных обществ. Так, появились идеи создать сплошной «исламский пояс» (противостоящий существующим правительствам и «официальным» политическим институтам) от Мавритании до Сомали. При ретроспективном анализе выясняется, что идея «исламского пояса» была важным этапом обретения радикальным политическим исламом своеобразной мирополитической субъектности. Однако, видимо, водоразделом на пути превращения политического терроризма в субъект мировой политики стала институционализация «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ – впоследствии ИГ – запрещённая в России группировка).

Напомним вкратце историю вопроса. ИГ возникло в 1999 г. в Ираке (т.е. до американо-английского вторжения в эту страну) как террористическая группировка «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад». В октябре 2006 г., после слияния с другими радикальными исламистскими группировками, была провозглашена как «Исламское государство Ирак». Помимо Сирии и Ирака, ИГ или подконтрольные ему группировки участвуют в боевых действиях в Ливане, Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, ведут террористическую деятельность в некоторых других странах.

Аналитики называют различные причины институционализации ИГ. Во-первых, разрушение институтов государства в Ираке в результате американо-английского вторжения в эту страну в 2003 г. Во-вторых, наличие группы и факторов политэкономического происхождения:

экспоненциальный рост населения в регионе, появление постоянно разрастающейся молодежной демографической когорты, не имеющей работы, а порой – и средств к существованию. «Пассионарность» этой группы усилила радикализм требований ИГ, повысила восприимчивость организации к методам политического терроризма. В-третьих, создание ИГ и подобных ему организаций связано с причинами идейно-политического происхождения (о чем уже говорилось). Появление ИГ стало непосредственной реакцией на настойчиво внедряемую в практику международных отношений западную «версию» глобализации, которая в качестве антитезы рождала идеи о «справедливом мироустройстве» на основе традиционных мусульманских ценностей. В-четвертых, значительную роль сыграла группа экзогенных факторов: именно США, ЕС и их региональные союзники, преследуя каждый свои цели, объективно создали условия для распространения деятельности ИГ вглубь и вширь.

Во многих переходных обществах институты и механизмы национального государства постепенно распадаются, замещаясь нередко амальгамой военизированных формирований, которые возглавляют религиозные либо племенные лидеры. Классическим примером развития данного процесса является Исламская Республика Пакистан.

Исламская республика постоянно, в буквальном смысле, борется за единство и территориальную целостность страны. Центральная власть, несмотря на многочисленные уверения в обратном, не в состоянии осуществлять контроль над всей территорией Пакистана. Дополнительным внешним дестабилизатором внутренней ситуации в Пакистане стали акции США и Запада в Афганистане и Ираке. Центральным элементом безопасности Пакистана является обеспечение спокойствия в районе проживания племен. Именно отсюда происходят рейды в Афганистан подразделений Талибана (как пакистанского, так и «кочующего» афганского) с целью нанесения ударов по оставшимся контингентам «международных сил». Центральная власть в Исламабаде всячески пытается найти оптимальный

алгоритм решения проблем в отношениях с воинственными племенами в Северном Вазиристане и других регионах страны.

Политический терроризм в Пакистане подпитывает сама внутренняя социально-демографическая ситуация. В настоящее время численность населения этой страны приближается к 200 млн. человек, тогда как, по расчетам демографов, к 2030 г. в Исламской республике будет проживать около 240-250 млн. человек, что создаст дополнительную нагрузку на экономические институты Пакистана. Значительная часть молодежи, посещающей медресе, готова к самым решительным действиям по отстаиванию своих интересов, вплоть до применения террористических актов. (Видимо поэтому многочисленные террористические акты в Пакистане имеют, на первый взгляд, «нелогичный» характер).

Политический терроризм стал устойчивым фактором межгосударственных отношений в регионе Южной Азии. Так, в 2001 г. произошло нападение на парламент Индии, а в 2006 г. был совершен теракт в Мумбаи (Бомбей), который закончился массой жертв и значительными разрушениями в городе⁶. Индийская сторона неизменно подчеркивает: подобные варварские действия есть результат деятельности сил трансграничного политического терроризма. Правда, остается не до конца проясненным вопрос: такого рода акты совершаются с молчаливого одобрения властей Пакистана либо они проводятся диверсионными группами, решающими свои конкретные, «секционные» проблемы?

Сложность положения Индии, помимо прочего, состоит и в том, что страна несет потери и от внутреннего политического терроризма, который есть следствие сложных социально-экономических и этнополитических проблем и конфликтов в «крупнейшей демократии мира», которые подчас эксплуатируются внешними (как региональными, так и внерегиональными) силами⁷. Таким образом, мы можем

⁶ Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии (1947 – 2013 годы): истоки, эволюция, опыт противодействия. М.: Тривант, 2014. С. 11.

⁷ Яковлев А.Ю. Этнополитические конфликты и терроризм в Индии. М.: Государственный университет управления, 2009.

констатировать: с утверждением субъектности «Исламского государства» «дуга нестабильности» теоретически протянулась от Мавритании через Сомали, Сирию и Ирак к Афганистану и Пакистану.

Трудно опровергнуть утверждение: распространению влияния международного политического терроризма в значительной степени способствовали своей деятельностью внешние «игроки» – коллективный Запад во главе с США. Концепция «продвижения демократии», упорно отстаиваемая администрацией Б. Обамы (2009 – 2017) г., имела следствием «взрывление» социальных структур (прежде всего арабских стран), частичный демонтаж традиционных связей и «расстройство» деятельности экономических и политических институтов. В свою очередь, данные разрушительные процессы имели следствием прекращение деятельности светских режимов (пусть и автократического типа). Возникший вакуум, как это произошло в Ливии, с готовностью заполнили силы политического терроризма, и теперь судьба страны как субъекта международных отношений представляется неопределенной.

Сложность оценки экстремизма состоит, очевидно, в том, что в реальной жизни наблюдается слияние/симбиоз политических и неполитических мотивов действий террористов. Последние всячески подчеркивают: их конфликт с развитым миром имеет ценностный, а потому не решаемый за столом переговоров характер⁸. Мировое сообщество, надо полагать, убедилось (или же в ближайшее время придет к подобному умозаключению) в тщетности попыток «умиротворения» международного политического терроризма. Возникает естественный вопрос: как нейтрализовать сей исключительно опасный субъект международных отношений?

Самый общий ответ – единством действий. Однако, как показал опыт совсем недавнего прошлого, подобное единство пока, к сожалению, труднодостижимо. Тем не менее, намечающаяся «смена вех» в мировом развитии дает некоторую

⁸ Барышников Д.Н. Конфликты и мировая политика. М.: АСТ, 2008.

надежду на координацию антитеррористических действий в будущем. В самом деле, уже в ходе избирательной кампании в США новоизбранный президент Д. Трамп акцентировал необходимость совместных действий против международного политического терроризма. Показательно, что новый доклад Совета по международным отношениям, подготовленный для администрации Д. Трампа, фиксирует вполне определенный набор американских «приоритетов», «озабоченностей» и «вероятностей» на 2017 год. Во вводной части доклада, в частности, отмечается: «В мире существуют многочисленные горячие точки, где великие державы могут оказаться в состоянии конфронтации. Вооруженные конфликты продолжают разрушать значительную часть Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии, тогда как признаки ослабления насилия [пока] не материализовались. На этом фоне сохраняется постоянная угроза масштабной деятельности террористов и, во все возрастающей степени, разрушительных кибератак против Соединенных Штатов и/или их союзников»⁹. Идеино-политические установки, определяющие характер и содержание внешнеполитических документов, у России и Америки разные. Однако понимание международного характера угрозы, исходящей от сил и институтов политического терроризма, медленно, но верно начинает становиться общим.

Каковы же критерии эффективного противодействия силам международного политического терроризма? На наш взгляд, эта проблема не имеет военно-технического решения, потому что сам политический терроризм есть порождение многочисленных факторов и причинно-следственных связей, совместная нейтрализация которых позволит ликвидировать экзистенциальные основы данного политического субъекта. В основу солидарной антитеррористической деятельности должны быть положены: общая логика поведения, системность понимания политического терроризма как многоаспектного

⁹ Исследование Превентивных Приоритетов: CFR_CPA_Preventive_Priorities_Survey_2017.pdf

явления, последовательность соответствующих шагов и мер (иными словами, отсутствие у участников «потаянных» мыслей и «скрытой» повестки¹⁰).

Оптимальным (и естественным) институциональным механизмом нейтрализации международного политического терроризма является система коллективной безопасности, которую предстоит создать сначала в Восточном Средиземноморье, а затем уже распространить на все мировое пространство. Известно, что приоритет в формулировании концепта коллективной безопасности принадлежит президенту США Вудро Вильсону. Идея была предложена после окончания Первой мировой войны в виде проекта «союза народов» (“communityofpower”)¹¹. «Союз народов» оказался неэффективным в межвоенный период. После Второй мировой войны появился своеобразный военно-политический субститут в виде биполярной системы. Самоликвидация Советского Союза, без преувеличения, усилила хаотические тенденции (их происхождение было многообразным) в международной системе. Сегодня, когда мир «в режиме реального времени» становится все более сложным, а политический терроризм несет в себе угрозу самому существованию ойкумены, совместное создание системы коллективной безопасности приобрело экстренно-неотложный характер.

Как же (или с чего) начать строительство этой системы? Очевидно, что наибольшая ее востребованность наблюдается там, где международный политический терроризм уже превратился в реальный субъект внутрорегиональных отношений. Понятно, что речь идет о Восточном Средиземноморье. В настоящее время политики ведущих держав (по крайней мере на словах) признают необходимость сохранить единство и территориальную

¹⁰ Стремление администрации Б. Обамы «перехитрить» Россию в Восточном Средиземноморье, какими бы помыслами оно ни мотивировалось, привело в конечном счете к неэффективности инициатив, на осуществлении которых первоначально настаивала американская сторона.

¹¹ Kissenger H. World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. L.: Allen Lane, 2012. P. 262-264.

целостность Сирии и Ирака, а равно и всех других государств указанного региона. В мире крепнет понимание того, что международный политический терроризм способен через некоторое время расшатать политические институты государств, прямо не вовлеченных в «сирийскую головоломку», в частности Саудовской Аравии. Возможно, в близком будущем будет осознана и неразрывная связь между нейтрализацией международного политического терроризма, с одной стороны, и принципами единства и территориальной целостности и коллективной безопасности – с другой. Тогда уже можно будет прорисовывать контуры справедливого мироустройства в Восточном Средиземноморье и на прилегающих к нему территориях. Каковы эти контуры?

Уже сейчас понятно: в Восточном Средиземноморье без российско-американского сотрудничества никак не обойтись. Здесь, в разрушенном до основания регионе спокойствие можно восстановить только на долгосрочной основе, т.е. в пространстве коллективной безопасности. Несущими конструкциями этой системы должны стать, надо полагать, Россия и Америка. Теоретически система коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье и в регионе Персидского залива должна, по логике вещей, иметь двухъярусный характер – в виде государств-гарантов (США и Россия) и региональных лидеров (Ирана, Турции, а также Саудовской Аравии). Региональные лидеры, как представляется, способны повлиять на ассоциированные с ними государства и тем самым ограничить свободу маневра действующих здесь сил политического терроризма. Понятно, что интегральным элементом системы коллективной безопасности должен быть Израиль¹².

Продолжающаяся «неразбериха» в Ливии, других государствах «третьего мира» (как раньше именовали развивающиеся страны) в значительной (а порой в

¹² Мустафабейли А.М. К проблемам межцивилизационных отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №1(3). С. 37-48.

определяющей) степени связана с деятельностью сил политического терроризма. Поэтому для обозримого будущего логично выглядит постановка проблемы о глобальной системе коллективной безопасности. Как представляется, внутреннее строение последней будет напрямую зависеть от конфигурации мирового пространства, которая складывается в условиях «постамериканского мира». О том, что мир настоящего уже не «однополюсный», написано немало книг и статей. Видимо, требуют определенного уточнения и такие дефиниции, как «баланс сил»¹³.

Думается, мир недалекого будущего сохранит, несмотря на прогрессирующую диверсификацию международной системы, определенные черты иерархичности. Ведь, в конце концов, страны – члены мирового сообщества обладают разными экономическими, военно-техническими и социально-демографическими потенциалами. Мировую «архитектуру», на наш взгляд, можно было бы представить в следующем виде, условно говоря, в форме трехъярусной «фигуры». Верхний «ярус» занимают «великие державы» (в настоящий момент США, Китай, Россия), средний – «новые региональные лидеры», нижний – «остальные».

Сложность такого рода мироздания прежде всего в том, что средоточием всех основных проблем и противоречий нынешнего человечества остается «нижний ярус». Политический терроризм в конечном счете является крайним кумулятивным выражением социально-экономических, демографических и этнополитических противоречий. Для окончательной и бесповоротной победы над этим вселенским злом необходимо подорвать идейно-политические основы данного феномена. Только совместные действия на всех направлениях помогут человечеству нейтрализовать самый серьезный вызов с времен Второй мировой войны. Только объединенные усилия помогут сделать глобальную систему безопасности устойчивой и необратимой.

¹³ Hiro D. After Empire the Birth of a Multipolar World. NY.: Nation Books. 2010.

Источники и литература

1. Hiro D. After Empire: the Birth of a Multipolar World. N.Y.: Nation Books, 2010. 348 с.
2. Kissinger H. World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. L.: Allen Lane, 2014. 420 с.
3. Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development. New Delhi: Oxford University Press, 2005. 301 с.
4. Барышников Д.Н. Конфликты и мировая политика. М.: АСТ, 2008. 384 с.
5. Исследование Превентивных Приоритетов: CFR_CPA_Preventive_Priorities_Survey_2017.pdf.
6. Мустафабейли А.М. К проблемам межцивилизационных отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №1(3). С. 37-48.
7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/3000.html> – Дата обращения: 1 октября 2017.
8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2002_2/6.pdf – Дата обращения: 23 сентября 2017.
9. Яковлев А.Ю. Терроризм в Индии (1947-2013 годы): истоки, эволюция, опыт противодействия. М.: Тривант, 2014. 358 с.
10. Яковлев А.Ю. Этнополитические конфликты и терроризм в Индии. М.: Государственный университет управления, 2009. 116 с.

ИРАН: ИЗМЕНЕНИЯ БАЛАНСА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ Х. РОУХАНИ

Аннотация: В условиях углубления кризисной ситуации на Ближнем Востоке ИРИ остается одним из наиболее стабильных государств. В то же время внутри страны идут сложные политические процессы, которые отражают борьбу двух тенденций: религиозно-политического консерватизма и исламского модернизма. Выбор президентом Х. Роухани свидетельствует о стремлении иранского общества к ослаблению исламской составляющей и готовности к модернизации. Политике, проводимой президентом, направленной на либерализацию общественно-политической жизни и внешней политики, активно препятствуют исламские радикалы, опасаящиеся проникновения западных ценностей и ослабления роли исламских институтов и, соответственно, потери своих руководящих позиций в обществе и системе власти.

Ключевые слова: Х. Роухани, консерваторы, либералы, традиционализм, модернизация, исламские радикалы.

В условиях разрастающегося хаоса на Ближнем Востоке, расширения вооруженных столкновений, углубления религиозных и этнических противоречий, ИРИ, активно вовлеченная в большинство из конфликтных ситуаций и находящаяся под все возрастающим давлением США, остается одним из наиболее стабильных государств. В то же время внутри страны обостряется конфликт интересов, усиливается противостояние внутри политических элит, внешне проявляющееся в борьбе за власть между консервативными

¹ Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

силами и прореформаторским флангом. По сути, он отражает противоречия между мусульманским консерватизмом и религиозно-политическим реформизмом и затрагивает практически все сферы жизни: политику, экономику, культуру, общественные отношения, проявляется во внешней политике. Противостояние этих двух тенденций, проявившееся еще в первое десятилетие после исламской революции, под влиянием социально-экономических перемен в иранском обществе и воздействием внешних факторов обострилось в последнее десятилетие. Однако уникальность системы государственного устройства ИРИ, которая является авторитарным теократическим государством, с одной стороны, сохраняет элементы политической системы демократического типа, с другой, сдерживала процесс углубления этих противоречий. Определенный баланс всей системе власти придавало попеременное доминирование в государственных органах представителей консервативной или более либеральной направленности. В наиболее острых ситуациях вмешательство духовного лидера, по конституции наделенного значительными полномочиями, уравнивало ситуацию. Однако внутривластный кризис 2009 г., разразившийся после переизбрания президентом М. Ахмадинежада и развернувшееся «зеленое движение», выразившее оппозиционные властям взгляды, (впоследствии жестоко подавленное) сильно поляризовало иранское общество и усилило фрагментированность политических элит. Те события в значительной степени углубили противостояние двух идеологических течений – консервативного и реформаторского, что и наложило отпечаток на развитие политического процесса в последующие восемь лет. События этого периода четко показали, что часть иранского общества стремится к трансформации традиционных механизмов и готово идти по пути модернизации. Причем часть шиитского духовенства поддерживает идеи либерализации общественно-культурной жизни и даже готово к реформированию политической сферы в рамках исламской республики.

Однако после 2009 г. реформаторское движение было полностью вытеснено с политической арены, и само понятие «реформаторство» у части общества стало ассоциироваться с антигосударственной и антиисламской деятельностью. Основные партии реформаторов были распущены.

В консервативном фланге усилились процессы сегментации, наблюдалось обособление наиболее радикальных сил и прагматиков. Так, накануне выборов в парламент в 2012 г. был сформирован Фронт верности исламской революции (Пайдари) под руководством аятоллы Месбаха Йазди, который отражает интересы исламских радикалов. Это объединение выступало отдельно от основных сил консерваторов на президентских выборах 2013 и 2017 гг. Наиболее яркими представителями этого течения выступают аятолла Мохаммад Джанати – глава Наблюдательного совета, аятолла Мохаммад Йазди – руководитель Совета экспертов и аятолла Алам-оль хода – пятничный имам Мешхеда.

От основного блока консервативных сил еще с периода президентства М. Ахмадинежада постепенно стали отходить и прагматики-технократы. Они группируются вокруг спикера меджлиса А. Лариджани и вице-спикера А. Мотаххари. Хотя эти группы не создали своего политического объединения, действующего на постоянной основе, и по некоторым вопросам они солидаризируются с консерваторами-традиционалистами, однако на выборах 2013 и 2017 гг. они уверенно выступили сторонниками умеренно-либерального Х. Роухани и активно взаимодействуют с его правительством.

Особенностью политического процесса с начала XXI в. стало сокращение влияния организаций духовенства на политическую жизнь. Если такие структуры, как Общество борющегося духовенства и Общество преподавателей Кумского теологического центра играли важнейшую роль в подготовке исламской революции, считались идеологическими вдохновителями консерваторов и возглавляли выборные кампании, то в последнее десятилетие стало очевидным, что практика сплочения сил вокруг религиозных организаций уже

плохо вписывается в текущий внутривнутриполитический момент². Во главе партий и формирующихся в ходе выборов фронтов встают уже не только представители духовенства. На политическую сцену выходит новое поколение, не прошедшее революцию и ирано-иракскую войну, которое имеет свое видение «революционных исламских ценностей». А эти две организации, некогда возглавлявшие консервативный фланг, хотя и продолжают свою деятельность, низведены до уровня многочисленных политических группировок этого лагеря.

Президентские выборы 2013 г. отчетливо продемонстрировали изменения, наметившиеся на политическом ландшафте. Новым трендом стало обострение борьбы по линии умеренные либералы vs. радикальные консерваторы, которая отражает противостояние по линии модернизация vs. традиционализм³. Приход к власти в 2013 г. ходжат-оль-эслама Х. Роухани закрепил новый расклад сил. Предыдущие восемь лет (2005-2013 гг.) практически все ветви власти контролировали консерваторы, преимущественно радикальной ориентации, что отражалось в проведении жесткого исламского курса внутри страны и наступательной, агрессивной политики на внешних рубежах. Однако в условиях введения санкций, ухудшения экономической ситуации и попыток закрепления социально-политического традиционализма электорат реформаторов и части консервативного лагеря поддержал Х. Роухани, выступившего за умеренно либеральный курс: широкий диалог с Западом, отмену санкций, привлечение иностранных капиталовложений, соблюдение гражданских прав. Х. Роухани, инкорпорированный в среду высшего духовенства, позиционирующий себя как представитель умеренных сил, выступил выразителем интересов

² [Электронный ресурс] – Режим доступа:

[http://www.khabaronline.ir/\(X\(1\)S\(ipzklvlgls05pymfbj4jmwgmi\)\)/detail/707608/Politics/parties](http://www.khabaronline.ir/(X(1)S(ipzklvlgls05pymfbj4jmwgmi))/detail/707608/Politics/parties); <http://www.khabaronline.ir/detail/662455>

Дата обращения: 22 сентября 2017.

³ Подробнее см. Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности// Религия и общество на Востоке. Выпуск 1. Сборник статей под ред. А.В. Сарабьева. М.: ИВРАН, 2017. С.58-61.

тех слоев общества, которые заинтересованы в дальнейшей либерализации социально-политической и экономической жизни: интеллигенция, студенты, современные предприниматели

Победа Х. Роухани в 2013 г. поставила политический истеблишмент ИРИ перед фактом формирования нового – центристского – течения, в которое могли бы войти представители умеренного крыла реформаторов и прагматики консервативной ориентации. Основой этой новой политической силы могла бы стать партия «Умеренность и развитие» (Этедаля ва тоусе), всегда выступающая с центристских позиций. Однако ввиду сильной раздробленности политических элит к выборам 2017 г. так и не удалось организационно оформить движение, стоящее на позициях умеренно либеральной направленности, опирающееся на свой электорат.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что с 2013 г. начался процесс возвращения на политическую арену реформаторских организаций: активно шел процесс восстановления старых и создания новых партий. Так, были созданы неореформаторская партия «Неда-йе иранийан» (Глас иранцев, лидер – Садег Харрази), опирающаяся на молодежь, и «Эттехад-е меллат –е иран-е эслами» (Союз народа исламского Ирана, лидер – Али Шокурирад), пришедшая на смену известным в период М. Хатами «Мошаракат» (Партнество) и «Моджахеддин-е халг» (Народные борцы за веру), запрещенных после 2009 г. Все эти объединения создаются как светские, действующие без опоры на религиозные структуры. Эти организации выражают верность духовному лидеру, поддерживают исламскую республику, но в то же время выступают за упрочение демократических основ в обществе. Они отмежевались от радикальных реформаторов, тесно связанных с иранской эмиграцией и могут быть отнесены к умеренному спектру либерального фланга. Внешне их официальным лидером выступает М.Р. Ареф, возглавляющий прореформаторскую фракцию в меджлисе. Общепризнанный символ реформаторства – М. Хатами под нажимом радикалов удален с политической сцены, наложен запрет на освещение его деятельности,

публикацию его фото и выступлений в СМИ. Но он сохраняет свое влияние и возглавляет Высший совет Ассоциации борющегося духовенства, и именно его рассматривают как лидера реформаторства. Несомненно, реформаторскому движению удалось закрепиться в политических структурах – меджлисе и органах исполнительной власти. Реформаторы сумели победить на выборах в местные исламские советы в 2017 г. в Тегеране, Исфагане, Кередже, Табризе, Йезде и целом ряде других крупных городов.

Несмотря на значительные изменения баланса политических сил консерваторы-радикалы, противостоящие президенту, сохранили контроль над рядом институтов достаточно сложной политической системы ИРИ. Этот спектр, упустивший из своих рук исполнительную власть в 2013 г., а в 2016 г. и законодательную, по-прежнему, полностью контролирует Наблюдательный совет, превалирует в Совете экспертов, держит в своих руках все институты судебной власти. Радикалы сохранили свое представительство в Совете по целесообразности принимаемых решений, Высшем совете национальной безопасности, Высшем совете культурной революции. Прочны их позиции в Совете пятничных имамов, руководящим ведением пропаганды по религиозным каналам, в Организации радио и телевидения ИРИ (которая напрямую контролируется духовным лидером). Они содержат ряд центральных периодических изданий (газеты «Кейхан», «Ресалат», «Ватан» и другие). Радикалы держат в своих руках информационные агентства: Фарс, Тасним, Сепакхьюс и др., многочисленные сайты и издания, что обеспечивает им трибуну для критики деятельности правительства и пропаганды своих взглядов. Эти круги опираются на поддержку элит, связанных с КСИР и структурами безопасности, получавшими значительные дивиденды от санкционного режима.

С первых дней пребывания Х. Рухани у власти эти политические группы открыто противостояли его намерениям проводить умеренную, реалистичную политику во внешней и внутренней сферах, опасаясь сокращения исламской

составляющей в жизни иранского общества. Активная кампания критики деятельности правительства развернулась под лозунгами отхода от принципов исламской революции, готовности к уступкам Западу, дискредитации научных и технических достижений страны. Оппозиция президенту всячески пыталась помешать процессу достижения договоренностей с группой 5+1, требуя признать незаконными любые действия по ограничению деятельности существующих ядерных объектов⁴.

Радикально консервативные группировки под руководством Пайдари, опираясь на такие организации, как «Ансар-е хезболла» и «Исаргаран» создали группы давления на новую власть. Исламский радикализм находит поддержку у традиционных слоев городов и сел, деклассированных элементов и новых городских мигрантов. Основными пропагандистами этих идей являются члены движения «Басидж» (военно-политическое молодежное движение, входит в структуру КСИР, выступает как его резерв). Их усилиями было организовано движение «Обеспокоенных», выступивших против договоренностей с Западом и не поддержавших СВПД⁵.

Организаторы антиправительственных акций, используя исламскую риторику и опираясь на патриотический настрой наиболее религиозных слоев, пытаются расширить социальную базу своего движения. В иранское общество активно внедряется мысль о том, что любые договоренности с западными государствами могут повлечь за собой изменения исламского режима и в целях сохранения своей идентичности необходимо всячески ограничивать проникновение западной культуры в иранское общество.

Курс президента на либерализацию внешней и внутренней политики не отвечает интересам КСИР, заинтересованного в

⁴ [Электронный ресурс] – Режим доступа:
www.farsnews.com/newstext.php?nn=13930213001435
Дата обращения 10 мая 2017.

⁵ СВПД – Совместный всеобъемлющий план действий – соглашение, выработанное ИРИ и группой 5+1 по снятию санкций и отказу Ирана от продолжения развития ядерной программы.

развитии ядерной и ракетной программ, расширении вмешательства в региональные конфликты (Сирия, Йемен, Ирак, Бахрейн), укреплении своих позиций в экономике, контроле информационных потоков. КСИР проявлял готовность контролировать также сферу культурной политики с тем, чтобы противостоять размыванию исламских ценностей. В отличие от периода президентства М. Ахмадинежада, когда представители КСИР активно вовлекались в бизнес-элику страны, правительство Х. Роухани поставило препятствия на пути участия многочисленных акционерных компаний, созданных КСИРом, в строительстве инфраструктурных проектов, приватизации объектов государственной собственности. В ходе выборной кампании КСИР сделал ставку на представителя радикальных консерваторов ходжат-оль-эслама Ибрахима Раиси – попечителя крупнейшего религиозного вакфа – гробницы имама Резы, который проиграл кампанию. Сразу же после выборов Х. Роухани резко высказывался против монополизации КСИРом целых секторов экономики (что мешает осуществлению экономической либерализации), а также его вмешательства в политическую сферу и призывал ограничить функции этой структуры чисто военными задачами⁶. Напряженность в отношениях президента с КСИР несколько снивелированная выступлениями духовного лидера в поддержку Х. Роухани, очевидно, станет нарастать, если он будет предпринимать попытки реально сократить вовлеченность КСИР в политическую и экономическую жизнь.

Накануне выборов 2017 г. Х. Роухани в условиях жесткого противостояния с радикальными консерваторами, был вынужден вновь опираться на электорат реформаторских сил и давал многочисленные обещания относительно либерализации политической сферы, обеспечения гражданских прав и свобод, широкого участия этнических и религиозных меньшинств в общественной и политической жизни, снятия некоторых ограничений в культурной сфере, решения гендерных проблем.

⁶ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.khabaronline.ir/print /668536> – Дата обращения: 22 мая 2017.

Особое внимание он обещал уделять решению проблем молодежи: безработицы, продвижение молодых кадров в исполнительных структурах, вывод университетов из-под излишней «опеки» сил безопасности, недопущение гендерной сегрегации в учебных заведениях и др. Открыто ставился вопрос о снятии домашнего ареста с лидеров «зеленого» движения М.Х. Мусави и М. Кяруби. Однако вновь избранному президенту не удалось выполнить некоторые из своих обещаний, касающихся формирования нового правительства⁷. Более того, количество министров – реформаторов по сравнению с прошлым кабинетом сократилось. Очевидно, опасаясь резкого «полевения» правительства, недовольные результатами выборов задействовали все механизмы для оказания давления на переизбранного президента. Вновь избранный Х. Роухани (второе лицо в государстве) в своих первых выступлениях после выборов заявил о том, что он собирается стать не просто руководителем правительства (по конституции ИРИ президент лишь возглавляет исполнительную власть), а главой государства, а также поднял вопрос о возможном в исламе волеизъявлении всего народа относительно духовного лидера (по конституции он избирается Советом экспертов)⁸. Эти высказывания вызвали жесткую критику Х. Роухани со стороны многих духовных авторитетов и самого А. Хаменеи. Противостояние президента и духовного лидера в течение первого месяца после выборов набирало обороты. В травлю президента включились руководители КСИР, басидж и судебной власти. Об особой значимости вопроса о формировании нового кабинета и попытках заставить Х. Роухани пойти на компромисс говорит и арест, а затем освобождение под залог брата президента Х.Феридуна⁹. Очевидно, сам президент решил не обострять отношения с духовным лидером и

⁷ В состав кабинета на правах министра не были введены женщины и представители суннитов.

⁸ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.asriran.com/fa/print/540064> – Дата обращения: 21 мая 2017.

⁹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ir.voanews.com/a/iran/3969898.html> – Дата обращения: 03 августа 2017.

внутриполитическую ситуацию в целом в условиях ужесточения нападков США и Израиля на Иран и осложнения региональных проблем. Однако такое решение несколько осложнило отношения реформаторского фланга с президентом, и даже под вопрос была поставлена необходимость поддержки нового правительства со стороны прореформаторских сил в меджлисе¹⁰. Многие известные политики этого фланга во взаимодействии всех сил, поддерживающих правительство, видят возможность противостояния консерваторам. В то же время уже сейчас реформаторские организации начинают подготовку к будущим парламентским выборам и ставят задачу через четыре года посадить в президентское кресло своего представителя. Х. Роухани, и его кабинету придется приложить немало усилий, чтобы в условиях противодействия радикалов сделать шаги в направлении сокращения давления религиозных институтов на социально-культурную сферу, добиваться реального осуществления равноправия женщин и решения наиболее острых проблем этнических¹¹ и религиозных меньшинств.

Консервативные силы, второй раз подряд проигравшие выборы, переживают кризис. Об этом свидетельствует их раздробленность, отсутствие общепризнанного лидера и сокращение голосов, подаваемых за их кандидатов на президентских, парламентских и муниципальных выборах. Умеренные консерваторы (традиционалисты), стоявшие в авангарде процессов экономической либерализации в конце 80-х годов XX в., особо тяжело переживают потерю своего влияния и пока не могут найти свое место на политическом театре,

¹⁰ [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://www.khabaronline.ir/print/693408> – Дата обращения: 03 августа 2017.

¹¹ Представители национальных окраин вопреки пропаганде оппозиционных режиму националистических организаций активно участвовали в выборах и поддержали Х. Роухани. Так, в Систане и Белуджистане явка на выборы составляла 93%, 73% голосов было отдано за Х. Роухани. В Курдистане президента поддержали 72,8% проголосовавших. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aftabir.com/news/article/view/2017/05/22/1702064> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

поскольку их некогда единый блок раздроблен на мелкие течения. Попытки умеренных опереться на организации, которые активно проявили себя в первые послереволюционные десятилетия, уже не в первый раз не приводят к успеху. Пассивность этих «старых» консервативных объединений (партия Моталефе, Общество исламских инженеров) в ходе выборной кампании может свидетельствовать об уменьшении их влияния в обществе. Неслучайно основным кандидатом консерваторов на выборах 2017 г. Ибрахим Раиси – мало известная иранцам фигура, ранее никогда не появлявшаяся на политическом горизонте, представлявшего интересы исламских радикалов. Попытка выставить своего кандидата, который на выборах выступал конкурентом И. Раиси, успеха им не принесла. Известные лица этого лагеря основными причинами кризиса движения считают отсутствие ротации кадров и недостаточный приток молодежи в их ряды. М.Б. Галибаф, выставлявший свою кандидатуру на президентских выборах 2013 и 2017 гг., в своем письменном обращении к религиозной молодежи, отметив растущую поколенческую пропасть, заявил о необходимости коренного реформирования консервативного течения и использовал термин «неоконсерватизм»¹². Он говорит о необходимости сохранения верности революционным ценностям и защите интересов революции, но видит необходимость перехода к новым формам деятельности. Он предлагает самокритично подойти к политике консерваторов и, активно привлекая молодежь, пересмотреть подходы к взаимодействию с социальными группами, властью и сформулировать базовые принципы неоконсерватизма.

Поднимая вопрос о возможности появления на иранской политической сцене новых политических течений или партий, стоит признать, что ранжирование политических сил с точки зрения их идеологических позиций в условиях иранских реалий задача достаточно сложная. У большинства из политических

¹² Письмо М.Б. Галибафа о «неоконсерватизме». Необходимы коренные перемены. перс. яз. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/04/31/1470913/> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

организаций или фронтов отсутствуют четко сформулированные программы действий. Их позиции часто корректируются в зависимости от ситуации и тактических целей. Причем, достаточно консервативные подходы в социально-культурной сфере или внешней политике могут уживаться с либеральными суждениями в хозяйственной сфере. Большинство объединений активизируются только в предвыборный период. Их соперничество между собой отражает не борьбу идей, а демонстрирует лишь раздробленность политической элиты, ее внутренние противоречия и амбиции. Формирование современной системы влиятельных парламентских партий, о необходимости чего говорят многие политические деятели – это дело не ближайшей перспективы.

Сохранение жесткого полицейско-административного контроля над любыми проявлениями недовольства по отношению к принципу «веляят-е факих» внутри страны, не предоставляет возможностей для действия оппозиционных режиму партий. Даже в районах проживания национальных меньшинств, на недовольство которых делают ставку внешние силы, выступающие против исламского режима, запрещенные в ИРИ националистические партии не имеют массовой поддержки населения, и их деятельность строго контролируется КСИР. Активисты этнических групп надеются на взаимодействие с режимом, а не на конфронтацию, и их высокая поддержка Х. Роухани на выборах свидетельствует об этой тенденции. Конфессиональные меньшинства (немусульманские) имеют определенные привилегии, но рамки их действий строго ограничены. В последние годы правительство ведет диалог с руководителями суннитов и пытается учитывать их мнение при назначении администрации районов и поддерживать их традиции¹³.

Таким образом, борьба политических элит, активизировавшаяся в последние годы, в основном отражает

¹³ [Электронный ресурс] – Режим доступа: – <http://aftabnews.ir/fa/print/477054> – Дата обращения: 21 сентября 2017.

противоречия во взглядах различных сил и течений на вопрос о том, как пойдет дальнейшее развитие исламской республики: путем сохранения социально-политического традиционализма, т.е. по модели развития первых послереволюционных лет или путем расширения либерально-демократических тенденций и ослабления исламских механизмов. Несомненно, что успехи деятельности правительства Х. Роухани в экономической и внешнеполитической сферах приведут к укреплению положения либеральных сил в политическом процессе, что будет способствовать активизации движения в сторону политической модернизации. При этом надо иметь в виду, что эта модернизация «сверху» при любых условиях будет протекать в русле неразрывности единства религиозных и политических императивов.

Источники и литература

1. Ali Mirsepassi. Democracy in Modern Iran. Islam Culture and Political Change. NYU Press, 2011. 234 p.

2. Дунаева. Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности // Религия и общество на Востоке. Выпуск 1. Сборник статей под ред. А.В. Сарабьева. М.: ИВРАН, 2017. С.51-68.

3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.khabaronline.ir/\(X\(1\)S\(ipzklvgl505pymfbj4jmwgmi\)\)/detail/707608/Politics/parties](http://www.khabaronline.ir/(X(1)S(ipzklvgl505pymfbj4jmwgmi))/detail/707608/Politics/parties) – Дата обращения: 22 сентября 2017.

4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.khabaronline.ir/detail/662455> – Дата обращения: 22 сентября 2017.

5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.farsnews.com/newstext.php?nn=13930213001435 – Дата обращения: 10 мая 2017.

6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.khabaronline.ir/print/668536> – Дата обращения: 22 мая 2017.

7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.asriran.com/fa/print/540064> – Дата обращения: 21 мая 2017.

8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ir.voanews.com/a/iran/3969898.html> – Дата обращения: 03 августа 2017.

9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.khabaronline.ir/print/693408> – Дата обращения: 03 августа 2017.

10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aftabir.com/news/article/view/2017/05/22/1702064> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/04/31/1470913/> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://aftabnews.ir/fa/print/477054> – Дата обращения: 21 сентября 2017.

КИТАЙ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация: Регион Ближнего и Среднего Востока занимает важное место в экономической и политической стратегии КНР. Быстро растущая китайская экономика и потребность Китая в импортере значительного объема энергоресурсов стали важным стимулом для налаживания более тесных связей с ближневосточными странами, активизации участия страны в обеспечении региональной безопасности.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Ближний и Средний Восток, торговля и инвестиции, энергоресурсы, «Экономический пояс шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века», региональная безопасность, борьба против террористической организации «Исламское государство».

Политика «открытости и реформ», проводимая Китаем с 1978 г. с целью активизации внешнеэкономической деятельности, направленной на модернизацию национальной экономики, дала свои результаты. Китай стал второй экономикой мира и сумел реализовать свои интересы практически на всех континентах. Заметно усилились экономические и политические позиции КНР на Ближнем и Среднем Востоке, где Китай традиционно позиционирует себя как развивающаяся страна, «стоящая на страже интересов обиженных империализмом (США, Израиль) арабских народов»². КНР развивает дружеские отношения со всеми странами региона, не отдавая никакой из них

¹ Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евразийских исследований им. Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

² Лузянин С.Г. Политика Китая на Ближнем Востоке: «накормить волков и сохранить овец». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/233952> – Дата обращения: 10 сентября 2017.

предпочтения, не навязывая им свои ценности и политические взгляды, выдвигая на первый план экономические интересы и учитывая особенности внутреннего развития стран-партнеров. Реализуя свои внешнеполитические и экономические связи, Китай настаивает на том, что «цивилизации должны проявлять уважение друг к другу» и «поддерживать принцип сосуществования», в основе которого лежит невмешательство во внутренние дела государства и «непрепятствие» странам, имеющим влияние в регионе³. Пекин поддерживает интенсивные контакты с враждующими между собой Саудовской Аравией и Ираном, тесно сотрудничает с Палестиной, оказывая ей поддержку в ООН, и развивает при этом взаимовыгодную кооперацию с Израилем, в том числе и в военной сфере. Израиль продает Китаю не только вооружение, но и военные технологии, а также продукцию для военно-космической отрасли. Китай призывает к обеспечению безопасности как палестинцев, так и израильтян. С рядом арабских стран КНР установила «стратегические отношения»: Египет, Алжир, Саудовская Аравия, ОАЭ. Китай придает большое значение созданию в странах Ближнего и Среднего Востока образа «дружественной и ответственной державы» и в странах региона многие рассматривают Китай как надежного и гибкого партнера, а также как альтернативную силу на международной арене⁴.

Быстро растущая китайская экономика и потребность Китая в импортере значительного объема энергоресурсов стали важным стимулом для налаживания более тесных связей с ближневосточными странами. Из 70% поставляемой Китаю нефти 47% приходится на Саудовскую Аравию и Иран. Китай

³ Живора Л.И. (в соавторстве). Круглый стол «Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в фокусе интересов региональных и мировых держав» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1(11). С. 105-106.

⁴ О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке. Обзор СМИ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://catu.su/analytics/1360-o-nekotoryh-aspektah-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke> – Дата обращения: 12 сентября 2017.

стал одним из важнейших экономических и торговых партнеров стран региона. Пекин реализовал многомиллиардные инвестиции в Иран, Ирак и аравийские монархии, а также инициировал капиталовложения стран Персидского залива (прежде всего Катара) в КНР. Китай активно строит здесь многочисленные объекты нефтеперерабатывающей промышленности. По мнению экспертов, именно «энергетика будет наиболее важным мотивирующим фактором, формирующим китайскую внешнюю политику в отношении Ближнего Востока, в поддающемся предвидении будущем»⁵. Активно развивается торговля Китая со странами региона. За последние десять лет товарооборот между КНР и арабскими странами вырос почти в десять раз и составил 239 млрд долл. Стоимость строительных контрактов, заключенных китайским бизнесом на Ближнем Востоке, увеличилась с 2,6 млрд долл. до 29 млрд долл. США⁶. Сотни китайских компаний работают в различных странах региона: в Египте действуют 900 китайских предприятий, в ОАЭ их более сотни, около 80 предприятий в Саудовской Аравии.

События последних лет, имевшие место в Ливии, Сирии и Египте, имели определенные последствия для Китая и обратили на себя внимание китайского руководства, что привело к еще большей экономической и политической активности КНР на Ближнем и Среднем Востоке. Так, например, накануне «демократической революции» в Ливии китайские инвестиции составляли более 18,5 млрд долл., в стране работали 75 китайских компаний, Китай как экономический партнер Ливии занимал второе место⁷. После свержения Муаммара Каддафи инвестиции

⁵ О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке. Обзор СМИ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://catu.su/analytics/1360-о-некоторых-аспектах-политики-китая-на-ближнем-востоке> – Дата обращения: 12 сентября 2017.

⁶ Кокарев К.А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/11007> – Дата обращения: сентября 2017.

⁷ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции / М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 261.

были утрачены, десятки тысяч китайских специалистов и рабочих покинули страну. Теперь Китай вынужден начинать инвестиционные программы в Ливии заново и пока не может восстановить здесь свое экономическое и политическое влияние в полной мере. По мнению российских экспертов, Пекин «извлек уроки» из этой ситуации⁸. Об активизации китайской политики в регионе свидетельствует визит председателя КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Иран и Египет в январе 2016 г., в ходе которого было заявлено о повышении уровня «всеобъемлющего стратегического сотрудничества» Пекина с этими странами. Стороны подписали ряд соглашений о сотрудничестве в сфере торговли, экономики и инвестиций, были достигнуты важнейшие соглашения, касающиеся снижения цен на энергоносители. Китайский лидер в своих выступлениях подчеркивал, что региональная политика КНР имеет целью содействие развитию стран – партнеров в соответствии с их потребностями, укреплению их безопасности и стабильности, обретению ими более активной роли в регионе и мире. Накануне визита был опубликован первый документ, говоривший о политическом курсе Китая в отношении арабских стран. В документе подчеркивалось, что Китай неизменно заинтересован в мире и развитии арабских государств, а также в усилении двустороннего диалога и углублении сотрудничества в культурной, туристической, информационной и других сферах. По мнению китайских политологов, этот документ «воплотил концепцию нового типа международных отношений, основанных на сотрудничестве и общем выигрыше»⁹. Накануне этого турне начал работу азиатский банк инфраструктурных инвестиций АБИИ с уставным капиталом в 100 млрд долл. США, членами которого являются и те страны, которые посетил китайский лидер.

⁸ Лузянин С.Г. Политика Китая на Ближнем Востоке: «накормить волков и сохранить овец». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/233952> – Дата обращения: 10 сентября 2017

⁹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0114/c31521-9003424.html> – Дата обращения: сентябрь 2017.

Большое место во внешнеэкономической и политической деятельности Китая на Ближнем Востоке занимает Египет, который является одним из лидеров в регионе и нужен Китаю как важный транзитный пункт для поставки китайских товаров как на Ближний Восток, так и в страны Африки. Китай вложил 900 млн долл. в строительство второй ветки Суэцкого канала и намерен провести инвестиции в разработку промышленной зоны в 120 км от Каира, в устье канала. Этот проект позволит создать 40.000 рабочих мест для египтян. Египет также является крупнейшим для Китая рынком оружия, куда поставляется значительная часть «автоматов Калашникова» производимых в КНР. Следует отметить, что президент Египта М. Мурси свой первый государственный визит совершил именно в Пекин, где получил политическую поддержку и экономическую помощь в объеме около 2 млрд долл.¹⁰ В ходе визита были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве в области экономики, сельского хозяйства, торговли, туризма, телекоммуникаций и в других сферах. Важно отметить, что эксперты КНР, резюмируя итоги китайско-египетских переговоров, констатировали, что «прежнюю чересчур тихую и мягкую политику на Ближнем Востоке пришло время менять»¹¹.

Крупнейшим торговым партнером Китая и поставщиком сырой нефти является Саудовская Аравия, которой Пекин после Египта придает особое значение. КНР импортирует из Саудовской Аравии нефть на 70 млрд долл. ежегодно. Двусторонние связи в разных сферах активно развиваются. Саудовская Аравия увеличивает инвестиции в КНР, положительно оценивает инициативу китайской стороны о строительстве «одного пояса, одного пути», а также стала страной-учредителем Азиатского банка инфраструктурных

¹⁰ Лузянин С.Г. Политика Китая на Ближнем Востоке: «накормить волков и сохранить овец». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/233952> – Дата обращения: 10 сентября 2017.

¹¹ Китай на Ближнем Востоке: «тихая и терпеливая политика». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/36226.html> – Дата обращения: 10 сентября 2017.

инвестиций. На восточном побережье Саудовской Аравии открыт НПЗ, стоимость которого оценивается в 10 млрд долл., из них одна треть принадлежит китайской стороне. По итогам визита короля Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд весной 2017 г. в Китай были подписаны контракты на 65 млрд долл. США.

Активно развиваются и китайско-иранские отношения. В 2007-2009 гг. Китай подписал с Ираном нефтегазовое соглашение на 3,76 млрд долл. США. В настоящее время сотрудничество между двумя странами в области энергетики расширилось. Иран находится на третьем месте по поставкам углеводородов в Китай. Страны сотрудничают в сферах нефте- и газодобычи, электроэнергетики, инфраструктурном строительстве, строительстве метрополитена, сооружения плотин и т.д. Товарооборот между ними в 2016 г. составил 66 млрд долл. Около 50% зарубежных инвестиций Иран получает из Китая¹². Китай принимал участие в урегулировании ядерной проблемы Ирана, считая, что ИРИ, как страна, подписавшая Договор о нераспространении ядерного оружия, имеет право на мирное использование ядерной энергии при строгом соблюдении международных норм. Совместные усилия России и Китая внесли решающий вклад в достижение договоренности по иранскому вопросу в июле 2015 г. КНР предоставляет кредиты для модернизации иранских железнодорожных путей и портов на берегу Персидского залива: Чахбахар и Бендер Абас, поскольку Ирану отведено определенное место в транспортной системе, соединяющей Восточную и Западную Азию в разрабатываемом КНР проекте создания «Экономического пояса Шелкового пути». По мнению российских экспертов, «поддержка Китаем Ирана

¹² Федорова И.Е. (в соавторстве). Круглый стол «Стратегия Китая в XXI веке» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир 2017. №3(13).

является важным элементом стратегического соперничества США и Китая на Ближнем Востоке»¹³.

Важное место среди ближневосточных партнеров КНР занимала Сирия. Башар Асад был первым сирийским лидером, посетившим Пекин в 2004 г. с официальным визитом. Объем двусторонней торговли в 2011г. составлял 3 млрд долл. Современные китайско-сирийские отношения строятся на основе главного внешнеполитического принципа Китая – концепции соразвития. Китай выступает против свержения законного правительства Сирии, также как и Россия, поддерживает суверенитет и территориальную целостность этой страны. Москва и Пекин выступают с единых позиций в Совете Безопасности ООН. Так, 28 февраля 2017 г. Россия и Китай заблокировали принятие в Совете Безопасности ООН проекта резолюции, предусматривающей введение санкций в отношении Сирии за химические атаки, приписываемые Дамаску¹⁴. Пекин не принимает непосредственное участие в сирийском конфликте, однако летом 2016 г. представитель Центрального военного совета КНР Гуань Юфэй посетил Дамаск и обещал сирийскому министру обороны предоставить Сирии гуманитарную помощь, а также содействовать подготовке военнослужащих. По сообщению китайской газеты Global Times, Народная освободительная армия Китая (НОАК) направила в Сирию военных инструкторов и военный персонал, а также поставляет правительственной армии снайперские винтовки и гранатометы¹⁵.

Значение Ближнего и Среднего Востока для Китая возрастает и в связи с его стратегическими проектами по

¹³ О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке. Обзор СМИ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://catu.su/analytics/1360-о-некоторых-аспектах-политики-китая-на-ближнем-востоке> – Дата обращения: 12 сентября 2017.

¹⁴ Россия и Китай наложили вето на резолюцию СБ ООН с санкциями в отношении Сирии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4059809/> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

¹⁵ Мануков С. Пекин готов оплачивать восстановление Сирии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expert.ru/2017/02/7/kitaj-hochet-vozrozhdat-siriyu-iz-repla/> – Дата обращения: 16 сентября 2017.

созданию «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века». В рамках проекта ЭПШП путем сооружения скоростных железнодорожных линий и дополняющих их портов, а также инвестиционной деятельности, Китай планирует создать экономический коридор Азия – Евразия – Европа. Главное направление ЭПШП планируется провести через Центральную и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Ирак, Сирию и Турцию, а оттуда в Европу через Болгарию, Румынию и Чехию в Германию. «Морской шелковый путь» разрабатывается Пекином как альтернатива контролируемому США морского маршрута, проходящего через Индийский океан и Малаккский пролив, через который Китай получает 77% импортируемой им нефти¹⁶. Морской путь пройдет мимо Индии в Красное море с ответвлениями в Персидский залив и Африку, а через Суэцкий канал в Средиземноморье. Реализация проектов будет способствовать экономическому развитию слаборазвитых районов западного и центрального Китая, позволит Пекину вовлечь экономики и рынки стран, находящихся вдоль пути, в орбиту своих экономических и геополитических интересов и поможет дальнейшему продвижению Поднебесной на европейский рынок¹⁷. В качестве инструментов для расширения сотрудничества в регионе планируется взаимодействие таких многосторонних механизмов как Форум китайско-арабского сотрудничества и Диалог Китай-Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Китай-ССАГПЗ). Предполагается, что проект будет реализован в течение 30 лет.

Экономические интересы Китая на Ближнем и Среднем Востоке, а также планы глобального масштаба по созданию

¹⁶ Живора Л.И. Сопряжение проектов ЕАЭС и ЭПШП на площадке ШОС // ШОС: возможности и перспективы / сост. и отв. ред. Р.Н. Шангараев – М.: Онеbook, 2016. С.75-87.

¹⁷ Стратегия экономического развития "Один пояс — один путь". [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170514/1494097368.html> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

«шелковых путей» побудили Китай проявить активность в области региональной безопасности. Пекин объявил о своем присоединении к борьбе против террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещено в РФ). Ближний и Средний Восток важен для Пекина также с точки зрения обеспечения безопасности самого Китая, прежде всего его западных районов с беспокойным Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Уйгурские сепаратисты стремятся создать на территории китайских провинций историческое государство Восточный Туркестан. Многие уйгуры, исповедующие ислам, воюют на севере Сирии на стороне исламистов. По некоторым данным, среди воюющих в Сирии боевиков присутствует до пяти тысяч уйгуров¹⁸. Распространение влияния ИГ является серьезной угрозой безопасности КНР и может стать реальным препятствием на пути осуществления стратегического проекта «шелковых путей».

Пекин укрепляет свои внешние военные позиции и форпосты. Впервые за пределами КНР создается военно-морская база в Джибути¹⁹ под предлогом обслуживания китайских кораблей, патрулирующих море вблизи побережья в рамках международной операции по борьбе с сомалийскими пиратами. В то же время КНР планирует построить морские и воздушные порты, дороги и инфраструктуру якобы в целях превратить Джибути в международный перевалочный пункт. Так или иначе, база в Джибути позволит Китаю контролировать территорию от Аравийского полуострова до Индии, а также Персидский залив и, возможно, Красное море. Уже сейчас китайские военные корабли стали всё чаще появляться вблизи стран Ближнего Востока.

¹⁸ Китай может ввязаться в войну на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: /<http://planet-today.ru/geopolitika/item/71553-kitaj-mozhet-vvuzatsya-v-voynu-na-blizhnem-vostoke>16 Июня 2017 – Дата обращения: 4 октября 2017.

¹⁹ Живора Л.И.(в соавторстве). Круглый стол «Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в фокусе интересов региональных и мировых держав» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1(11). С. 105-106.

Используя преимущественно экономические рычаги и «мягкую силу», учитывая особенности политического и экономического развития стран региона, а также межгосударственные и иные противоречия на Ближнем и Среднем Востоке, Китай оказывает все более заметное влияние на экономику и безопасность региона. Справедливым является мнение российских аналитиков о том, что китайское влияние в регионе будет расти²⁰.

Источники и литература

13. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток – Запад, 2010. 464 с.

14. Живора Л.И. Сопряжение проектов ЕАЭС и ЭПШП на площадке ШОС// ШОС: возможности и перспективы: сборник статей / под ред. Р.Н. Шангараев. М.: Onebook, 2016. С.75-87.

15. Живора Л.И. (в соавторстве). Круглый стол «Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в фокусе интересов региональных и мировых держав» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1(11). С. 105-106.

16. Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 343 с.

17. Китай может ввязаться в войну на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] – Режим доступа: [/http://planet-today.ru/geopolitika/item/71553-kitaj-mozhet-vvyazatsya-v-voynu-na-blizhнем-vostoke](http://planet-today.ru/geopolitika/item/71553-kitaj-mozhet-vvyazatsya-v-voynu-na-blizhнем-vostoke) 16 Июня 2017 – Дата обращения: 4 октября 2017.

18. Китай на Ближнем Востоке: «тихая и терпеливая политика» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belvpo.com/ru/36226.html> – Дата обращения: 10 сентября 2017.

19. Кокарев К.А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/11007/> – Дата обращения: 14 сентября 2017.

²⁰ Кокарев К.А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/11007/> – Дата обращения: 14 сентября 2017.

20. Лузянин С.Г. Политика Китая на Ближнем Востоке: «накормить волков и сохранить овец». [Электронный ресурс] – Режим доступа: [/https://mgimo.ru/about/news/experts/233952/](https://mgimo.ru/about/news/experts/233952/) – Дата обращения: 10 сентября 2017.

21. Мануков С. Пекин готов оплачивать восстановление Сирии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expert.ru/2017/02/7/kitaj-hochet-vozrozhdat-siriyu-iz-pepla> – Дата обращения: 16 сентября 2017.

22. Мустафабейли А.М. Послесловие по итогам круглого стола «Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в фокусе интересов региональных и мировых держав» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1(11). С. 116-118.

23. О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке. Обзор СМИ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://catu.su/analytics/1360-o-nekotoryh-aspektah-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke> – Дата обращения: 12 сентября 2017.

24. Россия и Китай наложили вето на резолюцию СБ ООН с санкциями в отношении Сирии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4059809> – Дата обращения: 20 сентября 2017.

25. Стратегия экономического развития "Один пояс — один путь". [Электронный ресурс] – Режим доступа: [/https://ria.ru/spravka/20170514/1494097368.html](https://ria.ru/spravka/20170514/1494097368.html) – Дата обращения: 20 сентября 2017.

26. Федорова И.Е. Иран в системе международных отношений // Зарубежное регионоведение: теория и практика/ Нижний Новгород, 2013. С. 69-73.

27. Федорова И.Е. (в соавторстве) Круглый стол «Стратегия Китая в XXI веке» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №3(13).

28. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0114/c31521-9003424.html> – Дата обращения: 8 сентября 2017.

ФРАНЦИЯ И СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Аннотация: В статье исследована политика Франции в отношении стран Персидского залива, в том числе ее отношения с Саудовской Аравией и Катаром. Выявлено влияние этих связей на подходы официального Парижа к проблемам сирийского урегулирования. Освещена внутривластная дискуссия по этой теме.

Ключевые слова: Франция, Саудовская Аравия, Катар, Ближний Восток, сирийское урегулирование

Франция проводит активную политику в отношении стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), объединяющего Саудовскую Аравию (СА), Катар, Кувейт, Оман, Бахрейн и Объединенные арабские эмираты (ОАЭ). Париж строит свою политику в регионе с учетом расстановки сил и комплексного характера проблем, с которыми сталкиваются эти страны. Линии разлома между противоборствующими сторонами в основных конфликтах региона нередко сложно идентифицировать в силу их постоянной изменчивости. Противоречия между государствами Большого Ближнего Востока, где помимо стран региона активно действуют крупные внерегиональные игроки, носят как торгово-экономический, политический, военно-политический, так и культурно-религиозный характер, что осложняет оценку той или иной конфликтной ситуации. Имея большой опыт взаимодействия с государствами БВВ, Париж использует свои исторические связи с традиционными партнерами, а также опирается на постепенное выстраивание новых партнерств,

¹ Доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

стремясь компенсировать общее снижение своего влияния в регионе.

В чем причины сотрудничества Франции со странами Персидского залива? Как развиваются франко-саудовские и франко-катарские отношения? Каковы их перспективы после избрания президентом Франции Э. Макрона, в том числе, в свете сирийского урегулирования?

Причины сотрудничества Франции со странами Персидского залива

Важные факторы, обусловившие интерес Парижа к развитию связей со странами региона, – усиление политической нестабильности, война в Сирии, возникновение запрещенной в России ИГИЛ, миграционный кризис. С 2015 г. самой неотложной задачей, стоящей перед французским правительством, является борьба с террористической угрозой. С этой точки зрения большой интерес для Парижа представляет собой наращивание взаимодействия с персидскими монархиями, играющими существенную роль в определении расклада сил на Ближнем Востоке и оказывающими влияние на урегулирование основных конфликтных ситуаций.

Одним из самых значительных факторов, которые подтолкнули Париж к активизации связей со странами Персидского залива, стало общее ослабление французских экономических позиций в результате финансово-экономического кризиса 2008 г. и последовавшего за ним долгового кризиса еврозоны. Увеличение промышленных и военных контрактов с другими странами, в том числе с богатейшими персидскими монархиями, должно было помочь «перезапустить экономику». Во Франции учитывали, что в 2014 г. доля стран ССАГПЗ в мировых доказанных запасах нефти составляла порядка 40%, они удовлетворяли 25% зарубежной потребности нефти. Их удельный вес в мировых запасах природного газа составлял 20%, им

принадлежали 40% финансовых резервов мира². Государства ССАГПЗ – крупнейшие поставщики энергоносителей в Европу, контролируют основные морские пути, инвестируют в экономику стран ЕС, закупают там промышленные и военные товары, а также оборудование.

Важнейшим мотивом, заставившим Париж активизировать отношения со странами ССАГПЗ, стало стремление поддержать свой военно-промышленный комплекс в условиях осложнившейся социально-экономической ситуации в стране. Французская политика в регионе строилась с учетом того, что именно Саудовская Аравия и ОАЭ являются крупнейшими в мире импортёрами вооружений (второе и третье место соответственно³). Занимая четвертое – вслед за США, Россией и Китаем – место в мире среди мировых поставщиков вооружений, Франция стремится не только сохранять свои позиции на рынке вооружений, но и расширять свой «бизнес». По данным французского министерства обороны, на регион Ближнего Востока и Северной Африки в 2013 г. пришлось 48% всех французских контрактов на продажу оружия. С 2011 по 2015 гг. его экспорт резко вырос⁴. Если в 2011 г. общая сумма контрактов составила €6,5 млрд, то спустя 4 года – уже €16,9 млрд.

Что касается стран Персидского залива, то, во-первых, они заинтересованы в том, чтобы диверсифицировать «источники безопасности», а для этого – несколько дистанцироваться от тесных связей с США и заинтересовать Францию в политическом

² Костюнина Г.М., Ломакин Н.Н. Эволюция экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №6. С. 87.

³ Fleurant A., Wezeman P.D., Siemon T. Wezeman S.T., Tian. N. Trends in international Arms Transfers, 2016 // SIPRI Fact Sheet. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

⁴ Béraud-Sudreau L. French arms exports success – the data behind the numbers // Military Balance Blog.Posts from the IISS Defence and Military Analysis Programme. 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iiss.org/en/militarybalanceblog/blogsections/2016-629e/october-96af/french-arms-exports-success-a148> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

и военно-политическом сотрудничестве, тем самым укрепляя свои позиции в регионе. Во-вторых, эти страны стремятся расширить свои экономические активы в крупнейшей экономической зоне мира – Евросоюзе. В частности, Катар инвестирует не один десяток миллиардов долларов США в финансовый сектор, элитную недвижимость, СМИ, нефтехимию Великобритании, Франции и других государств ЕС⁵. Франция и Великобритания – ядерные державы, постоянные члены СБ ООН (соответственно обладают правом вето), влиятельны в ЕС и НАТО, а также традиционно активны на Ближнем Востоке. Эти обстоятельства делают, в частности, Францию привлекательным партнёром для стран Персидского залива.

Для того чтобы понять, как влияют отношения со странами ССАГПЗ на французскую политику в регионе, в том числе на сирийском направлении, обратимся к анализу отношений Франции с самой крупной и влиятельной страной ССАГПЗ – Саудовской Аравией, а также с Катаром, оказавшимся в последнее время в центре внимания мирового сообщества.

Специфика франко-саудовских и франко-катарских связей

Особую роль среди стран ССАГПЗ играет Саудовская Аравия. Длительное время связи Франции с Саудовской Аравией (Королевство Саудовская Аравия – КСА) определялись главным образом нефтяным фактором: Королевство являлось одним из важнейших поставщиков энергоносителей во Францию. На двусторонних отношениях негативно отразился нефтяной кризис 1973-1975 гг., спровоцированный саудитами. Связи были восстановлены после того, как в сентябре 1981 г. избранный президентом Ф. Миттеран совершил свой первый зарубежный визит в КСА для того, чтобы поблагодарить саудовского монарха

⁵ Сенькович В.В. Западные лоббисты на службе аравийских монархий // РСМД. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapadnye-lobbisty-na-služhbe-araviyskikh-monarkhiy/?sphrase_id=81334 – Дата обращения: 25 апреля 2017.

за поддержку пошатнувшегося франка⁶. Хотя инициатива Франции привела к нормализации отношений, в дальнейшем они развивались неровно.

Новое сближение началось после прихода к власти Ф. Олланда, который в ноябре 2012 г. посетил Саудовскую Аравию, причем это был его первый визит в ближневосточную страну. С этого момента франко-саудовские связи активно развивались. В обоснование этого курса во Франции была разработана концепция так называемой «экономической дипломатии», с которой министр иностранных дел Л. Фабиус выступил на ежегодной конференции французских послов в августе 2012 г.

Развитие политического диалога между двумя странами вышло на новый уровень. На регулярную основу был поставлен обмен визитами на высшем и высоком уровнях. В мае 2015 г. Ф. Олланд был приглашен на саммит глав государств и правительств ССАГПЗ. Ему была оказана особая честь, которой до него не удостоивался ни один западный политик. В ходе визита в Париж в марте 2016 г. наследный принц, заместитель премьер-министра и министр внутренних дел Мохамед бен Найеф был награжден высшей французской наградой – Орденом Почетного Легиона. Как отмечается на сайте французского МИДа, «стороны обменялись мнениями по сирийскому конфликту и подчеркнули необходимость совместно бороться с терроризмом»⁷.

Координация подходов двух стран к проблемам безопасности в регионе была усилена. Франция и Саудовская Аравия заняли схожие позиции в отношении судьбы Сирии и её президента («Асад должен уйти»), а также ядерной программы Ирана. Обе страны открыто поддерживали сирийскую

⁶ Jauvert V. France-ArabieSaoudite: unesietroiteamitie. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20160104.OBS2180/france-arabie-saoudite-nos-amis-les-saoud.html> – Дата обращения: 25 мая 2017.

⁷ Relations bilaterales.Presentation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/arabie-saoudite/la-france-et-l-arabie-saoudite> – Дата обращения: 25 мая 2017.

оппозицию, выступили против «Хезболлы» и за укрепление своих позиций в Ливане. Кроме того, Париж поддержал борьбу Эр-Рияда с хуситскими формированиями в Йемене.

Необходимо подчеркнуть, что в вопросах сирийского урегулирования именно Франция заняла наиболее радикальную среди западных стран анти-асадовскую позицию, что может быть продиктовано, в том числе, стремлением к дальнейшему сближению с КСА. Так, в августе 2013 г. Париж открыто призвал к вооруженной интервенции Запада в Сирию с тем чтобы уничтожить там запасы химического оружия, которое, якобы, было применено сирийскими войсками. Отказ администрации Обамы последовать этим призывам вызвал глубокое разочарование французских властей, которые с тех пор не переставали критиковать за это Вашингтон. Так, выступая с новогодними поздравлениями в январе 2017 г., уходящий президент Ф. Олланд вернулся к этой теме, заявив, что необходимо было «наказать» сирийский режим за то, что он «переступил красную черту», применив химическое оружие⁸.

Интерес Парижа к развитию сотрудничества с КСА обусловлен прежде всего большими финансовыми возможностями Саудовской Аравии, которая до 2020 г. предполагает инвестировать 225 млрд долл. в возобновляемые источники энергии, 300 млрд – в опреснение воды, 50 млрд долл. – в строительство железных дорог и метро⁹. Кроме того КСА планировала вложить 50 млрд долл. непосредственно в развитие французской экономики.

⁸ Voeux du président de la République - Lutte contre le terrorisme - Syrie - Irak - Libye - Israël-Territoires palestiniens - États-Unis - Russie - Ukraine - Union européenne - Asie - Voeux au corps diplomatique de M. François Hollande, président de la République (Paris, 12/01/2017). [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://basedoc.diplomatie.gouv.fr/vues/Kiosque/FranceDiplomatie/kiosque.php?fichier=bafr2017-01-12.html#Chapitre1> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

⁹ France-ArabieSaoudite: «un partenariat de reference». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ccfranco-arabe.org/NewsDetails.aspx?id=543&language=frenchamberdecommercefr-arabe> – Дата обращения: 25 мая 2017.

Для придания импульса торгово-экономическим связям двух стран была образована Совместная франко-саудовская торгово-экономическая комиссия. Ее первое заседание прошло в июне 2015 г., а уже в октябре того же года она собралась во второй раз. Французскую делегацию возглавлял будущий президент Э. Макрон, занимавший в то время пост министра экономики. Франция и Саудовская Аравия подписали экономические соглашения на сумму в 10 млрд евро¹⁰. Новые контракты касались закупки французского вооружения, спутников, сотрудничества в сфере фармакологии, транспорта и энергетики.

За время пребывания Олланда у власти Саудовская Аравия превратилась в первого торгового партнера Франции в странах Персидского залива. Уже в 2013 г. она стала главным поставщиком нефти во Францию (18,1%)¹¹. Сегодня Франция занимает третье место среди основных инвесторов в Саудовской Аравии после США и Кувейта. Французские инвестиции направляются в железнодорожный транспорт, высокоскоростные поезда, АЭС, оборонный сектор. Франция участвует в строительстве двух нефтяных танкеров для КСА. Ее накопленные инвестиции оцениваются в 15,3 млрд долл. Отмечая важность Эр-Рияда для Парижа, французский эксперт по вопросам геополитики М. Лазар утверждает, что «Саудовская Аравия – это наш второй по величине торговый партнёр на Ближнем Востоке (после Турции) и первый в Персидском заливе»¹².

¹⁰ Премьер-министр Франции «вывез» из Саудовской Аравии 10 миллиардов евро // RFI, 13.10.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20151013-premier-ministr-frantsii-vyvez-iz-saudovskoi-aravii-10-milliardov-evro> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹¹ Mikail B. France's shifting Middle Eastern alliances // FRIDE. PolicyBrief. 2014. №188. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fride.org/download/pb_188_france_shifting_middle_eastern_alliances.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹² Lazar M. Entre investissements dans l'Hexagone et financements directs ou indirects du terrorisme, qui de la France, du Qatar et de l'Arabie saoudite est le plus schizophrène ? // Atlantico, 22.01.2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

Особое внимание было уделено развитию военных связей двух стран, в том числе проведению совместных маневров с участием ВВС и ВМС. Реализуются совместные программы модернизации четырех фрегатов. Запланировано строительство шести подводных лодок и шести фрегатов на сумму в 20 млрд долл., системы ПВО, а также вывод на орбиту саудовского спутника для осуществления контроля за границами.

Для Франции немаловажно то, что в 2015 г. Саудовская Аравия занимала первое место среди стран, закупающих французское вооружение. Хотя Франция не является главным продавцом оружия для Саудовской Аравии (ей продают оружие в основном США, Великобритания и Испания), тем не менее, Эр-Рияд закупает его и у Парижа. Важным этапом в сотрудничестве двух стран стало подписание в ноябре 2014 г. трехстороннего франко-ливано-саудовского контракта на поставку Ливану французских вооружений при финансировании сделки саудитами (3 млрд евро). На словах данная помощь была призвана усилить роль Ливана в борьбе против террористических группировок, не влияя при этом на равновесие сил с соседними армиями и на отношения Ливана с «Хезболлой»¹³. Однако впоследствии в марте 2016 г. саудиты заявили, что прекращают программу помощи Ливану и перенаправят французское оружие на национальные нужды¹⁴.

Другим важным партнером Франции в регионе является Катар. Развитие отношений было простимулировано французским президентом Н. Саркози, привлеченным высокими

<http://www.atlantico.fr/decryptage/entre-investissements-dans-hexagone-et-financements-directs-ou-indirects-terrorisme-qui-france-qatar-et-arabie-saoudite-est-plus-614205.html#kmkLt86ZeX1uGppy.99> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹³ El Khoury V. Pourquoi la France et l'Arabie saoudite fournissent-elles trois milliards de dollars d'armes au Liban? // Slate, 27.02.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slate.fr/story/98315/aide-france-arabie-saoudite-liban%20> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹⁴ Саудовская Аравия оставит себе купленное для Ливана французское оружие // РИА-Новости, 05.03.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160305/1385426928.html> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

экономическими показателями Катара (в 2008 г. рост катарского ВВП равнялся 14% в год, а общий объем иностранных инвестиций в Катаре превышал его ВВП более, чем в 200 раз). Особые связи, в частности, проявились во время совместного участия Франции и Катара в войне в Ливии (2011 г.) и свержения М. Каддафи, с которым у Катара были натянутые отношения. По словам главы ФИФА З. Блаттера, Саркози и бывший федеральный президент ФРГ К. Вульф повлияли на выбор Катара как страны-хозяйки Чемпионата мира по футболу 2022 г. По всей видимости, резюмирует российский эксперт Сенькович, «доброй службой Катару Николя Саркози заслужил щедрое предложение от QatarInvestmentAuthority на сумму 3 млн евро в год за управление инвестициями в Европе»¹⁵. Считалось, что при Саркози произошла «катаризация» внешней политики Франции на Ближнем Востоке. По этой причине, как отмечает французский журналист Ж. Мальбрюно, двусторонние отношения Франции и Саудовской Аравии, наоборот, несколько ослабили во время его президентства¹⁶.

Хотя после прихода к власти Ф. Олланда внимание Парижа было перенесено на связи с Саудовской Аравией, торгово-экономические отношения Франции с Катаром продолжали быстро развиваться. С 2012 по 2015 г. взаимная торговля между Катаром и Францией выросла практически вдвое (с 1,51 млрд евро по 2,78 млрд евро)¹⁷. В 2015 г. Париж значительно увеличил свою

¹⁵ Сенькович В.В. Западные лоббисты на службе аравийских монархий // РСМД. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/zapadnye-lobbisty-na-sluzhbe-araviyskikh-monarkhiy/?sphrase_id=81334 – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹⁶ Malbrunot G. Pourquoi Hollande relance le partenariat avec l'Arabie? // LeFigaro. 03.11.2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://blog.lefigaro.fr/malbrunot/2012/11/pourquoi-hollande-relance-le-p.html?xtor=RSS-75> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹⁷ Boniface P. France and Qatar: Mutual Economic Benefits // QADRAN. 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.qadran.fr/wp-content/uploads/2016/04/Study-QatarFrance_March2016_IRIS.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

долю во внешней торговле Катара, став вторым (9,15%) после США (13,7%) торговым партнёром Дохи (в 2014 г. Франция занимала лишь девятое место). Необходимо отметить, что основной статьёй экспорта Франции в Катар на протяжении многих лет остаются гражданская авиация (75% в 2015 г.), оборудование для реализации различных крупных проектов и потребительские товары. Франция импортирует из Катара в основном углеводороды. В 2014 г. они составили 84% экспорта Катара во Францию (59% пришлось на нефть, а 25% - на газ). При этом нельзя забывать и о поставках Катару французского оружия. В мае 2015 г. Катар подписал контракт на покупку у Франции 24 истребителей «Рафаль». Сумма сделки оценивается в 6,3 млрд евро¹⁸. При этом известно, что французские военные должны были обучить 36 катарских пилотов и 100 техников.

Не меньшую (если не большую) роль в экономических отношениях Дохи и Парижа играют взаимные инвестиции. В 2012 гг. доля ПИИ Франции в экономике Катара составила 10,6%¹⁹. Согласно данным Банка Франции, в настоящее время среди стран ССАГПЗ Катар является вторым (после Саудовской Аравии) получателем ПИИ из Франции. В 2014 г. объём инвестиций оценивался в размере 2,377 млрд евро (примерно 0,26% всех ПИИ Франции). Франция инвестирует в основном в развитие энергетики, строительство, транспорт, инфраструктуру и др.

Что касается Катара, то общий объём его инвестиций во Франции составляет сейчас более 30 млрд евро. В 2012 г. на Францию приходилось 10,8% всех ПИИ Катара. Свои инвестиции Доха осуществляет через созданный в 2005 г. Суверенный фонд

¹⁸ Катар купит у Франции 24 истребителя «Рафаль» // DeutscheWelle. 04.05.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dw.com/p/1FJst> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

¹⁹ Foreign Investment Survey, 2013 // Economic Statistics and National Accounts Department Ministry of Development Planning and Statistics State of Qatar, Doha. 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mdps.gov.qa/en/statistics/Surveys/FI_Survey2013.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

Катара (QatarInvestmentAuthority), предпочитая вкладывать средства в стратегические отрасли (добывающий сектор, оборонная промышленность).

Анализируя внешнюю политику Франции при Олланде, есть основания полагать, что он поспешил заявить об отсутствии политического будущего у президента Сирии Б. Асада, союзника Ирана, желая «сделать реверанс» не только КСА, но и Катару. Стоит вспомнить, что в июне 2013 г. именно в Дохе состоялась встреча группы «Друзей Сирии», на которой присутствовал и французский президент. Одним из проектов, который, по мнению Катара, не может быть реализован из-за Асада – строительство газопровода, проходящего из Катара через Сирию в Турцию и Европу.

Несмотря на то, что как Саудовская Аравия, так и Катар входят в ССАГПЗ, между ними существует негласная борьба за влияние, что и проявилось в ходе кризиса вокруг Катара, вспыхнувшего в мае этого года. Необходимо учитывать, что позиции Саудовской Аравии несколько пошатнулись вследствие неутрахающей войны в Йемене, где коалиция, возглавляемая саудовцами, никак не может одержать победу над хуситами и стабилизировать обстановку в стране. Нельзя исключать, что Эр-Риад стремится использовать конфликт вокруг Катара для того чтобы подтвердить свою лидирующую роль в ССАГПЗ и восстановить полный контроль над этой организацией. В этом деле Эр-Риад заручился поддержкой Вашингтона, о чем может свидетельствовать подписанный в ходе визита в КСА американского президента Д.Трампа в мае этого года контракт на закупку Эр-Риадом американских вооружений на сумму в 110 млрд дол., в том числе договоренность о предоставлении КСА новейшего комплекса противовоздушной обороны ТНААД (TerminalHighAltitudeAreaDefense). Отметим, что общая сумма заключенных в ходе визита соглашений приближается к 300 млрд долл., что было воспринято в качестве заявки США на сохранение американской роли в регионе при опоре на привилегированные отношения с саудитами. Учитывая, что Франция также претендует на важную роль в деле поставки

вооружений в СА, эти договоренности не могут оставить равнодушными французские власти. Однако Париж предпочитает не демонстрировать свою обеспокоенность, приветствуя «возвращение» Вашингтона в регион и его намерение активнее участвовать в борьбе с терроризмом.

Критика во Франции политики сотрудничества с Персидскими монархиями

Политика властей, направленная на приоритетное развитие связей с отдельными странами региона в ущерб другим направлениям, подвергается критике со стороны СМИ и представителей различных французских политических сил. Эта критика особенно обострилась в 2015 г. после того как Франция пережила несколько кровопролитных террористических атак.

В июле 2015 г. был обнародован специальный доклад, составленный депутатом Национального собрания Франции Ж. Бомпаром. В нем прямо утверждается, что КСА «остаётся главной поддержкой фундаменталистских исламистских течений, которые действуют повсюду в мире»²⁰. Автор доклада полагает, что французская дипломатия совершает «глубокую стратегическую ошибку», сближаясь с Эр-Риадом. По его мнению, с одной стороны Париж ведёт борьбу с международным терроризмом, но, с другой стороны, активно сотрудничает со страной, которая «является кормилицей» исламского фундаментализма и джихадизма. Французский депутат приводит примеры неоправданных шагов французской администрации, свидетельствующие о её ошибочной односторонней ориентации на КСА: контракт на продажу французского оружия Ливану, оплаченный Саудовской Аравией, критика занимавшего тогда пост министра обороны Ж.-И. Ле Дриана в адрес шиитских стран в Бейруте в апреле 2015 г., односторонняя поддержка саудитов в

²⁰ Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 6 juillet 2015. Proposition de Résolution tendant à la création d'une commission d'enquête sur les liens entre la France et l'Arabie Saoudite présentée par M. Jacques BOMPARD, député. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/propositions/pion2938.asp> – Дата обращения: 25 мая 2017.

конфликте в Йемене, участие Олланда в саммите ССАГПЗ в мае 2015 г., заключение 20-миллиардного контракта на разработку и строительство АЭС в КСА. Автор доклада прямо ставит вопрос о механизмах финансирования этого сотрудничества, не исключая, что якобы существуют какие-то нелегальные схемы, позволяющие скрывать получаемые доходы.

В своем докладе Бомпар напоминает о том, что в КСА «полностью отсутствуют права человека», режим носит средневековый характер, применяется казнь с отсечением головы. В этом свете, полагает он, весьма сомнительно выглядит поддержка, которую Париж оказал Эр-Риаду, продвигая его на пост председателя Совета по правам человека ООН.

Не менее острая критика в адрес политики Франции в отношении КСА и Катара звучит со страниц книги «Наши очень дорогие эмиры»²¹. Эта работа вышла осенью 2016 г. из-под пера журналистов Радио-Франс Кристиана Шено и Жоржа Мальбрюно, побывавших в плену у исламистов. «В течение 40 лет наши отношения со странами Залива испорчены деньгами, которые в отдельные моменты буквально лились рекой», – отмечают журналисты. С одной стороны, это была «дипломатия крупных контрактов» (Рафаль, ядерные технологии и т.д.), а с другой – «танец живота нашего политического класса». Как отмечают Шено и Мальбрюно, монархии Залива охотно «разыгрывали свою чековую книжку», но «и мы также рассматривали их в качестве распределителей купюр».

Авторы книги отмечают, что при Саркози был «медовый месяц» с Катаром», чей посол буквально «орошал Париж» деньгами и подарками, посылая на каждый Новый год пакеты примерно тридцати чиновникам и деловым людям на сумму 10 тыс. евро каждый. При этом ни один подарок не был возвращен в посольство. В результате катарцы и саудиты получили возможность воздействовать на французскую политическую и

²¹ Le livre qui accuse Jean-Marie Le Guen, Rachida Dati et Nicolas Bays d'avoir tenté d'obtenir des cadeaux du Qatar. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.fr/2016/10/20/le-livre-qui-accuse-jean-marie-le-guen-rachida-dati-et-nicolas_a_21588257/ – Дата обращения: 25 мая 2017.

религиозную жизнь. Так, в Ницце одну из мечетей на вполне легальных основаниях финансирует непосредственно саудовский министр по делам религий.

Как считают журналисты, Катар и КСА напрямую поддерживают Аль-Нусру, сирийское ответвление Аль-Кайды. Наряду с этим поддержку джихада оплачивают отдельные мусульмане, регулярно прибывающие на хадж в Мекку, причем проконтролировать эти финансовые потоки практически невозможно. Хотя правительства КСА и Катара утверждают, что они реформировали финансовую систему с тем, чтобы остановить подпитку терроризма, нельзя забывать о том, что правительство напрямую зависит от религиозных властей – полагают Шено и Мальбрюно.

По их мнению, многие действия Франции на Ближнем Востоке напрямую зависят от ее связей с КСА и Катаром. Так, под давлением Эр-Риادا Париж отказался поддерживать правительство Мурси, хотя именно на этого политика Францией была сделана первоначальная ставка. В Сирии Франция сознательно «закрывает глаза» на усиление течений джихадистского толка. Не менее противоречиво выглядит поддержка Парижем действий КСА в Йемене: хотя конфликт уже унес более 8 тыс. человеческих жизней, Франция предоставляет КСА военную информацию, полученную со спутников, самолеты, и не желает слышать критику в адрес Саудовской Аравии.

В целом, по мнению Мальбрюно и Шено, расчет Парижа на то, что к власти в Сирии придут просаудовские и прокатарские силы, и французские фирмы смогут участвовать в реконструкции страны, оказался ошибочным. КСА и Катар финансировали в Сирии группировки, которые сегодня вышли из-под их контроля, обретая собственную динамику, так как КСА не имела достаточных средств для того, чтобы их контролировать на местах. Интересно, что французский МИД с 2012 г. предупреждал о большой вероятности такого развития событий. Однако его голос не был услышан, так как основной целью

Парижа являлось свержение правительства Асада и никто не обращал внимания на риски исламизации²².

Характеризуя критическую кампанию в СМИ в адрес стран Персидского залива, нельзя также не отметить острые нападки на Катар во французской печати в связи с разрывом дипотношений между странами ССАГПЗ и Катаром. Так, подчеркивается, что резиденты из Катара, проживающие на территории Франции, необоснованно имеют крупные налоговые льготы, которыми не обладает ни одна страна Персидского залива. Отмечается, что у французского руководства были определенные иллюзии по поводу использования инвестиционных возможностей Катара для стимулирования экономического роста во Франции. Однако, как отмечается в докладе 2015 г. комитета по финансам Национального собрания Франции, эти надежды не оправдались, и государство несет ежегодные убытки от предоставленных катарцам льгот в размере от 150 до 200 млн евро.

Отношения Франции с КСА и Катаром после прихода к власти Эмманюэля Макрона

Франция намерена уделять большое внимание развитию связей со странами ССАГПЗ, причем в целом, скорее всего, эта политика будет отличаться преемственностью. Можно ожидать, что Париж продолжит курс, направленный на развитие привилегированных отношений с Саудовской Аравией. Связи с ней приносят французской экономике определенную выгоду, что немаловажно в свете объявленных Э. Макроном болезненных структурных реформ. Нового французского президента можно считать соавтором политики сближения с КСА, так как именно он, будучи министром экономики, в 2015 г. возглавил французскую делегацию во время одного из визитов в Эр-Риад и подписывал важные торгово-экономические контракты. Можно также предположить, что Макрон меньше заинтересован в

²² Jourdan A. «La France est pieds et poings liés avec l'Arabie saoudite et le Qatar». 04.11.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tdg.ch/monde/La-France-est-pieds-et-poings-lies-avec-l-Arabie-saoudite-et-le-Qatar/story/20483704> – Дата обращения: 25 мая 2017.

развитии отношений с Катаром, чем с КСА: интересно, что он заявил о своем намерении пересмотреть льготные налоговые условия, предоставленные во Франции резидентам из Катара, еще на этапе своей предвыборной кампании.

Другой политик, занимавший при Олланде пост министра обороны Жан-Ив Ле Дриан сегодня является министром иностранных дел. Нельзя исключать, что новый министр иностранных дел проявит интерес к продолжению взаимодействия с Саудовской Аравией, в том числе и потому, что считает необходимым поддерживать развитие французского военно-промышленного комплекса за счет крупных зарубежных заказов. Как отмечалось, военные контракты с КСА существенно помогли французскому ВПК и даже лично Ле Дриану, который приобрел в армии репутацию министра, заботящегося о своем ведомстве.

Говоря о перспективах, неправильно было бы ожидать резкого радикального изменения внешнеполитической линии Франции в регионе. О преемственности внешнеполитической линии Парижа говорят многочисленные заявления Макрона о так называемой «красной линии» в Сирии (применение химического оружия). Эта риторика лежит в русле высказываний прежнего президента. Однако новая администрация намерена проявлять больше гибкости, формируя официальные подходы Парижа к обеспечению безопасности в регионе. Нельзя исключать, что будет начато постепенное обновление французских подходов к проблеме сирийского урегулирования с учетом того, что прежняя политика привела к падению влияния Франции в регионе и потому она остро нуждается в реформировании.

Источники и литература

1. Béraud-Sudreau L. French arms exports success – the data behind the numbers // Military Balance Blog.Posts from the IISS Defence and Military Analysis Programme. 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iiss.org/en/militarybalanceblog/blogsections/2016-629e/october-96af/french-arms-exports-success-a148> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

2. Boniface P. France and Qatar: Mutual Economic Benefits // QADRAN. 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.qadran.fr/wp-content/uploads/2016/04/Study-QatarFrance_March2016_IRIS.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

3. El Khoury B. Pourquoi la France et l'Arabie saoudite fournissent-elles trois milliards de dollars d'armes au Liban? // Slate, 27.02.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slate.fr/story/98315/aide-france-arabie-saoudite-liban%20> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

4. Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 6 juillet 2015. Proposition de Résolution tendant à la création d'une commission d'enquête sur les liens entre la France et l'Arabie Saoudite présentée par M. Jacques BOMPARD, député. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/propositions/pion2938.asp> – Дата обращения: 25 мая 2017.

5. Fleurant A., Wezeman P.D., Siemon T. Wezeman S.T., Tian. N. Trends in international Arms Transfers, 2016 // SIPRI Fact Sheet. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

6. Foreign Investment Survey, 2013 // Economic Statistics and National Accounts Department Ministry of Development Planning and Statistics State of Qatar, Doha. 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mdps.gov.qa/en/statistics/Surveys/FI_Survey2013.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

7. France-Arabie Saoudite: «un partenariat de référence». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ccfranco-arabe.org/NewsDetails.aspx?id=543&language=frchamberdecommercefr-arabe> – Дата обращения: 25 мая 2017.

8. Jauvert V. France-Arabie Saoudite: unes étroites amitiés. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20160104.OBS2180/france->

arabie-saoudite-nos-amis-les-saoud.html – Дата обращения: 25 мая 2017.

9. Jourdan A. «La France est pieds et poings liés avec l'Arabie saoudite et le Qatar». 04.11.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tdg.ch/monde/La-France-est-pieds-et-poings-lies-avec-l-Arabie-saoudite-et-le-Qatar/story/20483704> – Дата обращения: 25 мая 2017.

10. Lazar M. Entre investissements dans l'Hexagone et financements directs ou indirects du terrorisme, qui de la France, du Qatar et de l'Arabie saoudite est le plus schizophrène? // Atlantico, 22.01.2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.atlantico.fr/decryptage/entre-investissements-dans-hexagone-et-financements-directs-ou-indirects-terrorisme-qui-france-qatar-et-arabie-saoudite-est-plus-614205.html#kmkLt86ZeX1uGPPy.99> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

11. Le livre qui accuse Jean-Marie Le Guen, Rachida Dati et Nicolas Bays d'avoir tenté d'obtenir des cadeaux du Qatar. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.fr/2016/10/20/le-livre-qui-accuse-jean-marie-le-guen-rachida-dati-et-nicolas_a_21588257/ – Дата обращения: 25 мая 2017.

12. Malbrunot G. Pourquoi Hollande relance le partenariat avec l'Arabie? // LeFigaro, 03.11.2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://blog.lefigaro.fr/malbrunot/2012/11/pourquoi-hollande-relance-le-p.html?xtor=RSS-75> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

13. Mikail B. France's shifting Middle Eastern alliances // FRIDE. Policy Brief. 2014. №188. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fride.org/download/pb_188_france_shifting_middle_eastern_alliances.pdf – Дата обращения: 25 апреля 2017.

14. Relations bilatérales. Présentation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/arabie-saoudite/la-france-et-l-arabie-saoudite> – Дата обращения: 25 мая 2017.

15. Voeux du président de la République - Lutte contre le terrorisme - Syrie - Irak - Libye - Israël-Territoires palestiniens - États-Unis - Russie - Ukraine - Union européenne - Asie - Voeux au corps diplomatique de M. François Hollande, président de la République (Paris, 12/01/2017). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://basedoc.diplomatie.gouv.fr/vues/Kiosque/FranceDiplomatie/kiosque.php?fichier=bafr2017-01-12.html#Chapitre1> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

16. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. М.: Восток – Запад, 2011. 335 с.

17. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток – Запад, 2010. 464 с.

18. Володина М.А. Новый монарх Саудовской Аравии. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №2 (4). С. 75-79.

19. Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: Канон плюс, 2014. 343 с.

20. Катар купит у Франции 24 истребителя «Рафаль» // DeutscheWelle, 04.05.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dw.com/p/1FJst> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

21. Костюнина Г.М., Ломакин Н.Н. Эволюция экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №6. С. 87.

22. Мамедова Н.М. Экономические связи Ирана и Запада – состояние и проблемы // Азия и Африка сегодня. 2017. №3(716). С.17-21.

23. Мустафабейли А.М. О возможном развитии афганской проблемы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №2(12). С.81-86.

24. Пересыпкин О.Г. Ливия вчера и сегодня // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №2(12). С. 168-178.

25. Премьер-министр Франции «вывез» из Саудовской Аравии 10 миллиардов евро // RFI, 13.10.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20151013-premier>

ministr-frantsii-vyvez-iz-saudovskoi-aravii-10-milliardov-evro – Дата обращения: 25 апреля 2017.

26. Прозорова Г.К. Запад перед лицом ливийского хаоса // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №3 (9). С.70-85.

27. Саудовская Аравия оставит себе купленное для Ливана французское оружие // РИА-Новости, 05.03.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160305/1385426928.html> – Дата обращения: 25 апреля 2017.

28. Сенькович В.В. Западные лоббисты на службе аравийских монархий // РСМД. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/zapadnye-lobbisty-na-sluzhbe-araviyskikh-monarkhiy/?sphrase_id=81334 – Дата обращения: 25 апреля 2017.

АРАБСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ

Аннотация: Ближний Восток в наши дни переживает тяжелый период: регион ввергнут в серию затяжных конфликтов, способных радикально изменить статус-кво по многим позициям: политическим, социально-экономическим, конфессиональным и другим. Арабская дипломатия в лице Лиги арабских государств (ЛАГ) испытала на себе всю пагубность деструктивных процессов в регионе, сместивших правящие режимы в ряде стран региона и сильно ослабивших другие. Под их воздействием в Арабском мире произошла перегруппировка сил: в лидеры вышли Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, другие монархии, которые наименее пострадали в ходе разрушительных событий так называемой «арабской весны». Эти страны стали доминировать в деятельности ЛАГ, в том числе навязывая свою линию на сирийском направлении. В связи с этим ЛАГ с самого начала конфликта в Сирии заняла по сути враждебную позицию в отношении Дамаска, демонстрируя тенденциозность и отсутствие непредвзятости.

Ключевые слова: арабская дипломатия, сирийский конфликт, суннитско-шиитские противоречия, Лига арабских государств, новые лидеры Арабского мира.

Драматические события в Сирии последних шести лет выявили неспособность, но еще больше нежелание дипломатии ведущих стран Арабского мира², претендующих в наши дни говорить от лица всего арабского сообщества, не только

¹ Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России.

² Нынешние лидеры этой группы стран (подробнее об этом далее) навязывают свои взгляды и методы решения региональных проблем, не сообразуя их с общеарабскими интересами.

предотвратить назревавший внутрисирийский конфликт, но и позже купировать его географическое расползание и остроту. Следствием чего стала утрата Дамаском позиции одного из самых влиятельных игроков на межарабской арене, а страна превратилась в изгоя среди арабов.

Согласно расхожему мнению, ключевой задачей любой дипломатии является обеспечение условий для достижения целей мирными, ненасильственными средствами посредством осуществления политико-дипломатических мероприятий, имеющихся в арсенале внешнеполитических служб. Разрешение же спорных вопросов силовыми методами, разгул насилия, что повсеместно наблюдается в регионе, более того, устранение от выполнения сдерживающей, миротворческой роли свидетельствует о провале арабской дипломатии, межгосударственных общеарабских структур и, прежде всего, ЛАГ. Ведь ее главными уставными задачами являются: поддержка региональной безопасности и стабильности, недопущение конфронтации между региональными игроками, а в случае возникновения споров между ними - активное участие в их урегулировании³. Не менее важно всегда было ее конструктивное и сбалансированное содействие в решении конфликтов различной природы в отдельно взятых странах.

События в Сирии в череде с подобными явлениями, направленными на ликвидацию сложившихся режимов и даже государственности в Ливии, Йемене, других странах, затронутых «арабской весной», выявили отсутствие в ЛАГ единого подхода к тому, как решать возникшие проблемы. Неспособность арабской дипломатии⁴ конструктивно заниматься региональными проблемами сыграла на руку внерегиональным силам, облегчила их активное вмешательство, прямое или косвенное, в

³ Достаточно заглянуть в Устав ЛАГ, где зафиксированы все указанные цели. Официальный сайт ЛАГ (www.arableagueonline.org).

⁴ Под арабской дипломатией здесь имеется в виду совокупность дипломатических служб ведущих арабских государств и саму ЛАГ, которая призвана отражать скоординированную позицию арабского сообщества.

ближневосточные дела, усилив тем самым зависимость региона от влиятельных мировых игроков.

Дистанцирование ЛАГ⁵, других межарабских организаций, таких как общеарабский парламент, структур, отвечающих за политическую и военную координацию, от деятельности по умиротворению возникших в разных частях региона острых ситуаций свидетельствует о глубоком расколе Арабского мира. В реакции ЛАГ на ситуацию в регионе стала заметно нарастать политизированность, которая отражала дифференциацию арабского сообщества по узкополитическим и экономическим интересам. К сожалению, на первый план в ее работе в последнее время выходят конфессиональные интересы.

Сложившуюся ситуацию, как представляется, следует объяснять происшедшими за последние пятнадцать лет на Ближнем Востоке фундаментальными политическими подвижками, которые выдвинули на авансцену региона консервативные силы в лице Саудовской Аравии, Катара и других монархических режимов. Выступая с единых позиций, эти страны оттеснили от доминирования в Арабском мире, а значит и в ЛАГ, республиканские режимы (часть из них уничтожена, как в Ливии, Йемене, другая часть – ослаблена), которые были светскими т.е. занимали нейтральную позицию в отношении тех или иных религиозных течений.

То что эти консервативные страны, опираясь в том числе на межмонархическую солидарность⁶ и поддержку Запада, стали

⁵ Нельзя же всерьез рассматривать как конструктивное решение ЛАГ о «замораживании» членства Сирии в ней в ноябре 2011 г., направленное, якобы, по заявлениям его инициаторов, на деэскалацию сирийского конфликта. На самом деле приостановка членства режима Б. Асада в ЛАГ была лишь «ширмой» для устранения соперника Саудовской Аравии, Катара, ОАЭ в этой организации, стала очевидным проявлением антиасадовской политики, проводимой этими странами. Характерно, что место Дамаска сразу же было занято представителями сирийской оппозиции, ориентирующимися на Эр-Рияд, без согласия на то сирийского народа.

⁶ В качестве подтверждения ее существования можно сослаться хотя бы на факт интервенции Саудовской Аравии на Бахрейн в 2011 г. для спасения правящего там режима, суннитского по своей религиозной принадлежности.

основными бенефициарами «арабской весны», теперь, по прошествии семи лет с ее начала, не вызывает никакого сомнения.

Вынужденно по ходу событий подстраиваясь к планам Вашингтона по реформатированию ближневосточного региона и созданию там атмосферы перманентного хаоса под предлогом необходимости демократических перемен, эти режимы вознамерились развернуть ситуацию в свою пользу, что им отчасти и удалось, в частности убедить американцев исключить территории своих стран из-под «демократических зачисток» в духе «цветных революций» и занять главенствующие позиции не только в арабском, но и в остальном суннитском мире.

В результате, ось внешней политики арабских стран сместилась вправо⁷, а общеарабская дипломатия оказалась «заложницей» саудовско-катарского-эмиратского доминирования в регионе, несмотря на постоянные дразги, временами весьма ожесточенные, между ними⁸. Важной опытной площадкой, отразившей новые реалии, стала Сирия, где эти три страны, хотя и проводили каждая свою линию и опирались на разные отряды сирийской оппозиции, действовали однако в унисон против законных властей этой страны.

Для региона наиболее пагубные последствия имел тот факт, что бывшие до сих пор латентными суннитско-шиитские противоречия в исламском мире, теперь, в результате политических амбиций Эр-Рияда, Дохи и некоторых других столиц стран Персидского залива, стали ключевым элементом политико-дипломатического дискурса, а борьба с шиитскими

В 2011-2013 гг. Эр-Рияд активно поддержал соседние монархии (Бахрейн, Кувейт, Султанат Оман), которые столкнулись с серьезными социальными протестами, выделив им более 40 млрд. долл.

⁷ Судить хотя бы по итогам голосования на сессиях ГА ООН по общеполитической повестке дня.

⁸ Наиболее характерным представляется последний эпизод с бойкотом Катара со стороны Эр-Рияда, Абу-Даби и примкнувшим к ним других арабских столиц.

режимами, прежде всего с иранским и сирийским, возведена в главную идеологему.

Превратив ЛАГ в послушную своей воле организацию, правящие круги монархических режимов Аравийского полуострова свели практически к нулю эффективность этого общееарабского форума как выразителя единых позиций арабского сообщества, и раньше не отличавшегося, в силу имманентных разногласий, энтузиазмом в деле формирования согласованной политической линии. Вместо восстановления мира и стабильности в ближневосточном регионе ЛАГ стал орудием разрушения неугодных вышеуказанным силам режимов в отдельных арабских странах, прежде всего в Сирии.

Пользуясь нынешней слабостью ранее влиятельных в регионе арабских стран – Египта, Сирии, Ирака, Ливии, Алжира и других, саудиты, умело используя финансово-экономические рычаги, выстроили внутри арабского сообщества новые порядки, ориентированные на лидерство Эр-Рияда, которому все чаще в последнее время бросает вызов Доха.

Даже Египет, с его старейшей и опытнейшей дипломатией в регионе, оказался после свержения власти президента Х. Мубарака и особенно после устранения режима президента М. Мурси из партии «Братьев-мусульман» в определенной и весьма немалой зависимости от саудовских денег. Речь идет не только о военной помощи, но и о прямых дотациях Каиру, который был вынужден в ответ на это принять участие в реализации военно-политических планов саудовского руководства в Йемене.

Весьма непросто складываются отношения у саудитов с нынешними иракскими властями, представленными в основном шиитами. Но, учитывая серьезное ослабление Ирака в результате натовской, преимущественно американской интервенции, состояние расколотов по этно-конфессиональному признаку страны, иракская дипломатия в основном сосредоточена сегодня

на обеспечение внешних условий для выживания пока формально еще единого государства⁹.

Занятый внутривосточными проблемами Алжир, дипломатия которого некогда весьма активная на межарабской и международной аренах, сейчас не может противопоставить что-либо серьезное монополии Эр-Рияда на принятие решений внутри ЛАГ.

Об активности дипломатии Ливии и Сирии говорить сложно, так как эти страны находятся в состоянии непрекращающейся внутренней вооруженной междоусобицы и частично утратили международно-правовую субъектность.

В русле саудовской политики по свержению «шиитского режима Б. Асада» многие арабские страны приостановили по прямой указке Эр-Рияда дипломатические отношения с Дамаском, а место его дипломатов в посольствах Сирии в столицах большинства этих стран заняли представители сирийской оппозиции, финансируемые саудитами и катарцами. Из Дамаска в конце 2011 г. было выведено и перенесено в Доху представительство палестинского движения Хамас, деятельность которого пользовалась покровительством сначала Саудовской Аравии, а потом Катара.

Введенная ЛАГ дипломатическая блокада Дамаска в краткосрочном плане безусловно нанесла удар по позициям сирийского правительства (к примеру, из имевшегося 61 сирийского посольства за рубежом до 2011 г. действующими на сегодня остались чуть более 20¹⁰), но в долгосрочном несомненно обернется против ее инициаторов.

⁹ Большую угрозу Ираку как единому государству несут результаты референдума в Иракском Курдистане по вопросу о независимости, свидетельствующие о поддержке абсолютным большинством населения этой идеи.

¹⁰ При этом следует также иметь в виду резко сократившиеся финансовые возможности правящего сирийского режима, не способного содержать большое число диппредставительств за рубежом. Официальный сайт МИД Сирии (www.infa.gov.sy).

Нарастающая конфронтационность между суннитской и шиитской частями исламского мира, спровоцированная саудитами, все чаще находит отражение в деятельности ЛАГ, что отвечает далеко идущим интересам Эр-Рияда. Саудовское руководство, используя антишиитскую риторику (а подчас и практику¹¹), стремится навязать ЛАГ антииранскую линию, обострить до крайности при поддержке Вашингтона, а также Тель-Авива, отношения стран-участниц с Тегераном. Эр-Рияд при этом, похоже, мало беспокоит наличие немалой доли шиитского населения в самом королевстве (Восточная провинция) и ряде соседних и смежных арабских стран (Ирак, Йемен, Сирия, Ливан). Эти опасные планы дискредитируют ЛАГ как выразительницу консолидированного мнения арабского сообщества, парализует его дипломатию, не способную в нынешних условиях быть беспристрастным посредником в решении спорных вопросов.

Стремясь стать ведущей региональной силой и упрочить свою гегемонию среди арабских стран, Эр-Рияд еще не так давно активно продвигал идею создания объединенных вооруженных сил ЛАГ, которые при нынешнем положении дел в ближневосточном регионе стали бы дополнительным военно-политическим инструментом влияния Саудовской Аравии. Но, даже несмотря на подавляющие возможности королевства среди арабского сообщества, остальные его члены восприняли этот план весьма настороженно и под всякими предложениями уклонились от участия в нем.

Год назад Эр-Рияд выступил с новой идеей сформировать силы быстрого реагирования Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), наподобие блока НАТО. Предусматривалось подключение к нему помимо участников этой региональной структуры других мусульманских

¹¹ Хорошо памятна судебная расправа, учиненная в 2016 г. саудовскими властями над видными представителями шиитской оппозиции в стране, прежде всего смертная казнь известного теолога и проповедника Нимра ан-Нимра и более десятков его сторонников.

стран суннитского толка¹². Антииранский подтекст этой саудовской затеи был на поверхности, поэтому она сходу получила поддержку в Вашингтоне (а может быть и была инициирована там), однако у самих членов ССАГПЗ, которые не хотят быть заложниками саудовско-иранской конфронтации, чреватой большими рисками для региональной стабильности и безопасности, она вызвала серьезные опасения. Пока этот проект, поначалу набравший хороший разбег, не получил развития, но думается, что саудовское руководство не оставит попыток его реализации в том или ином виде, так как отдает себе отчет, что собственный военно-экономический потенциал страны недостаточен для того чтобы всерьез противостоять Тегерану.

Авантюризм политического курса Саудовской Аравии подтвердился со всей очевидностью в развязанной без санкции СБ ООН в марте 2015 г. и продолжающейся до сих пор вооруженной интервенции в Йемен, названной «Бурей решимости». Предлогом для этого стало намерение восстановить в правах свергнутого йеменского президента-суннита Абд Раббу Мансура Хади. Эти саудовские действия логично вписываются в общую стратегию страны по предотвращению пресловутого шиитского окружения королевства, применительно к Йемену – на юго-западном фланге. Йеменские шииты-хуситы, ведущая военно-политическая сила страны, с этой точки зрения представляет для Эр-Рияда серьезную опасность, к тому же они поддерживаются Ираном – главным противником Эр-Рияда в регионе.

То, что вмешательство Эр-Рияда в йеменские дела, уже называемое на Западе «саудовским Вьетнамом», имеет смутные перспективы на успех, сейчас у всех, кроме пожалуй его зачинщиков, не вызывает сомнений. Ясно также и то, что, как бы и когда оно не закончилось, действиями Эр-Рияда единству

¹² Кстати говоря, при ССАГПЗ давно существуют вооруженные силы, представленные контингентами стран-участниц, так называемый «Щит полуострова», но в силу серьезных расхождений во мнениях в самом Совете по поводу их предназначения, дислокации и командных полномочий, их эффективность на практике близка нулю.

арабского и исламского миров нанесен непоправимый ущерб, последствия которого будут сказываться на судьбах арабского сообщества в течение длительного времени. ЛАГ и в этом случае, будучи под влиянием Эр-Рияда, устранилась от усилий по поиску дипломатического урегулирования йеменского кризиса, недопущения саудовской агрессии.

Попытки сеять внутри ЛАГ шиитофобские настроения, культивировать враждебность в отношении шиитов, грозит экзистенциальным расколом не только Арабскому, но и всему исламскому миру, стать фундаментальным фактором многолетней дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. Эти действия создают угрозу прямого военного столкновения в регионе между Саудовской Аравией и Ираном, а значит – между ведущими течениями в современном исламе, воплощаемые ими – суннизмом и шиизмом, в которое неизбежно будут втянуты многие другие страны.

Линия на изоляцию Дамаска при власти президента Б. Асада, проводимая консервативными кругами Арабского мира, а главное – щедрая военная помощь Саудовской Аравии, Катара и других монархических режимов суннитским джихадистским боевикам сирийской оппозиции, под какой бы вывеской они не действовали, не дают ожидавшихся результатов. Борьба с законными сирийскими властями так называемой умеренной вооруженной оппозиции, давно использующей террористические методы и провокации с химическим оружием, с военным подключением России к событиям в Сирии в сентябре 2015 г. стала давать сбои, а после очевидных военных успехов сирийской армии во второй половине 2017 г., похоже, обречена на провал.

Поэтому в повестку дня встали вопросы поиска постконфликтного политического урегулирования, и хотя такие попытки уже делались в Женеве при посредничестве ООН в 2015-16 гг., они не принесли результатов, в основном из-за военного перелома на фронтах. При этом важную роль должна была бы сыграть ЛАГ, но при нынешней ее политической и финансовой ангажированности это вряд ли возможно.

Новые серьезные шансы на мирное завершение сирийского конфликта появились в связи с инициированными Москвой переговорами в Астане (Казахстан) между официальным Дамаском и представителями сирийской вооруженной оппозиции. Хотя процесс идет непросто, участие в нем в качестве посредников Турции и Ирана, которых удалось убедить в безальтернативности мирного решения конфликта – это уже большой прогресс. И сегодня, по прошествии семи раундов переговоров, ход их обнадеживает, особенно в связи с учреждением четырех так называемых «зон деэскалации», с которыми согласился Вашингтон. По мере продвижения к миру в Сирии в повестку дня встал вопрос о проведении общесирийской конференции политических сил страны: как официальных, так и оппозиционных (за исключением, разумеется, крайних экстремистов и террористов). Ее целью является обсуждение постконфликтного устройства Сирии, будущая роль правящего режима и других актуальных вопросов. В астанинских переговорах, к сожалению, даже формально не принимает участие ЛАГ. Саудовская Аравия и некоторые другие страны Персидского залива по-прежнему группируют своих сторонников среди сирийской оппозиции по принципу лояльности, готовности выполнять планы по развалу Сирии, и, похоже, надеются продолжить использовать их в борьбе с правительством Б. Асада.

Столкнувшись с серьезными военно-политическими проблемами в Йемене, которые грозят подрывом стабильности правления династии Аль Саудов, а также видя бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы сирийской оппозиции с режимом Б. Асада, в Эр-Рияде решили внести коррективы в свой внешнеполитический курс, пойдя на определенное сближение с Москвой (визит в российскую столицу саудовского монарха Сальмана бен Абдель Азиза Аль Сауда в октябре 2017 г.), перехватившей стратегическую инициативу в сирийских делах. Будет ли этот поворот иметь принципиальное значение для внешней политики Саудовской Аравии или это шаг чисто тактического характера, продиктованный состоянием

политического тупика, в котором оказался Эр-Рияд – покажет время.

Политическая несбалансированность позиции ЛАГ, отражающей сегодня интересы определенных сил арабского сообщества, более того, переход к рестриктивной политике в отношении тех стран, которые не согласны с их диктатом, в частности приостановка членства в этой организации Ливии и Сирии, ограничивает ее возможности урегулирования конфликтных ситуаций в регионе политико-дипломатическими средствами и в целом свидетельствует о деградации общеарабских институтов.

Таким образом, современное состояние арабской дипломатии представляет невзрачную картину: очевиден отход от ранее занимаемых активных позиций по мировой политической повестке дня. Более того, ее голос на мировой арене потерял прежнюю силу, стал менее авторитетным, прежде всего в том что касается злободневных проблем региона, а ЛАГ потеряла значение, по крайней мере на текущий период, как согласительной площадки для разрешения споров.

Источники и литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2012.
2. Официальный Сайт ЛАГ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: /<http://www.arabluequeonline.org>. – Дата обращения: 23 июня 2017.
3. Официальный Сайт МИД Сирии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: /<http://www.infa.gov.syr>. – Дата обращения: 24 августа 2017.
4. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2012.

О КУРДСКОМ ВОПРОСЕ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (ИРИ)

Аннотация: Курды Ирана всегда играли важную роль в формировании политического климата страны. В условиях региональной напряженности, сложной обстановки в Иракском Курдистане власти ИРИ придают особое значение положению в районах компактного проживания курдов, работе с ними.

Ключевые слова: курдская проблема, Мехабадская республика, сепаратизм, автономия, исламская революция, ирано-иракская война.

Курдская проблема, как известно, имеет длительную историю. Суть ее заключается в том, что курды являются самым многочисленным разделенным народом в мире, разбросанным по четырем странам – Турции, Ираку, Сирии и Ирану. Всего их более 40 миллионов. Не утрачивая собственных традиций, языка, культуры, курды всегда стремились к образованию своего государства, боролись за это с оружием в руках. Его созданию препятствовали интересы региональных и мировых держав, а также политические амбиции и вытекающие из них разногласия курдских лидеров.

1. Краткий обзор положения иранских курдов и их движения за национальные права и суверенитет.

Иранское нагорье, где расположен современный Иран, издревле было заселено различными этносами и народами, среди которых проживали курды. Хотя курдское население не

¹ Советник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

² Кандидат исторических наук, руководитель Центра евразийских исследований им. Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

превышает сегодня 6-7 млн в 77-миллионном Иране, их роль в формировании политического климата страны весьма значительна.

Исторически курдские провинции Ирана (Курдистан, Керманшах, Илам и Западный Азербайджан) были самыми экономически отсталыми. Контраст между ними и остальным Ираном велик и сейчас. Да и в политической жизни ИРИ участие курдов не заметно.

Из курдской среды до настоящего времени не вышло ни одного видного политического деятеля Ирана, в отличие, например, от азербайджанцев, которые дали стране не один десяток известных политиков, среди которых и нынешний верховный лидер С.А. Хаменеи.

Несмотря на свое тяжелое социально-экономическое положение, иранские курды, в отличие от иракских, сирийских и турецких собратьев на протяжении многих лет не чувствовали себя изгоями. В культурном и этническом отношении они близки персам. Курдская литература развивалась в тесной связи с персидской. Иранские власти, в отличие от иракских и турецких, не подвергали курдов систематическим унижениям и репрессиям, поэтому сепаратистские настроения иранских курдов не были столь глубинными, как в соседних с Ираном странах. Однако крах Османской империи после Первой мировой войны всколыхнул весь регион, и курды, в том числе иранские, не остались в стороне от взрыва национализма. Начав вооруженное противостояние с центральной властью, курдские ополчения во главе с Симко Шикаком к 1920 году контролировали уже значительную часть иранского Азербайджана. Успех курдов был, однако, непродолжительным: в 1922 г. они были разбиты в битве при Тадже, а сам Шикак бежал в Турцию, где в 1930 г. был убит иранцами. Репрессивные действия властей и насаждение ими пан-иранской идеологии не утомили курдов, а лишь усилили их националистические настроения.

Второй всплеск курдского сепаратизма возник после окончания Второй мировой войны. Тогда, в январе 1946 г. при поддержке СССР (в то время советские войска находились в

Иране) в Мехабаде – центре иранского Курдистана – была провозглашена Курдская республика. По-другому она называлась Мехабадской республикой. Ее возглавил председатель созданной в октябре 1945 г. Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), известный религиозный и общественный деятель Кази Мохаммед. Одновременно были сформированы вооруженные силы республики, костяк которых составило племя иракских курдов барзан, бежавшее в Иран после неудачного восстания в Ираке. Командовал ими Мустафа Барзани.

Мехабадское правительство действовало в рамках умеренной националистической программы, в которой упор делался на развитие образования и здравоохранения. Открылись школы, где обучение велось на курдском языке, национальные библиотека и театр, издавались газеты, в том числе первая женская газета. Власти предприняли попытку проведения экономических реформ, нацеленных на урегулирование отношений между помещиками и крестьянами³.

Мехабадская республика (как и образовавшаяся тогда же Демократическая республика Азербайджана) просуществовала недолго. Воспользовавшись выводом советских войск из Ирана, разногласиями между курдскими лидерами, шах направил в бунтарские районы значительные армейские силы, которые в декабре 1946 г. разгромили курдские отряды. Кази Мохаммед, его брат Садр Кази были казнены. Курдские ополченцы во главе с Мустафой Барзани с боями прорвались к советско-иранской границе, перешли ее и запросили политическое убежище в СССР, которое им было предоставлено. Мустафа Барзани вернулся в Ирак после революции 1958 г., в результате которой в этой стране была свергнута монархия.

Покончив с просоветскими демократическими движениями, иранский самодержец Мохаммед Реза Пехлеви стал проводить гибкую и даже благосклонную политику в отношении курдов. Он всячески подчеркивал их роль в истории Персии, называл

³ М. Реза Годс. Иран в XX веке. Политическая история. – М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 218 – 220.

«подлинными иранцами», «благородными представителями иранского народа». Знатные курды занимали министерские должности и высокие посты в армии, а курдское население получало различные льготы. Шах приближал к себе лидеров наиболее влиятельных курдских племен, стремясь опереться на них в борьбе с сепаратизмом.

В 60-х годах прошлого века в условиях социально-политической напряженности, возникшей в стране в ходе шахских преобразований, названных «белой революцией», курдская проблема обострилась. В 1967 – 1968 гг. под эгидой ДПИК вспыхнуло восстание, продолжавшееся полтора года и затем жестоко подавленное.

Несмотря на поражение, ДПИК развернула активную работу по выработке новой программы и устава партии. Ею был провозглашен лозунг «демократия – Ирану, автономия – Курдистану». Партия действовала, сочетая вооруженную борьбу с работой по созданию единого фронта всех оппозиционных сил.

Нежелание шаха предоставить курдам широкую автономию привело к широкой поддержке ими антимонархического движения, завершившегося исламской революцией 1979 г. Курды, однако, не смогли проявить себя самостоятельной политической силой, способной отстоять национальные требования. Пришедшая к власти шиитская теократия игнорировала интересы суннитского меньшинства, в том числе и курдов. Руководство вновь образованной Исламской Республики отрицало наличие в Иране национального вопроса (как это делалось и при шахе), ставя его исключительно в рамки «исламской уммы». В результате проект ДПИК об административной и культурной автономии курдов был отвергнут.

Таким образом, концепция «единого иранского народа», проводившаяся шахом, была заменена понятием «религиозного единства Ирана», а новая иранская конституция лишала курдов каких-либо прав. Уже в августе 1979 г. лидер революции и основоположник теократического государства Р. Хомейни провозгласил «джихад» (священную войну) против курдов-

суннитов, а в декабре назвал любую этническую автономию несовместимой с исламской доктриной. Весной 1980 г. Тегеран направил крупные воинские подразделения в курдские районы, и армия взяла под контроль все крупные города Иранского Курдистана. По всему Курдистану начали действовать исламские суды. В результате около 10 тыс. курдов были репрессированы, многие из них казнены.

Поражение курдов было вызвано главным образом отсутствием единства в их движении, виной чему в значительной мере были левоэкстремистские силы в партиях «Комала», «Рызгари» и других. Расколотой оказалась и ДПИК. К середине 1980 г. вся территория иранского Курдистана контролировалась правительством Исламской Республики.

Крайне неблагоприятную обстановку для курдского движения создала ирано-иракская война 1980-1988 гг. Курды несли значительные людские потери, поскольку военные действия охватывали частично и их территорию. Кроме того, обе воюющие стороны пытались заручиться поддержкой курдского населения противника, и это служило причиной того, что и Тегеран, и Багдад принимали карательные меры против своих курдов.

Итак, при жизни Хомейни и после его смерти курдское движение за автономию в Иране жестоко подавлялось, но все же действовало в подполье и эмиграции. Власти организовали тогда охоту на лидеров курдов: в июле 1989 г. иранскими спецслужбами в Вене был убит генеральный секретарь ДПИК А. Касемлу, а в сентябре 1992 г. в Берлине погиб новый генеральный секретарь ДПИК С. Шарафканди.

При президенте М. Хатами (1997 – 2005 гг.), который был сторонником либерального курса, власти пошли на некоторые уступки курдам в области культуры, образования и информационной политики. Губернатором иранского Курдистана был назначен курд, чего раньше не практиковалось. Вскоре, однако, исламский режим перешел от «политики пряника» к «политике кнута». В результате в феврале 1999 г. в городах иранского Курдистана вспыхнули массовые волнения. Они были

подавлены, но послужили импульсом к организации вооруженного подполья во главе с Партией свободной жизни Курдистана (ПСЖК) и ДПИК.

Президент-консерватор М. Ахмадинежад не стал заигрывать с курдами, а сразу перешел к массовым репрессиям. Обострившиеся сепаратистские настроения откровенно подогревались извне. Активность проявляли известные противники Ирана: Саудовская Аравия, другие монархии Персидского залива, Израиль и США. Иранским курдам оказывали поддержку собратья из действующей в Турции Рабочей партии Курдистана, Демократической партии Курдистана, Патриотического союза Курдистана, деятельность которых продолжается в Ираке и сегодня.

Радикальные настроения иранских курдов особенно старательно разогревала ПСЖК, склонная к терроризму. Финансированием этой организации занимались (делают это и сейчас) израильские спецслужбы. В 2011 г. курдские боевики совершили несколько террористических акций и вооруженных нападений на воинские части. Корпус стражей исламской революции (КСИР) неоднократно проводил против них контртеррористические операции. Обеспокоенность иранских властей возросла в связи со сближением курдской оппозиции с Организацией моджахедов иранского народа – леворадикальной организацией, совершившей в Иране целую серию террористических актов⁴.

Необходимость установления контактов и сотрудничества с Курдским автономным районом в Ираке, проявлявшим практически полную самостоятельность, становилась все более очевидной для руководства ИРИ. Связи, представлявшие выгоду для обеих сторон, развивались быстро. В 2013 г. уже 500 иранских компаний осуществляли бизнес в Иракском Курдистане. В 2000 г. в Эрбиле (центр Курдского автономного

⁴ В Иране и Ираке ОМИН признана террористической. В 2009 г. Евросоюз вывел организацию из террористического списка. В 2012 г. примеру европейцев последовали американцы.

района) и Сулеймании были открыты иранские консульства, а в 2007 г. в Тегеране заработало представительство регионального правительства Курдистана. Между Ираном и Эрбилем была установлена регулярная авиасвязь. В октябре 2011 г. состоялся визит в Тегеран президента Иракского Курдистана Масуда Барзани, который встречался с С.А. Хаменеи и М. Ахмадинежадом. Ключевой темой бесед были посреднические усилия М. Барзани в налаживании диалога между правительством ИРИ и курдской оппозицией.

2. Иранские курды в период президентства Х. Рухани

Избрание на пост президента Х. Рухани (август 2013 г.), известного своими либеральными взглядами, вселило в курдов надежду на расширение их политических прав, улучшение социально-экономического положения. Особое воодушевление вызвало обещание Х. Рухани выделить 1 млрд. долл. на подъем курдских районов. Президент не сдержал своего слова, и лагерь курдов разделился на тех, кто продолжал верить в добрые намерения Х. Рухани и другую часть курдской общины, которая утратила доверие к руководителям страны. Оппозиционные организации, объединенные в Курдский единый фронт, возглавленный депутатом парламента Б. Адабом, искал пути взаимодействия с правительством ИРИ. Другие курдские организации заняли неуступчивую позицию, ориентируясь на опыт курдов Ирака, добившихся широкой автономии.

Немалую угрозу для властей представляли и суннитские экстремистские группировки, пытавшиеся вовлечь курдов в свою подрывную деятельность. К ним относится, в частности, Ансар аль-Ислам, призвавшая всех суннитов страны объединиться в джихаде против шиитского руководства ИРИ. Летом 2013 г. руководство страны заявило о формировании нового подразделения национальной безопасности «Разим» для борьбы с религиозными экстремистами. Предполагалось рекрутировать в «Разим» и курдов. Реализация этой идеи провалилась: курды посчитали, что главная задача «Разим» может состоять в противодействии их национальному движению. Несговорчивость

курдов обусловила решение Тегерана нарастить военные силы вдоль границы с иракским Курдистаном. Здесь были развернуты базы КСИР, усиленные бронетехникой и другим тяжелым вооружением. Эти меры, однако, не остановили курдов. В июле 2016 г. бойцы ДПИК атаковали подразделение КСИР в Западном Азербайджане, убив несколько военнослужащих. Спустя неделю группа курдских боевиков захватила несколько деревень в округе Мехабад. Позже подразделениями КСИР они были отбиты у повстанцев. В июле того же года в социальных сетях появилось сообщение о нападении на эскорт одного из депутатов парламента в провинции Керманшах. Тогда же власти заявили об уничтожении 13 членов оппозиционной группировки в провинции Курдистан.

В сентябре 2016 г. вновь в Западном Азербайджане курды атаковали отряд КСИР, убив несколько человек, а в середине октября пишмерга (курдское вооруженное формирование) из ПСЖК осуществила вылазку в городах Мириван и Сардешт. Жертвами стали 25 иранских «стражей революции». Активизировались и Курдская партия свободы, а также Объединенная партия иранского Курдистана. Лидер ДПИК Мустафа Хиджри заявил о намерении продолжить борьбу в «горах и в городах» с целью свержения теократического режима.

Наблюдавшийся в последнее время размах антиправительственной боевой деятельности иранских курдов был связан с успехами Курдского автономного района, а также увеличившейся помощью американцев, израильтян и особенно саудитов, финансирующих курдских партнеров через генеральное консульство в Эрбиле. Цель, как и раньше, состояла в расшатывании иранской государственности.

25 сентября 2017 г. в Курдском автономном районе состоялся референдум о независимости. Свыше 93% участников голосования (всего 3 млн) высказались за независимость автономии. Ее глава М. Барзани объявил о плебисците в начале июня 2017 г., когда решение о нем было согласовано с руководством Патриотического союза Курдистана и Демократической партией Курдистана. Багдад незамедлительно

объявил о нелегитимности референдума, потребовал передать под его контроль аэропорты, расположенные на территории автономии, призвал зарубежные государства прекратить импортировать нефть из Иракского Курдистана и заниматься торговлей только с центральным правительством. Парламент Ирака постановил направить войска в спорные районы, в первую очередь в нефтеносную провинцию Киркук.

Референдум не признан и международным сообществом. Исключение – Израиль. Москва заявила о неизменности своей поддержки суверенитета, единства и территориальной целостности дружественного Ирака, других государств Ближнего Востока, а также об уважительном отношении к национальным устремлениям курдов. Россия считает, что все спорные вопросы, существующие между федеральными властями Ирака и руководством Курдского автономного района, могут и должны решаться на путях конструктивного и уважительного диалога, призванного выработать взаимоприемлемую формулу сосуществования в рамках единого иракского государства⁵.

Турция и Иран проявили непреклонную нетерпимость к состоявшемуся референдуму, пообещав применить экономические и другие меры, включая военные, в случае, если руководство Иракского Курдистана заявит о его независимости. Один из лидеров суннитов Ирана Мехлеви Абдилхамид выступил с критикой намерений Тегерана ввести экономическую блокаду Курдского автономного района, заявив, что позиция ИРИ создает новые проблемы в регионе, и призвал правительство отказаться от такой политики. От Багдада он потребовал осознать свои ошибки и прекратить разговаривать с курдами языком угроз, а все действия против Эрбиля охарактеризовал как углубление кризиса в регионе⁶.

⁵ [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mid.ru/press_service/video/asset-publisher/ibt4/cq3VWP6/content/id/2875494 – Дата обращения: 3 октября 2017.

⁶ [Электронный ресурс] – Режим доступа: riataza.com/2017/10/02/lider-sunnitov-irana-pozitsiya-irana-v-otnoshenii-kurdov-yavlyaetsiya-vrazhdebnoy/ – Дата обращения: 4 октября 2017.

В ходе состоявшегося 4 октября 2017 г. государственного визита в Иран президента Турции Р. Эрдогана стороны договорились о принятии совместных мер против курдского референдума. Лидеры обоих государств заявили о неприемлемости никаких изменений границ в Сирии и Ираке⁷.

Референдум в Иракском Курдистане не признан и Вашингтоном. Госсекретарь США Р. Тиллерсон заявил, что результаты голосования не являются легитимными, и США продолжают поддерживать единый, федеративный, демократический и процветающий Ирак. Тиллерсон призвал центральное правительство и власти автономии воздержаться от взаимных упреков и угроз.

В экспертном сообществе высказывается мнение о том, что американцы, стремясь создать серьезные проблемы для враждебного им Ирана и проявляющей чрезмерную самостоятельность Турции, изменить военно-политическую обстановку в Сирии, развивающуюся явно в пользу России, могли дать лидерам Иракского Курдистана зеленый свет на проведение референдума.

В желании Вашингтона заглушить амбиции Ирана и Турции, повернуть сирийскую ситуацию вспять трудно усомниться. Но ведь не следует забывать и то, что правительство в Багдаде это – детище, плод «глубоких» изысканий американских полисмейкеров. Допустить развал сконструированной ими же шиитско-курдской государственности означало бы гибель всего иракского проекта.

Словом, все не так просто. На нынешнем этапе правительственные силы без боя заняли Киркук – центр одноименной провинции, и водрузили государственный флаг над зданием местной администрации. Отметим, что на Киркук претендуют и туркоманы (а значит и турки), уже давно

⁷ [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.dw.com/ru/эрдоган-и-роухани-высказались-против-курдского-референдума/a-40808388 – Дата обращения: 4 октября 2017.

задумавшиеся над возможностью создания в Киркуке туркоманской автономии.

Иранские курды не вмешиваются, наблюдая за развитием событий со стороны. Степень их сплочённости установить весьма сложно, особенно с учетом ее традиционной изменчивости. Власти, прежде всего КСИР, жестко контролируют ситуацию в курдских районах. В условиях высокой боеготовности вооруженных сил оппозиционная активность курдов в близкой перспективе, скорее всего, проявляться не будет.

Источники и литература

1. Дунаева Е.В. Иран: современный этнонациональный дискурс (Подходы правительства и видения элит) // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Сборник статей под ред. Н.М. Мамедовой. ИВ РАН, издатель Воробьев А.В., 2016. С. 58-74.

2. М. Реза Годс. Иран в XX веке. Политическая история. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 218-220.

3. Мозлоев А.Т (в соавторстве). Круглый стол «Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в фокусе интересов региональных и мировых держав» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1(11). С. 115-116.

4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.dw.com/ru/эрдоган-и-роухани-высказались-против-курдского-референдума/a-40808388 – Дата обращения: 4 октября 2017.

5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.riataza.com/2017/10/02/lider-sunnitov-irana-pozitsiya-irana-v-otnoshenii-kurdov-yavlyaetsiya-vrazhdebnoy/ – Дата обращения: 4 октября 2017.

6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mid.ru/press_service/video/asset-publisher/ibt4/cq3VWP6/content/id/2875494 – Дата обращения: 3 октября 2017.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 2000-Х ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается положение саудовской правящей семьи в политической системе, корректировка положений саудовского конституционного акта – Основного закона правления, а также изменения на вершине политического истеблишмента, роль «образованного класса» и институтов его влияния. Вместе с тем, речь идет и о проекте «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» и определяемых этим документом основных направлениях социально-экономической модернизации.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, наследник престола, «образованный класс», «Видение: 2030», социально-экономические преобразования.

Приход к власти в январе 2015 г. короля Сальмана бен Абдель Азиза приблизил к завершению эпоху правления сыновей Ибн Сауда, – посты наследника престола и его заместителя были переданы внукам «короля-основателя». Введение молодых представителей семьи Аль Сауд – центрального звена национального «правлящего класса», в систему государственного управления – важнейшая характеристика нынешнего этапа эволюции. При этом «правлящий класс» пополнялся выходцами из рядов «разночинцев», страты, вызванной к жизни временем «нефтяного развития» и ставшей союзником власти и участником «созидания государства институтов».

Саудовская политическая система трансформировалась – формировался третий внутривнутриполитический «центр силы» (на

¹ Доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ.

фоне традиционного союза правящей семьи и корпуса богословов во главе с потомками Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба – семьей Аль Аш-Шейх). Союз с властью позволил различному «образованному классу» обрести собственные институты влияния, в ряду которых протопарламент – Консультативный совет и частично избираемые органы муниципальной власти.

Семья Аль Сауд в системе власти

Существование саудовского государства легитимировано властью семьи Аль Сауд. Принятый в 1992 г. Основной закон правления фиксировал это положение: «Власть принадлежит сыновьям короля-основателя ... и сыновьям его сыновей»².

Многочисленность потомков Ибн Сауда сделала неизбежным возникновение внутрисемейных фракций, стратифицированных в зависимости от положения кланов их матерей в системе связей традиционного общества. Династия неоднородна, – в ней присутствует «периферия» – «младшие принцы», дети женщин из «низких» родов Неджда³ (и завоеванных территорий) либо не включенных в систему аравийских родоплеменных отношений. Центральное звено Аль Сауд – «старшие принцы» («клан Судейри»⁴), занимают ведущее место в структуре власти. Их союзы, меняя соотношение сил в семье, позволяли главе той или иной фракции занять трон.

В октябре 2006 г. Основной закон правления подвергся коррекции в связи с появлением Закона о Комитете принесения клятвы. Если ранее статья 5 конституционного акта предполагала, что «Король своим указом выбирает и смещает наследного

² Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Ст. 5. – Бен Баз А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Эр-Рияд, Дар Аль-Харейджи, 2000. С. 265.

³ Историко-географический регион Аравийского полуострова, колыбель саудовской государственности.

⁴ В их числе потомки (в свое время) короля Фахда, принцев Султана, Наефа, нынешнего короля Сальмана – сыновей Ибн Сауда от Хиссы бинт Ахмад Ас-Судейри из влиятельного рода неждийского района Судейр.

принца)⁵, то новая редакция этого положения гласила: «Избрание наследника престола регулируется Законом о Комитете принесения клятвы». Назначение второй фигуры политического истеблишмента перешло к коллективному органу, состоящему из «сыновей короля-основателя» либо «их сыновей»⁶. В марте 2014 г. был введен пост заместителя наследника престола, также назначаемого Королем по согласованию с Комитетом.

Закон о Комитете принесения клятвы придал Аль Сауд черты корпоративного сообщества, объединенного задачей сохранения власти. Тем не менее, включение в состав Комитета представителей всех фракций не изменило их положения во внутрисемейной иерархии. Консультируясь по поводу создания Комитета, король Абдалла обращался к «клану Судейри», главам «мажоритарных» фракций, исключив возможность прихода на вершину власти «младших» принцев – глав фракций «миноритариев». В конце апреля 2015 г. (указом короля Сальмана) сын принца Наефа – Мухаммед бен Наеф (унаследовавший после смерти отца руководство министерством внутренних дел) занял пост наследника престола, место же его заместителя перешло к сыну правящего монарха (ставшему министром обороны) Мухаммеду бен Сальману. «Ядро» правящей семьи сужалось, ограничиваясь фракциями правящего монарха и принца Наефа.

Преданные гласности в июне 2017 г. указы короля Сальмана вновь изменили контуры высшего эшелона политического истеблишмента. Принц Мухаммед бен Наеф был освобожден от занимаемых им постов наследника престола и министра внутренних дел. Новым наследником престола стал прежний заместитель наследника престола Мухаммед бен Сальман, сохранивший пост министра обороны. «[Королевский] выбор»

⁵ Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Ст. 5. – Бен Баз А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Эр-Рияд, Дар Аль-Харейджи, 2000. С. 265.

⁶ Низам Хейъа аль-бейъа. (Закон о Комитете принесения клятвы). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?issueno=9896&article=388223> – Дата обращения: 20 октября 2006.

Мухаммеда бен Сальмана «был поддержан», как отмечалось в соответствующем указе, «подавляющим большинством» членов Комитета принесения клятвы. Пост главы внутривластного ведомства занял правнук Ибн Сауда принц Абдель Азиз бен Сауд бен Наеф, его заместителями стали «разночинные выдвиженцы». В состав советников королевской канцелярии были введены внуки бывших королей Фейсала и Фахда, а также умершего в 2011 г. Султана⁷. 21 июня 2017 г. члены королевской семьи, высшие государственные и религиозные деятели, принесли присягу наследнику престола.

Переход власти к новому поколению Аль Сауд стал проблемой времени. Основной закон правления вновь корректировался – второй раздел его пятой статьи был дополнен положением: «После [завершения правления] сыновей Короля-основателя Король и наследник престола не могут быть представителями одной фракции»⁸. Комментируя изменения на вершине государственной иерархии, обозреватель газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал об «омоложении» саудовского «правлящего класса», происходящем «в рамках политической системы и на основе принятых процедурных норм – решения монарха, поддержки королевской семьи и присяги представителей различных слоев общества»⁹. Удовлетворив пожелание монарха, Комитет принесения клятвы потребовал уступок, – из текста, внесенного в пятую статью Основного закона правления изменения вытекало, что монархия не станет наследственной. Отсутствие в указах упоминания о poste

⁷ Мухаммед бен Сальман валяян ли ахд Ас-Саудий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/22492235> – Дата обращения: 21 июля 2017.

⁸ Таадиль Низам аль-хукм юрассих аль-аслях ва аль-акфа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/m/story/22502218#sthash.s38G6rVC.9KHуFoQS.dpbs> – Дата обращения: 21 июня 2017.

⁹ Ар-Рашид А.Р. Аль-Амир Мухаммед бен Сальман ва аль-хукм ас-саудий. (Принц Мухаммед бен Сальман и саудовская власть). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://aawsat.com/home/article/957431> – Дата обращения: 22 июня 2017.

заместителя наследника престола позволяло считать этот пост ликвидированным.

Новый наследник саудовского престола

В конце апреля 2015 г. указом короля Сальмана Мухаммед бен Сальман (родившийся в августе 1985 г.) был назначен заместителем наследника престола. Возвышение бакалавра права факультета юриспруденции и политических наук Эр-риядского Университета им. короля Сауда (большинство внуков-«мажоритариев» – выпускники американских учебных заведений), первоначально (до поступления на государственную службу) пробовавшего себя в коммерции, а затем вошедшего в качестве «освобожденного советника» в состав Комиссии экспертов при кабинете министров (составленной из представителей «образованного класса»), не стало неожиданностью.

Укрепление позиций отца в рамках «ядра» династии определило успех карьеры сына. В декабре 2009 г. он (вместе с группой выпускников Университета им. короля Сауда, специализировавшихся в инвестиционной и коммерческой деятельности) был назначен советником губернатора саудовской столицы – будущего Короля. Назначение отца на пост министра обороны в ноябре 2011 г. позволило сыну стать руководителем его канцелярии и министром без портфеля¹⁰.

Источником модернизационных изменений в Саудовской Аравии является государство, представленное властвующей фракцией династии. Уровень и глубина этих изменений определяется не только личностью монарха, но и тем, в какой мере участником осуществляемых преобразований выступает «образованный класс». Это было ярко подтверждено в начале 1990-х гг., когда (в то время наследный принц) Абдалла

¹⁰ Ас-Сира аз-затийя ли Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Мухаммед бен Сальман бен Абдель Азиз. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spa.gov.sa/viewstory.php?lang=ar&newsid=1319666> – Дата обращения: 28 января 2015.

осуществил (в той мере, в какой это отвечало интересам династии) предлагавшиеся «разночинцами» политические и экономические преобразования, включая принятие Основного закона правления и создание Консультативного совета.

Выпестованный государством «образованный класс» считал возможным осуществить предлагавшиеся им изменения только при опоре на «реформатора во власти». Связанный с этим «классом» Мухаммед бен Сальман, видел себя «частью страты молодежи» и провозглашал ее идеалы: *«Саудовская Аравия, которую хочу создать я и 70% саудовцев, – говорил он в интервью лондонскому «Экономист», – это Саудовская Аравия, не опирающаяся на нефть, это страна с растущей экономикой, с прозрачными законами, занимающая сильное место в мире, способная осуществить мечту каждого гражданина, предоставив ему мотивирующие его стимулы. Это страна, – продолжал он, – с хорошей экологией, ... обеспечивающая участие всех в принятии решений, часть мира, участвующая в его развитии, противостоящая тем же вызовам, что и остальной мир»*¹¹. Полученное принцем саудовское образование обрело политический смысл, – он выглядел как человек, далекий от переноса «западных рецептов» на саудовскую почву. Успешное же выполнение им зарубежных миссий (в эпоху его пребывания на посту заместителя наследника престола), включая и состоявшуюся в марте 2017 г. в Вашингтоне встречу с президентом Дональдом Трампом, позволило ему претендовать на роль «архитектора» саудовского внешнеполитического курса, сочетающего ориентацию на Соединенные Штаты с развитием контактов с Европейским Союзом, Россией, Китаем и Японией.

¹¹ Interview with the prince Muhammad bin Salman. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.economist.com/saudi_interview – Дата обращения: 06 января 2016.

«Образованный класс»: становление нового «центра силы» системы власти

Союз Аль Сауд и Аль Аш-Шейх предопределил распределение функциональных обязанностей обоих центров внутривластной силы. Если правящая семья играла роль «политического класса», то Аль Аш-Шейх – носителя необходимой этому «классу» религиозно-политической легитимации. «Исполнительная» власть во главе с Советом министров (армия, репрессивный аппарат, управление делами провинций, экономика и внешнеполитические сношения) оставалась монополией Аль Сауд, осуществление же религиозных функций, судопроизводство, поддержание «исламской» морали и идеологическая индоктринация – Аль Аш-Шейх и примыкающим к ним богословов. В начале 1990-х гг. саудовский «политический класс» инициировал «этап реформ». На рубеже же двух столетий инициируемое властью движение к созданию «государства институтов» и, как его следствие, расширение числа участников принятия политического решения обрело характер необратимой тенденции, обусловленный трансформацией саудовского социума.

Если до начала «эры нефти» этот социум (по словам саудовского исследователя) состоял из «классов вождей племен, *ихванов*¹², торговцев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов», то последующая эволюция вносила коренные изменения в связанную с традицией социальную структуру. «Класс торговцев» обретал черты «предпринимательского класса». «Класс вождей племен» – в орудие поддержания стабильности в пределах территории расселения племенных формирований. В 1960-х гг. было ликвидировано рабство. Из социальной структуры общества исчезли «классы» *ихванов* и ремесленников¹³.

¹² Переходившие к оседлости бедуины.

¹³ Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтимабийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. (Проблемы социального развития Королевства Саудовская Аравия). М.: Эр-Рияд, Дар ат-такаддум, 2000. С. 129-147.

Урбанизация превратила 81% саудовского населения (достигшего, согласно переписи 2010 г., 29,8 млн чел.) в жителей городов¹⁴. В стране развивалось государственное среднее и высшее образование (включая и женское). По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев (4 млн. чел. в возрасте от 25 до 44 лет или 89,5% от общей численности рабочей силы) получили образование – 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, а 34,4% – дипломами бакалавров. Образованы работающие мужчины (96,1%) и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин¹⁵.

Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев (мужчин и женщин) отправляются на учебу в зарубежные (в первую очередь, американские) университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 университетов (включая крупнейшие учебные комплексы – Университет нефти и природных ресурсов имени короля Фахда в Дахране и Университет науки и технологии имени Короля Абдаллы вблизи Джидды), как и 52 региональных технических колледжа¹⁶. Вхождение «образованного класса» в политику меняло «правлящий класс».

Преобразования усложняли политическую систему, содействуя ее структурной дифференциации. Эта система подвергалась децентрализации, когда монарх не может рассматриваться в качестве непререкаемого «центра силы», а

¹⁴ 88% мин суккан Ас-Саудийя яктынун аль-мудун би хулюль 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=728409&issueno=12585> – Дата обращения: 13 мая 2013.

¹⁵ Аль-Мамляка: 8,6 мильон насам джумля аль-кувва аль-амиля. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> – Дата обращения: 01 марта 2010.

¹⁶ Хадим Аль-Харамейн: аль-хукума ас-саудийя таъмаль аля нашр сакафа хукук аль-инсан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=571619&issueno=11505> – Дата обращения: 29 мая 2010.

Саудовская Аравия как «абсолютная монархия». Конституционные акты 1992 г. (в первую очередь, Закон о Консультативном совете, создавшим основы для становления «законодательной» власти, представленной назначаемым монархом *протопарламентом*) ввели «образованный класс» в поле принятий политических решений.

Ныне в состав Консультативного совета входит 150 членов (включая 30 женщин). Абсолютное большинство из них имеют дипломы о высшем образовании, магистерские и докторские степени по светским специальностям. Члены Совета – уроженцы всех регионов и представители всех конфессиональных страт (в том числе, шииты и исмаилиты), «разночинцы», не связанные со знатными семьями своих регионов. Весной 2014 г. в Закон о Консультативном совете были внесены изменения, предоставляющие *протопарламенту* право законодательной инициативы. Курс на превращение Консультативного совета и органов исполнительной власти (в которые кооптируются члены *протопарламента*) в центр притяжения для «образованного класса» продолжен нынешним Королем. Сформированное в феврале 2015 г. правительство составлено (за исключением постов министров обороны, внутренних дел, остающихся в руках Аль Сауд, а также исламских дел и вакфов, принадлежащего Аль Аш-Шейх) из членов Консультативного совета. Впервые в саудовской истории пост министра иностранных дел получил «разночинец».

Весной 2005 г. и осенью 2012 г. в стране прошли частичные выборы депутатов муниципальных советов, участниками которых могли быть только мужчины. Муниципальная избирательная кампания 2015 г. включила и женщин. Решение о предоставлении им избирательных прав было обнародовано Королем Абдаллой в сентябре 2011 г. Этому начинанию предшествовали шаги, направленные на расширение сферы женской эмансипации – введение в государственную табель о рангах, право получать удостоверения личности, избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат и общественных организаций. С июня 2018 г. (на основании указа Короля Сальмана от 26

сентября 2017 г.) женщины будут иметь право водить автомобиль.

В течение 2003-2005 гг. в Саудовской Аравии был создан Центр национального диалога, возник Антикоррупционный комитет, повышена роль Совета торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественная» Национальная ассоциация прав человека. В 2008 г. в Вене был создан Центр диалога религий и цивилизаций.

Проект «Видение: 2030»: курс на трансформацию общества

Союз власти и «образованного класса» предопределил появление в апреле 2016 г. проекта социально-экономических изменений – «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030». В ходе его подготовки был создан Совет по экономике и развитию, курирующий экономические и социальные министерства и ведомства, руководство которым было передано принцу Мухаммеду бен Сальману и его команде экспертов, ставивших вопрос о трансформации саудовской экономики в «экономику инвестиций». Конкретизируя положения проекта, Мухаммед бен Сальман говорил о приватизации, постепенном акционировании крупных промышленных компаний и увеличении «не-нефтяных поступлений в бюджет», – начиналось «развенчание мифа святости нефти»¹⁷.

Задачи проекта резюмировались как «удвоение возможностей» страны, включая «превращение Саудовской АРАМКО из нефтепроизводящей компании в промышленного гиганта, работающего во всех концах земного шара». Саудовская армия должна была быть «оснащена современным оружием», – «половину этого оружия» предполагалось производить в самой Саудовской Аравии. Линия на «удвоение возможностей» связывалась с «простором для деятельности частного сектора»,

¹⁷ Saudi Arabia's Deputy Crown Prince Outlines Plans: Transcript. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-04/saudi-arabia-s-deputy-crown-prince-outlines-plans-transcript> – Дата обращения: 05 апреля 2016.

его превращением в «партнера» государства и «основной инструмент создания рабочих мест».

«Видение: 2030» открывалось «обязательствами», относящимися к сфере здравоохранения, образования, культуры и досуга. Их резюме – «поддержка культуры и организация досуга», «здоровая жизнь» и «учиться, чтобы трудиться». Это означало, что к моменту завершения программы «расходы саудовской семьи на культуру и досуг повысятся с 2,9 до 6%», а доля тех, кто «занимается спортом хотя бы один раз в неделю с 13 до 40%». Создание «любительских кружков для детей и подростков» в специально формируемых для этого по всей стране «использующих современный мировой опыт социально-культурных клубах» провозглашалось важным (и появляющимся впервые в саудовской истории) направлением деятельности власти.

Спорт (и улучшение медицинского обслуживания) как путь к повышению продолжительности жизни (с нынешних 74 до 80 лет) объявлялся условием жизни «общества, отвечающего потребностям современности» и его «экологической безопасности», – к 2030 г. не менее 3 саудовских городов должны быть включены в число «лучших для проживания человека ста городов мира». Перестройка же системы образования должна осуществляться «в соответствии с потребностями рынка труда», что предполагает как расширение системы среднего и высшего образования, ориентированного на профессионально-техническую подготовку, так и продолжение курса на подготовку специалистов в «ведущих зарубежных университетах».

Экономическая часть программы делает акцент на поощрении малого и среднего предпринимательства (при сохранении ведущей роли государства), провозглашенного «одним из основных источников экономического роста». Долю его участия в ВВП «Видение: 2030» предполагает повысить с 20% до 35%. Государство обязуется повысить уровень банковско-финансовой поддержки этого сектора. Развитие этой сферы должно сократить безработицу с 11,6% до 7%. Роль женщин специально оговорена – они должны составлять «более 50%

выпускников университетов»; будет оказано содействие «развитию их талантов, получению ими возможностей для созидания собственного будущего, как и их участия в развитии общества и экономики». К 2030 г. уровень экономической занятости женщин предполагается повысить с 22% до 30%. Эти цифры не были преувеличены, а исходили из реалистической оценки степени консервативности саудовского общества.

«Многообещающими» секторами «Видение: 2030» называет возобновляемую энергетику, туризм, горнодобывающую промышленность, металлургию. Становление «зон свободной торговли» выступало в этой связи как инструмент развития новых отраслей экономики. Саудовские нефтяные доходы должны вкладываться в эти сферы производства, а также содействовать становлению «национального военного производства».

«Видение: 2030» ставит вопрос о перемещении Саудовской Аравии с 25 места на место в первой десятке наиболее конкурентоспособных экономик мира. Составители программы считают возможным говорить об увеличении доли прямых иностранных инвестиций в ВВП страны к 2030 г. с 3,8% до 5,7%. По их мнению, Саудовская Аравия обладает реальной возможностью увеличить долю частного сектора в ВВП с 40% до 65%, развивая цифровую инфраструктуру, ритейлерскую сеть и логистику.

Источники и литература

1. 88% мин суккан Ас-Саудийя яктынун аль-мудун би хулюль 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=728409&issue no=12585> – Дата обращения: 13 мая 2013.

2. Interview with the prince Muhammad bin Salman. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.economist.com/saudi_interview – Дата обращения: 06 января 2016.

3. Saudi Arabia's Deputy Crown Prince Outlines Plans: Transcript. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-04/saudi-arabia-s->

deputy-crown-prince-outlines-plans-transcript – Дата обращения: 05 апреля 2016.

4. Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтимабийй фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. (Проблемы социального развития Королевства Саудовская Аравия). М.: Эр-Рияд, Дар ат-такаддум, 2000.

5. Аль-Мамляка: 8,6 мильон насама джумля аль-кувва аль-амиля. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> – Дата обращения: 01 марта 2010.

6. Ар-Рашид А.Р. Аль-Амир Мухаммед бен Сальман ва аль-хукм ас-саудий. (Принц Мухаммед бен Сальман и саудовская власть). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://aawsat.com/home/article/957431> – Дата обращения: 22 июня 2017.

7. Ас-Сира аз-затийя ли Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Мухаммед бен Сальман бен Абдель Азиз. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spa.gov.sa/viewstory.php?lang=ar&newsid=1319666> – Дата обращения: 28 января 2015.

8. Бен Баз А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, Дар Аль-Харейджи, 2000. С.265.

9. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990 – 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

10. Мухаммед бен Сальман валяян ли ахд Ас-Саудийя. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/22492235> – Дата обращения: 21 июля 2017.

11. Низам Хейъа аль-бейъа. (Закон о Комитете принесения клятвы). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?issueno=9896&article=388223> – Дата обращения: 20 октября 2006.

12. Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030). [Электронный

ресурс] – Режим доступа: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> – Дата обращения: 23 августа 2017.

13. Таадиль Низам аль-хукм юрассих аль-аслях ва аль-акфа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/m/story/22502218#sthash.s38G6rVC.9KHуFоQS.dpbs> – Дата обращения: 21 июня 2017.

14. Хадим Аль-Харамейн: аль-хукума ас-саудийя таъмаль аля нашр сакафа хукук аль-инсан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4section=4&article=571619&issueno=11505> – Дата обращения: 29 мая 2010.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИРАНА СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Аннотация: Растущая роль в происходящих на Ближнем и Среднем Востоке процессах региональных игроков делает актуальным рассмотрение проблем, связанных с усилением иранского влияния - через различные аспекты его политики. В данной статье рассматриваются вопросы региональной внешнеэкономической политики Ирана, направления и особенности его экономических связей со странами региона. При анализе проблем экономического сотрудничества использованы материалы национальной и международной статистики.

Ключевые слова: Иран, экономический потенциал, внешняя торговля, шиитско-суннитские противоречия, энергетическая политика.

Проблемы экономического сотрудничества Ирана со странами Ближнего и Среднего Востока обусловлены рядом факторов. Прежде всего, необходимо выделить экономические факторы, к главным из которых можно отнести разницу экономического потенциала входящих в регион стран, а также различия их природных ресурсов. Экономические модели мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока также отличаются разнообразием, хотя для большинства из них характерна однотипная структура экономики, зависимость от импорта западных технологий. В большинстве этих стран идет борьба между использованием светских норм и ориентацией на исламские принципы в экономике и в организации государственной жизни. Такие внеэкономические факторы как

¹ Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором Ирана Института востоковедения РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ.

исламизация политической, экономической и культурной жизни, включая быт, отношение к труду, проведение демографической, национальной и конфессиональной политики в значительной мере также влияют на взаимоотношения государств, в том числе и на их экономические связи.

Несмотря на идущие процессы глобализации на Ближнем и Среднем Востоке, единого экономического рынка в этом регионе не сложилось. Наиболее тесно и политически и экономически связаны между собой арабские страны Персидского залива. Слабые внутрорегиональные экономические связи в значительной мере объясняются политической нестабильностью региона, который входит в фазу вероятного распада территориальной целостности отдельных государств и возникновения новых этнических или религиозных анклавов². В Сирии, Ираке и Йемене, где действуют законы военной экономики, значительны сегменты теневой экономики, что затрудняет оценки реальных объемов торговли между странами.

Такая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке, безусловно, тормозит развитие экономических связей Ирана со странами региона. Ограничителем выступает также напряженность, переросшая в последние два года во враждебность, в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией.

Сдерживающим фактором в развитии экономического сотрудничества Ирана с соседями по региону стал в значительной мере и санкционный режим, сформированный в отношении Ирана. Его последствия не преодолены до настоящего времени полностью, несмотря на заключение Совместного Всеобъемлющего Плана Действий (СВПД) между странами «шестерки» и Ираном в июле 2015г.

Как партнер, Иран обладает довольно значительным экономическим потенциалом, большими природными запасами, имеет достаточно диверсифицированную экономику, емкий

² Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами. / Под редакцией А.В.Кузнецова, Д.Б.Мальшевой. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 68.

внутренний рынок. Хотя из-за санкций рост ВВП в 2014-15гг. опустился до отрицательных показателей, тем не менее, Иран остается одной из крупнейших экономик региона (табл.№1).

Таблица№1. Основные макроэкономические показатели стран Ближнего и Среднего Востока по состоянию на 2016г.

Страна	Население	ВВП по офиц. курсу	ВНД на душу населения	ВНД по ППС	ВНД по ППС на душу населения
Иран	80,3	393,4	6530	1371,0	17370
Турция	79,5	857,7	11180	1907,5	23990
Саудовская Аравия	32,3	646,4	21750	1799,7	55760
Ирак	37,2	171,5	5430	641,4	17240
ОАЭ	9,3	348,7	40480	675,3	72850
Сирия	18,4	-	-	-	-
Ливан	6,0	47,5	7680	83,2	13860
Кувейт	4,0	114,0	31680	328,2	83420
Иордания	9,5	38,6	3920	84,9	8980
Оман	4,4	66,3	18080	173,5	41320
Катар	2,6	152,5	75660	309,5	123740
Бахрейн	1,4	31,9	22740	61,3	44690
Йемен	27,6	27,3	1040	68,8	2490

*население - млн.человек, ВВП и ВНД- млн долл. на душу населения.

Источник: World Bank. World Development Indicators Database. 2017.

Из этой таблицы видно, что, несмотря на высокий подушевой доход, характерный для стран, экспортирующих энергосырье, экономики этих стран невелики по объему. ВВП региона даже по паритетам покупательной способности не превышает 6% мирового валового продукта, а 4% из этих 6% приходится на три страны – Турцию, Саудовскую Аравию и Иран.

Наиболее населенными странами являются Иран и Турция, что наряду с высокими показателями подушевого дохода влияет на величину внутреннего рынка и на его привлекательность для каждой из этих стран.

На объемы экономических связей Ирана со странами региона решающее влияние оказывает то, что и Иран, и большинство стран этого региона, являются поставщиками энергоресурсов на мировой рынок. Нефть и газ - их основной экспортный товар, поэтому в их поставках из Ирана заинтересованы страны, которые не богаты этими природными ресурсами. Основным покупателем иранской нефти и газа в регионе является Турция, которая импортирует иранской нефти около 200 тыс. барр/сутки, что составляет 7% от всего экспорта иранской нефти, закупает около 10 млрд. кубометров газа в год, покрывая 25% своей потребности в природном газе³. В 2017 г. начались небольшие поставки иранского газа в Ирак.

Общее представление об экономических связях Ирана со странами региона можно получить из данных табл. №2.

Как показывают данные таблицы, из стран региона крупнейшими партнерами Ирана являются Турция, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Ирак. Для Ирана стимулы для развития экономических связей с каждой из стран региона и возникающие при этом проблемы – различны. Если Турция важна как рынок сбыта энергоресурсов, то ОАЭ – как страна, через которую Иран импортирует необходимые ему товары европейского или американского производства.

³ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iran.ru/news/analytics/92375/Turciya_v_novoy_politike_Irana – Дата обращения: 3 февраля 2017.

Таблица №2. Географическая структура экспорта и импорта Ирана в 2014г. (млн долл.)

Страны	Экспорт	Доля в экспорте, %	Импорт	Доля в импорте, %
Турция	9833	15,0	4417	8,23
С.Аравия	159	0,4	-	-
Ирак	6485	7,6	-	-
ОАЭ	4064	11,1	12244	22,9
Ливан	3,2	-	50,1	0,1
Кувейт	238	0,4	-	-
Иордания	17,2	-	-	-
Оман	2,9	-	-	-
Катар	7,3	-	50,8	0,1
Бахрейн	18,3	-	329	0,6

*По Сирии и Йемену данные отсутствуют.

Источник: Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Annual Report and Balance-Sheet. April 2017. P190-193. International Trade Centre. International trade statistics 2001-2017.

Попробуем проанализировать особенности экономического сотрудничества Ирана в регионе на примере взаимоотношений с некоторыми странами.

Иран и Турция. Турция в последние годы стала одним из основных внешнеторговых партнеров Ирана, несмотря на имеющиеся противоречия в оценке ряда региональных событий. По итогам последних двух лет товарооборот не превысил 14 млрд долл., хотя еще в 2012 г. он приближался к 22 млрд долл. Снижение стоимости произошло из-за падения цен на нефть,

поставки которой составляют основную часть иранского экспорта в Турцию. Зависимость Турции от поставок иранской нефти настолько велика, что даже введение санкций ЕС на импорт иранской нефти практически не отразилось на объеме закупок. Кроме нефти, несмотря на энергетические санкции США в отношении компаний, сотрудничающих в совместных с Ираном энергетических проектах, Иран поставляет в Турцию газ по газопроводу «Тебриз-Анкара», пущенному в эксплуатацию еще в 2001 г. Иран является в настоящее время вторым после России поставщиком газа в Турцию, обеспечивая примерно 30% потребления страны. Обе страны ставят вопрос об увеличении поставок. Решение вопроса упирается в высокую цену иранского газа и в технические возможности иранских компаний по прокладке второй нитки газопровода⁴. Иран планирует построить в Турцию газопровод IGAT-9 (от месторождения Южный Парс) длиной около двух тысяч километров, что даст возможность увеличить поставки до 35 млрд кубометров, которые будут предназначены как для Турции, так и для Европы⁵. Иран и Турция наращивают объемы торговли промышленными товарами, продукцией сельского хозяйства. В Турции действуют около 3 тыс. иранских компаний, в Иране работают более 160 магазинов, а турецкие прямые инвестиции в Иране превышают 1,2 млрд долл. В соответствии с Соглашением о торговых преференциях в 2015 г. были снижены пошлины на 140 видов товаров из Турции и на 125 видов товаров, ввозимых из Ирана⁶. Экономика этих двух стран дополняет друг друга, развивается пограничная торговля, в Иране вблизи границы с Турцией

⁴ Financial Tribune. Turkey Defends Iranian Transactions. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtribune.com/newspaper/no-854> – Дата обращения: 13 сентября 2017.

⁵ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/26/tegeran-proshtrafilnya-iran-postavlyayet-turcii-gaz-pochti-besplatno> – Дата обращения: 27 июня 2017.

⁶ Иванова И.И. Турция и Иран: соперники или союзники? // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Мамедовой Н.М. М.: ИВРАН, 2016. С.144-145.

действует свободная экономическая зона, в которой активно действуют турецкие компании. Практически отсутствует языковой барьер, особенно в приграничных с Турцией районах. Кроме того, осложнения отношений с США также толкают эти страны к установлению более тесных контактов.

Иран и Турция учитывают значимость транзитного потенциала друг друга. Если для Ирана турецкая территория необходима для продвижения своих энергетических товаров на европейский рынок, то Турция рассматривает Иран с точки зрения транзита своей промышленной продукции в страны Азии, особенно в связи с проектом Нового шелкового пути. Во время визита президента ИРИ в Турцию в июне 2014г. была поставлена цель увеличить товарооборот в краткосрочной перспективе до 30 млрд долл., что само по себе свидетельствует о намерении стран расширять сотрудничество. Создан и работает Совет сотрудничества высшего уровня. Таким образом, на данном этапе, несмотря на стремление обеих стран к лидерству, преобладает тенденция к наращиванию экономического сотрудничества, что объективно позволяет поддерживать определенный баланс сил в этом турбулентном регионе.

Иран и ОАЭ. ОАЭ занимают первое место из стран региона в иранском импорте. В эмиратах, особенно в Дубае, значительны позиции иранской общины, на долю Дубаи приходится 90% торговли с Ираном. Главное место в поставках товаров в Иран занимает реэкспорт продукции из других стран. Через Дубай Иран получал в трудный для себя период санкций потребительские товары, товары производственного назначения, электронику. Кроме того, в самих эмиратах в последние годы стали развиваться современные отрасли промышленности, продукцию которых, в том числе средства связи, они поставляют в Иран. ОАЭ являются крупнейшим покупателем иранского шафрана. О тесных экономических связях между странами свидетельствует тот факт, что в числе компаний, попавших осенью 2017 г. под новые санкции США, оказались и несколько компаний ОАЭ. Периодически возникающие разногласия по внешнеполитическим вопросам фактически не отражаются на

состоянии экономических связей. Конечно, споры из-за островов время от времени отражаются на отношениях, но превратились в постоянную составляющую этих отношений. Но в целом заинтересованность Ирана в импортном и реэкспортном потенциале Эмиратов при наличии исторически давно сложившихся торговых цепочек, при использовании в расчетах традиционных финансовых инструментов, тесных клановых связей, делает и ОАЭ более лояльным в отношении к Ирану.

Иран и Оман. Политические отношения Ирана с Оманом находятся на достаточно ровном уровне. Объемы экономических связей невелики, но для экономического сотрудничества чрезвычайно важным представляется реализация проекта, связанного с прокладкой газопровода из Ирана в Оман. Этот проект, соглашение о котором было достигнуто еще в 2013 г. по ряду причин реализуется с трудом, в том числе из-за давления США, предлагающих заменить иранский газ катарским, и из-за позиции ОАЭ по маршруту трубопровода. Газопровод, по которому планируют перекачивать газ в Оман, будет наполняться газом с месторождения Южный Парс. Общая протяженность газопровода составит 350 километров, из которых 200 километров пройдут по морю. Подводная часть трубопровода пройдет от Кухе Мубарек в Иране к оманскому порту Сохар. Газ будет поставляться на заводы Омана по производству СПГ и на химические заводы. Это выгодно Оману, который стремится развивать свой ТЭК⁷. В феврале 2017 г. Оман с официальным визитом посетил президент Ирана. Стороны подтвердили заинтересованность в реализации газового проекта, согласились изменить маршрут, чтобы избежать территориальных вод ОАЭ. По мнению иранской стороны, реализация проекта «станет экономической вехой для двух стран, проект может объединить

⁷ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/analitics/46252> – Дата обращения: 8 марта 2016.

страны Персидского залива, так как отвечает их общим энергетическим потребностям»⁸.

Иран-Ирак. Ирак в последние годы стал третьим крупнейшим партнером Ирана по экспорту после Китая и Турции. Иран поставляет в Ирак самые различные товары - от оборудования до продовольствия. Иранские товары занимают более 50% иракского рынка строительных материалов, 48% рынка нефтепродуктов, около 30% рынка химикатов, до 20% продовольственного рынка⁹. В настоящее время неоднократно поднимался вопрос о введении безвизового режима, в первую очередь для паломников из Ирана в шиитские центры Ирака - Кербелу и Неджеф, а также об использовании в качестве расчетов во внешней торговле национальных валют. Важной составляющей экономического сотрудничества является участие Ирана в восстановлении и модернизации иракской энергетики, транспортной системы. Иранский меджлис утвердил ассигнования на реализацию проекта «Гарб», по которому будут соединены иранские железные дороги с иракским Курдистаном и с Басрой, чтобы подключить Иран к внутренней сети железных дорог Ирака¹⁰. В 2017 г. было закончено строительство газопровода от иранского Керманшаха до Басры. Несмотря на сложную внутривосточную ситуацию в Ираке, Иран продолжает наращивать свое экономическое присутствие в этой стране, в том числе и в Иракском Курдистане. При этом для Ирана возможность официального создания независимого Курдистана может грозить усилением сепаратистских тенденций в курдских районах Ирана.

⁸ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thenational.ae/world/rouhani-meets-rulers-of-oman-and-kuwait-to-reduce-iran-gcc-tensions> – Дата обращения: 15. февраля 2017.

⁹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/63486/iran-3rd-biggest-trade-partner-of-iraq> – Дата обращения: 23 сентября 2017.

¹⁰ Федулов И.В. Проекты модернизации транспортной инфраструктуры Ирана. // Восточная аналитика. 2016. №4. С 43-44.

Иран-Сирия. Сложно говорить об экономических связях со страной, находящейся в состоянии войны. С другой стороны, непосредственное участие в происходящих событиях обуславливает не только политическую, но и военно-экономическую поддержку сирийского режима. Иранский экспорт в Сирию в 2015/16 гг. достиг 149 млн долл., а импорт составил 7,8 млн долл. Иран, главным образом, обеспечивает потребности находящихся на территории Сирии воинских подразделений Хезболлы и КСИРа, а также помощь для детей. Поэтому главные статьи экспорта - это фармацевтика, автозапчасти, химические товары и детское питание. Импортирует Иран оливковое масло, пряжу, одежду. Еще в 2013 г. Иран выделил Сирии кредит в 3,5 млрд долл., в 2015 г. он был увеличен на 1млрд долл.¹¹ Вероятно, что часть средств может поступать не по государственным каналам, а через исламские фонды и вакфы.

В 2017 г. во время визита премьер-министра Сирии в Иран были подписаны пять меморандумов о взаимопонимании, контракт на добычу фосфатов на руднике «Аль-Шаркия», на предоставление лицензии иранской компании на работу оператором мобильной телефонной связи в Сирии. Сирия готова сдать в аренду Ирану 5 тысяч га для ведения сельского хозяйства и животноводства, а также земли для строительства нефтегазовых терминалов. Иранские фирмы участвуют в ряде проектов в Сирии в области электроэнергетики, вложив в проекты 660 млн долл.¹² Сохраняется вероятность реализации проекта по газопроводу через Ирак в Сирию, тем более что к Басре газопровод из Ирана уже проведен.

Таким образом, мотивация для развития экономических связей Ирана со странами Ближневосточного региона самая различная - от прагматических интересов сбыта своей продукции до поддержки шиитских групп населения. Пережив самую

¹¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://financialtribune.com/articles/economy-business-and-markets/57826/new-page-in-iran-syria-economic-relations> – Дата обращения: 19. июля 2017.

¹² Там же.

трудную фазу санкционного давления, Иран в настоящее время в качестве приоритетной цели выдвигает задачу полного восстановления своего экономического потенциала. Для многонациональной и неоднородной в конфессиональном отношении страны ускорение экономического роста рассматривается как важнейший фактор сохранения своей территориальной целостности и своей системы правления. Этой цели подчинена и экономическая политика Ирана в регионе, направленная на предотвращение его радикального перереформирования.

Источники и литература

1. Financial Tribune. Turkey Defends Iranian Transactions. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtribune.com/newspaper/no-854> – Дата обращения: 13 сентября 2017.

2. Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами / Под редакцией А.В.Кузнецова, Д.Б.Малышевой. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 144с.

3. Иванова И.И. Турция и Иран: соперники или союзники? // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. /Под ред. Н.М.Мамедовой. М.: ИВРАН, 2016. С.128-150.

4. Федулов И.В. Проекты модернизации транспортной инфраструктуры Ирана. // Восточная аналитика. 2016. №4. С. 38-46.

5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iran.ru/news/analytics/92375/Turciya_v_novoy_politike_I_rana – Дата обращения: 3 февраля 2017.

6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/analytics/46252> – Дата обращения: 8 марта 2016.

7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/26/tegeran-proshtrafilsya-iran-postavlyaet-turcii-gaz-pochti-besplatno> – Дата обращения: 27 июня 2017.

8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/63486/iran-3rd-biggest-trade-partner-of-iraq> – Дата обращения: 23 сентября 2017.

9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://financialtribune.com/articles/economy-business-and-markets/57826/new-page-in-iran-syria-economic-relations> – Дата обращения: 19. июля 2017.

10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thenational.ae/world/rouhani-meets-rulers-of-oman-and-kuwait-to-reduce-iran-gcc-tensions> – Дата обращения: 15. февраля 2017.

БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ОТНОШЕНИЯ США И СТРАН СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация: В статье анализируются отношения между США и государствами-членами региональной организации Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) в области обеспечения региональной безопасности. Дается представление об этапах сотрудничества и о достижении стратегического союза в 2000-е годы. Большое внимание уделяется проблеме совместной борьбы с терроризмом и новым подвижкам в политике США после прихода к власти Д. Трампа.

Ключевые слова: США, ССАГЗ, безопасность, терроризм, президент Трамп.

Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) традиционно рассматривал США в качестве стратегического союзника. Однако отношения с ними развивались на двухстороннем уровне отдельных государств-членов. США с 70-х гг. прошлого века были главным поставщиком вооружений. Наиболее масштабные закупки осуществлялись Саудовской Аравией. Особые отношения связывали США с Бахрейном, где с конца 40-х гг. XX в. располагался Пятый флот США. Оман еще в 1980 г. заключил соглашение с Вашингтоном, которое позволило американским военным использовать бывшие британские военно-воздушные базы.

Военное сотрудничество с Кувейтом было упрочено в период иракской оккупации 1990-1991 гг., когда США возглавили действия многонациональной коалиции, направленные на возвращение ему независимости и суверенитета. После

¹ Доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского Государственного Гуманитарного Университета.

Иракского кризиса, ставшего показателем недостаточного развития оборонных возможностей этих государств для защиты своей независимости и суверенитета, все государства-члены этого объединения заключили оборонные соглашения с США, которые были пролонгированы в 2000-е гг.

Сотрудничество в сфере обеспечения безопасности между США и ССАГЗ как региональной организации, одной из главных целей которой было поддержание региональной стабильности и безопасности, началось в 2000-е гг., когда эта организация приступила к реализации единой оборонной стратегии. XXI саммит ССАГЗ, состоявшийся в декабре 2000 г., в столице Бахрейна - г. Манама, утвердил Соглашение о совместной обороне. Следующим шагом к углублению сотрудничества в оборонной сфере стало оформление Совместной оборонной стратегии Совета сотрудничества на XXX саммите в Эль-Кувейте, провозгласившей стремление государств ССАГЗ к «оборонной интеграции». Совместная оборонная стратегия предусматривала *«формирование объединенных сил быстрого реагирования численностью 22 тыс. чел.»* (в том числе, военно-воздушные и военно-морские части) для *«отражения агрессии против любого государства-члена»*².

В 2001 г. государства ССАГЗ создали проводящий ежегодные совещания Высший оборонный совет, а также систему идентификации и слежения за самолетами «Пояс сотрудничества» – крупнейший совместный проект организации. В его реализации активно участвовали США. Еще раньше, в 1995 г. с помощью американских военных специалистов было завершено создание единой системы противовоздушной обороны – «Щит мира», основу которой составила саудовская ПВО, оснащенная американскими радаром АВАКС. Для обеспечения воздушной безопасности был создан Региональный интегрированный центр по защите от нападения с воздуха и

² Юрченко В.П. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). М., Институт Ближнего Востока, 2007. Ч. 2. С. 260.

ракетной защиты, а для обороны побережья – Региональный морской координационный центр. В реализации всех этих проектов США принимали самое активное участие.

После 11 сентября 2001 г., когда США начали создавать международную антитеррористическую коалицию, государства ССАГЗ поддержали эту идею. В 2002 г. на саммите в Маскате члены организации приняли Декларацию по борьбе с терроризмом, а спустя два года подписали Соглашение о борьбе с терроризмом. В 2006 г. появилась постоянная антитеррористическая комиссия ССАГЗ. Вступление членов ССАГЗ в международную антитеррористическую коалицию, а затем создание Международного антитеррористического центра в Эр-Рияде (с участием в его деятельности всех членов объединения), расширило взаимодействие в сфере безопасности между ССАГЗ и США.

Совместная борьба с терроризмом и участие США в укреплении обороноспособности государств-членов ССАГЗ, стало основой их стратегического союза. Он был организационно оформлен в 2011 г. В марте 2011 г. состоялось первое совещание Форума стратегического сотрудничества ССАГЗ-США. На нем было принято решение сформировать совместную комиссию США и государств-членов Совета сотрудничества по вопросам безопасности. В заключительном коммюнике Форума отмечалось, что стратегическое взаимодействие по оборонным вопросам, а также по вопросам безопасности, будет включено в официальные рамки общего сотрудничества между обеими сторонами³. По мнению аналитиков Департамента политического анализа аппарата ССАГЗ, это сотрудничество «существенно

³ Леджна аманийя халиджийя-американийя ли дарс бина «дираба сарухий» (Сформированная странами Залива и Соединенными Штатами комиссия по безопасности изучит вопрос о создании «ракетного щита»). Официальный сайт Аль-Хайят. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/print/380965> – Дата обращения: 1 апреля 2012.

снизит региональную роль Ирана»⁴. Иран рассматривался в качестве стратегического противника ССАГЗ, так как поддерживал экстремистские группировки, занимавшиеся антиправительственной деятельностью, разрабатывал свою ядерную программу и постоянно усиливал свой военный потенциал, подкрепляя свои амбиции стать региональным лидером.

Одним из важнейших проектов, осуществление которых было намечено в рамках деятельности совместной комиссии, должно было стать создание с помощью американских специалистов ракетного щита, призванного защитить арабские государства Залива от возможных нападений, прежде всего, со стороны Ирана.

В 2014 г., когда США создали антитеррористическую коалицию для борьбы с ИГИЛ в Ираке и в Сирии, все государства-члены ССАГЗ, за исключением Омана, стали ее участниками.

Военно-политическое и оборонное сотрудничество с США было дополнено установлением контактов с НАТО. В июне 2004 г. делегация ССАГЗ приняла участие в работе Стамбульского саммита альянса, где была принята Стамбульская инициатива «Для развития отношений с Расширенным Ближним Востоком». Инициатива включила в себя и вопрос о начале сотрудничества с ССАГЗ. В 2016 г. в Кувейте было открыто постоянное представительство НАТО для координации действий с этой организацией.

США продолжали сохранять свои позиции в сфере обеспечения безопасности и военного сотрудничества с отдельными государствами-членами ССАГЗ. В 2001 г. Штабы Пятого флота США и Центрального командования в Королевстве Бахрейн координировали операцию более 20 военных кораблей,

⁴ Такрир ан варша амаль «Мустакбаль аль-илякат ас-сиясий аль-иклимий фи зыльль суьуд ат-тайярат аль-ислямийя (Отчет рабочей группы «Будущее региональных политических отношений в свете подъема ислам-ских течений)». Эр-Рияд, Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГЗ, 9-10 июня 2012. С. 10.

которые осуществляли поддержку военно-морских операций, связанных с войной в Ираке и Афганистане. Бахрейн принял более 4 тысяч американских военнослужащих во время начала операции в Афганистане. Кроме того, он стал единственной страной Залива, которая направила свои войска на проведение операции в Афганистане. В марте 2002 г. американский президент Дж. Буш назвал Бахрейн «главным не натовским союзником США». Это высказывание американского президента было подтверждено во время начала операции США в Ираке, в марте 2003 г. На бахрейнской военной базе было размещено 4500 военнослужащих США, которые затем участвовали в операции «Иракская свобода», приведшей к свержению Саддама Хусейна⁵.

Отношения с США были важны Бахрейну для его защиты от притязаний со стороны Ирана, который окончательно их не снимал. Кроме того, поддержка антиправительственных организаций со стороны Ирана в этой стране была более масштабной, чем в соседних странах, учитывая многочисленность местной шиитской общины, в среде которой действовали группировки, выступавшие против политики правительства Бахрейна.

В 2000-е гг. укрепились и отношения Катара с США. В ходе подготовки военной операции в Ираке США передислоцировали, по просьбе саудовского правительства, свой командный центр из военной базы Принца Султана в Саудовской Аравии на катарскую базу Аль-Удейд. Когда в марте 2003 г. была начата военная операция в Ираке, США разместили на катарской базе три тысячи военнослужащих и 36 самолетов. Кроме того, там находилось еще 26 самолетов армии Великобритании и Австралии. Кроме того, в Катаре располагался информационный центр коалиционных сил.

К 2016 г. база Аль-Удейд в Катаре стала крупнейшей военной базой США за границей. Там располагался Центр командования ВВС США, Центр воздушно-космических операций и авиационная эскадрилья. База могла принимать до

⁵ Там же. С. 4.

120 самолетов. Она была центром проведения воздушных операций коалиции, возглавляемой США, против ИГИЛ в Ираке и в Сирии⁶.

Кувейт также развивал сотрудничество в области поддержания региональной безопасности. Он поддержал операцию США, направленную на свержение Саддама Хусейна, осуществленную в марте 2003 г., предоставив возможность использовать свои базы ВВС, внутренний аэродром и морские порты. На территории Кувейта были расквартированы 250 тысяч американских военнослужащих. Кроме того, Кувейт предоставил продовольствие, горючее и другие, необходимые для американской армии материалы на сумму в 266 млн долл. США. Администрация президента Джорджа Буша-младшего, в благодарность за поддержку Кувейта, назвала его «одним из основных не натовских союзников США».

Во время пребывания американских войск в Ираке с 2003 по 2011 гг. в Кувейте на постоянной основе находилось около 25 тыс. американских военнослужащих. Во время вывода части американских военных из Ирака, начавшейся 27 февраля 2009 г., через Кувейт была осуществлена эвакуация американских войск. После вывода основного контингента американцев из Ирака, было сокращено и американское военное присутствие в Кувейте до 13 500 военнослужащих. Однако они включали не только вспомогательные части, но и боевые подразделения, которые американцы предполагали использовать в случае ухудшения ситуации в Ираке⁷.

Отношения США и Омана в области обеспечения безопасности не получили особого развития. Хотя США и использовали предоставленные их вооруженным силам военно-воздушные базы при проведении военных операций в Афганистане (в 2001 г.) и в Ираке (в 2003 г.). В 2000 г. при

⁶ Qatar hosted largest US military base in Mideast. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2017/06/05/middleeast/qatar-us-largest-base-in-mideast/index.html> – Дата обращения: 26 июля 2017.

⁷ Katzman K. Kuwait: Security, Reform, and US Policy. Congressional Research Service, November 2013. P. 14.

продлонгации соглашения об использовании баз военное командование США выполнило просьбу оманского правительства о проведении восстановительных работ на базах. В ответ США получили возможность использовать еще одну военно-воздушную базу на территории Омана для хранения вооружения⁸.

Саудовско-американское сотрудничество в области обеспечения безопасности сохранялось и в 2000-е гг., хотя после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 г. по освобождению Кувейта от иракской оккупации, американские войска были выведены с саудовской территории по просьбе саудовского правительства, опасавшегося роста недовольства их присутствием со стороны местного населения. Однако сохранялось масштабное сотрудничество между спецслужбами, координировавшими действия по противодействию террористической угрозе. Кроме того, саудовское королевство оставалось главным покупателем американского вооружения, закупив в период с 2011 по 2015 гг. 7-9 % всего американского экспорта. С 2006 по 2010 гг. военный импорт Саудовской Аравии из США вырос на 275 %.

Саудовско-американские отношения пережили период охлаждения. Начиная с 2014 г., когда в США началась так называемая «сланцевая революция», они значительно снизили импорт саудовской нефти, что привело к недовольству саудовской стороны. Отношения были обострены после принятия конгрессом США в 2016 г. закона, согласно которому родственники жертв террористических актов 11 сентября 2011 г. могли обращаться в суд с иском к саудовскому правительству о выплате им компенсаций, так как, согласно отчету специальной комиссии конгресса, Саудовская Аравия несла ответственность за

⁸ Katzman K. Oman: Reform, Security, and U.S. Policy. – Congressional Research Service, Report for Congress. 28 June 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a474886.pdf> – Дата обращения: 26 июля 2017.

действия своих граждан, которых было 15 среди 19 террористов, признанных виновными в совершении этих терактов⁹.

Саудовская Аравия и ее партнеры по ССАГЗ были также недовольны подписанием в 2015 г. Женевских соглашений по ядерному досье Ирана, что должно было привести к снятию с него экономических санкций. Саудовское королевство, как и другие члены ССАГЗ, рассматривали Иран в качестве своего стратегического противника, и опасались, что это приведет к усилению иранских позиций в регионе. Кроме того, в этот период усилилось их недовольство тем фактом, что США снизили свое участие в разрешении конфликтных ситуаций, осложняющих состояние региональной безопасности. Это касалось сирийского кризиса, ситуации в Ливии и Йемене. В этой связи государства ССАГЗ, по мнению американских аналитиков, требуют новых политических и военных гарантий от США¹⁰.

Несмотря на противоречия между ССАГЗ и США, контакты продолжали успешно развиваться. В 2015 г. состоялся саммит в Кэмп-Дэвиде, поставивший вопрос о необходимости большей координации действий между США и ССАГЗ в борьбе с терроризмом. В 2016 г. прошел очередной саммит между лидерами США и ССАГЗ. По словам генерального секретаря этой региональной организации Абдель Латыфа Аз-Зияни *«он способствовал принятию дальнейших шагов по укреплению военного сотрудничества между государствами Совета сотрудничества и США»*.

Тот факт, что новый президент США Д. Трамп совершил свой первый зарубежный визит в конце июня 2017 г. в Саудовскую Аравию, говорит о понимании новой американской администрацией значения этой организации в обеспечении

⁹ US-Saudi Relations. Council of Foreign Relations. 12 May 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cfr.org/backgrounders/us-saudi-relations> – Дата обращения: 28 июня 2017.

¹⁰ Goldenberg I. and Dalton M.G. Bridging the Gulf. How to Fix US Relations with the GCC. Foreign Affairs. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middleeast/bridging-gulf> – Дата обращения: 25 августа 2017.

региональной безопасности. Там, помимо встреч с саудовским королем Сальманом бен Абдель Азизом и другими руководящими деятелями, был проведен саммит США-ССАГЗ. На саммите обсуждались *«пути укрепления взаимного сотрудничества в различных областях, в том числе оборонительная ракетная система, морская безопасность, поставки вооружения и проведение учений, кибербезопасность, совершенствование военной медицины. Таким образом, все те наиболее важные для укрепления обороноспособности государств-членов ССАГЗ сферы, развитие которых позволило бы им быть готовыми обеспечивать безопасность и стабильность региона»*. Совместные учения между ССАГЗ и США проводятся регулярно. В марте 2017 г. подобные учения были проведены в Кувейте. Они продлились три недели и в них приняли участие пять стран Совета сотрудничества, за исключением Омана¹¹. До проведения саммита был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу о необходимости контролировать источники финансирования терроризма.

Главы ССАГЗ стали участниками еще одного саммита, организованного в саудовской столице по просьбе американского президента. В саммите приняли участие главы государств 55 мусульманских стран. По его завершению была принята Эр-Риядская Декларация. В ней было подтверждено стремление к тесному сотрудничеству между лидерами арабских и мусульманских стран и США в борьбе с экстремизмом и терроризмом, в целях достижения мира, стабильности и развития на региональной и международной аренах. Лидеры выразили согласие укрепить сотрудничество и добиться консолидации действий между арабскими и мусульманскими странами, с одной

¹¹ Маджлис ат-тааун: наамаль маа Вашингтон фи кульь аль-муллафат кабля зиярат Трамп (Совет сотрудничества: до визита Трампа мы сотрудничали с Вашингтоном по всем проблемам). Аш-Шарк Аль-Аусат 08.05.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://aawsat.com/print/920896> – Дата обращения: 12 мая 2017.

стороны, и США, с другой¹². Американский президент выразил свою «растущую обеспокоенность ростом терроризма, распространением радикализма и ролью Ирана в их финансировании». Он призвал региональных партнеров США «брать на себя большую ответственность и играть более значительную роль в борьбе с терроризмом в этом регионе». Готовность США противодействовать Ирану, которая не проявлялась прежней американской администрацией, означала поворот в их отношениях в сторону их дальнейшего развития.

Встречи между президентом Трампом и главами государств ССАГЗ дали толчок укреплению военных связей на двустороннем уровне. США и Саудовская Аравия подписали соглашение о поставках вооружения на сумму в 110 млрд долл. В предстоящие 10 лет саудовские закупки американского вооружения должны составить 350 млрд долл¹³.

ОАЭ, военные связи с США которых не достигли высокого уровня, воспользовались заинтересованностью американской администрации упрочить связи с ССАГЗ ради укрепления региональной безопасности и подписали новое оборонное соглашение, которое предусматривает размещение американских войск, что, по словам представителя Пентагона, «даст возможность армии США при необходимости отреагировать на различные сценарии внутри страны и вокруг нее»¹⁴.

¹² Riyadh Declaration. Arab-Islamic-American Summit succeeds in building close partnership to confront extremism, terrors, fostering regionally, int'l peace, stability, development. Saudi Press Agency. 21.05.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.spa.gov.soc/viewfullstory.php?lang=en&newsid=1632546 – Дата обращения: 28 июня 2017.

¹³ Is Trump holding a Russian card in the Middle East? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/05/trump-russia-middle-east-saudi-arabia-visit-israel-iran.html#ixzz17UQps> – Дата обращения: 15 августа 2017.

¹⁴ Иттифак джадид ли ат-тааун ад-дифайй бейна аль-Имарат ва Амрика (Новое оборонное соглашение между Эмиратами и Америкой). Аль-Хайят, 17.05.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/21900729> – Дата обращения: 18 июля 2017.

США продолжают сохранять и укреплять положение главного стратегического союзника ССАГЗ. Совпадение их интересов в противодействии Ирану и борьбе с терроризмом создают прочную основу для развития сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности.

Источники и литература

1. Goldenberg I. and Dalton M.G. Bridging the Gulf. How to Fix US Relations with the GCC. Foreign Affairs. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middleeast/bridging-gulf> – Дата обращения: 25 августа 2017.

2. Is Trump holding a Russian card in the Middle East? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/05/trump-russia-middle-east-saudi-arabia-visit-israel-iran.html#ixzz17UQps> – Дата обращения: 15 августа 2017.

3. Katzman K. Kuwait: Security, Reform, and US Policy. Congressional Research Service, November 2013. P. 14.

4. Katzman K. Oman: Reform, Security, and U.S. Policy. – Congressional Research Service, Report for Congress. 28 June 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a474886.pdf> – Дата обращения: 26 июля 2017.

5. Qatar hosted largest US military base in Mideast. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2017/06/05/middleeast/qatar-us-largest-base-in-mideast/index.html> – Дата обращения: 26 июля 2017.

6. Riyadh Declaration. Arab-Islamic-American Summit succeeds in building close partnership to confront extremism, terrors, fostering regionally, int'l peace, stability, development. Saudi Press Agency. 21.05.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.spa.gov.soc/viewfullstory.php?lang=en&newsid=1632546 – Дата обращения: 28 июня 2017.

7. US-Saudi Relations. Council of Foreign Relations. 12 May 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.cfr.org/backgrounder/us-saudi-relations> – Дата обращения: 28 июня 2017.

8. Иттифак джадид ли ат-тааун ад-дифайй бейна аль-Имарат ва Амрика (Новое оборонное соглашение между Эмиратами и Америкой). Аль-Хайят, 17. 05. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/21900729> – Дата обращения: 18 июля 2017.

9. Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварийя ли муатамар Кембридж (Выступление генерального секретаря Со-вета сотрудничества в ходе диалога в Кембридже). Аль-Масира, август 2012, № 53.

10. Леджна аманийя халиджийя-американийя ли дарс бина «дирара сарухий» (Сформированная странами Залива и Соединенными Штатами комиссия по безопасности изучит вопрос о создании «ракетного щита»). Официальный сайт Аль-Хайят. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/print/380965> – Дата обращения: 1 апреля 2012.

11. Маджлис ат-тааун: наамаль маа Вашингтон фи куль аль-муллафат кабля зиярат Трамп. Аш-Шарк Аль-Аусат 08.05.2017. (Совет сотрудничества: до визита Трампа мы сотрудничали с Вашингтоном по всем проблемам). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://aawsat.com/print/920896>. – Дата обращения: 12 мая 2017.

12. Такрир ан варша амаль «Мустакбаль аль-илякат ас-сиясийя аль-иклимийя фи зыль сууд ат-тайярат аль-ислямийя (Отчет рабочей группы «Будущее ре-гиональных политических отношений в свете подъема исламских течений»). Эр-Рияд, Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГЗ, 9-10 июня 2012. С. 10.

13. Юрченко В.П. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). М., Институт Ближнего Востока, 2007. Ч. 2. С.260.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация: В статье кратко анализируется политика Турции в контексте сирийского кризиса, сюжетно рассматривается эволюция политики страны в этом регионе и конкретно по отношению к Сирии. На этой основе рассмотрены отношения России и Турции, пережившие за относительно короткий период взлеты и падения, связанные с определенной непоследовательностью политики Турции по отношению к данному региону.

Ключевые слова: Турция, Россия, Ближний Восток, Сирийский кризис.

Зависимость турецкой внешней политики от Запада достаточно долгое время в той или иной степени играла существенную роль в формировании отношений страны со всем ближневосточным регионом. Однако этот фактор в последние годы претерпел существенные изменения. С началом XXI века и приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития во главе с нынешним лидером страны Реджепом Тайипом Эрдоганом отношения Турции со странами Ближнего Востока стали развиваться волнообразно, со взлетами и падениями. На наш взгляд эта амплитуда в отношениях Турции и стран региона стала следствием нарастания ее стремлений реанимировать в новых условиях свое геополитическое влияние. Эта политика с легкой руки бывшего премьер-министра страны Ахмеда Давутоглу получила название «неосманизм». В своей известной монографии «Стратегическая глубина» А. Давутоглу заявляет совершенно прямо о претензиях страны на роль мирового игрока, стремящегося играть по своим правилам, а не по правилам,

¹ Кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков Дипломатической академии МИД России.

разработанным ранее и в формировании которых она не участвовала².

Автор подчеркивает, что *«Турция, родившаяся на исторической и геополитической почве Османского государства и получившая это наследство»*, призвана восстановить свое былое влияние.

Вместе с тем А. Давутоглу подчеркивает, что *«это историческое наследие может де-факто навредить ситуации, когда Турции надо будет незамедлительно вмешиваться [в ситуации] за пределами своих границ»*³.

Последний тезис активно используется во внешнеполитической практике современной Турции применительно к Ближневосточному региону⁴.

«Арабская весна» и порожденные ею политические кризисы вызвали тектонические сдвиги в странах региона. Прежде всего, следует сказать о такой серьезнейшей проблеме как нарастание вала международного терроризма, ставшей фактором, определяющим положение дел не только в странах региона, но и втянувшей в политические процессы как глобальных игроков, так и региональные державы, одной из которых является Турция.

В политике Турции по отношению к региону Ближнего Востока следует выделить несколько элементов. Среди них имеются видимые, находящиеся на поверхности. Это и историческое прошлое, и географический фактор близости, социальные аспекты, а также, как подчеркивает турецкий исследователь Байрам Синкая, внешнеполитические предпочтения политических элит страны и сама геополитическая структура региона, влияющая, в свою очередь, на эти предпочтения.

Кроме этого, на внешнеполитическую линию Турции по отношению к Ближнему Востоку существенное влияние

² Ahmet Davutoglu. *Stratejikderinlik, Küreyayinlari*, 2012, С.423.

³ Там же, С.142.

⁴ Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центр турецкой культуры имени ЮнусаЭмре. *«Мягкая сила Турции» // Геополитика и безопасность. 2013. №2 (22). С. 116-123.*

оказывают отношения страны с Западным миром. Это влияние проявляется по-разному.

Турция, со стремлением распространить свое влияние на прежде входящие в состав Османской империи страны в соответствии с концепцией «неоосманизма», вынуждена ответить на такие вопросы как: какое влияние оказали ее связи с Западом на ее отношения с Ближневосточными государствами и каким образом изменения в ближневосточной политике Турции привели к ухудшению ее отношений с Западом?

После образования Турецкой Республики отношения с Западом развивались ровно вплоть до прихода к власти в стране Правительства Демократической Партии в 1950 году. Именно в этот период, когда Турция руководствовалась принципом вестернизации, происходило интенсивное ее отдаление от штампа восточной страны и ускоренное стремление к европеизации, ее стремление поменять свою идентичность, ассоциировавшуюся с исламским ареалом. Именно на путях европеизации и создания абсолютно светского государства кемалисты видели для себя и страны рычаг модернизации османского общества и решительного освобождения страны от архаизма, как они считали, Востока.

Наряду с позитивом это стало существенным отрицательным фактором в отношениях Турции с внешнеполитическим регионом. В этих целях осуществлялась политика преобразования страны с целью освобождения ее от пут религиозных догматов ислама, который являлся в османском обществе не только религией, но и образом жизни, философией бытовой культуры и повседневной жизни.

В этом процессе, на наш взгляд, проявилось противоречие между шагами под лозунгом европеизации внутри страны, и европеизацией, о которой во внешней политике страны вслух не заявлялось.

В определенном смысле понятие национальных интересов ограничивалось границами Турецкой Республики в соответствии с принятым национальным обетом: «Мир в стране, мир в мире».

После II-ой мировой войны в период 1950-1960 гг. реформированию подверглась как международная система отношений, так и политическая карта Ближнего Востока. Страны региона завоевали свою независимость, однако холодная война стала фактором, определившим ситуацию на Ближнем Востоке и расколовшим регион в соответствии с противостоянием Советского Союза и стран Варшавского Договора против США и стран-участниц НАТО. С вступлением Турции в НАТО ее отношения со странами Запада трансформировались в военный альянс. Наряду с этим в экономическом плане необходимость ускоренного развития привела и к экономической зависимости страны от Запада. Таким образом, Турция и ее правящая элита в этот период проводила политику отождествления своих интересов с интересами западного альянса, которые в основном исходили из примата обеспечения безопасности Запада. Как следствие, в этот период Турция проводила прозападную политику сдерживания и ограничения советского влияния. Роль Турции с точки зрения Запада состояла в содействии обеспечения источниками нефти и газа.

Изменения геополитического ландшафта нашли свое отражение и в политике Турции. То, что произошло в последнее время в Восточной Европе, на Кавказе и на Ближнем Востоке безусловно говорит об изменении соотношений сил в пользу России.

Последствия безрассудного акта, когда по приказу из Анкары был сбит российской бомбардировщик 24 ноября 2015 года, привели к резкому ухудшению российско-турецких отношений, которые стали преодолеваются лишь недавно. Можно сказать, что в обозримой перспективе эти отношения могут быть диверсифицированы с акцентом преимущественно на энергетическое сотрудничество.

Во внешней политике Турция демонстрирует подходы с учетом растущего влияния России. Анкара, по мнению преподавателей Средне-восточного Технического Университета Октя Танрисевера, сосредотачивается на общих интересах с Россией по защите территориальной целостности Сирии, а также

обеспечении гуманитарной помощью населения этой страны и расширении областей сотрудничества с Россией в этом конфликтногенном регионе. При этом особое внимание уделяется тому, чтобы вывести за рамки дискуссии спорные вопросы.

В конце октября 2017 года Турция будет отмечать очередную 94-ю годовщину образования Республики. В 1923 году Турция сделала свой стратегический выбор, и в этой связи ее роль на Ближнем Востоке значительно изменилась. За весь республиканский период в своей ближневосточной политике Турция предпочитала в основном дистанцироваться от принадлежности к этому региону. Вместе с приходом к власти в стране Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом и в результате деятельности еще недавно бывшим министром иностранных дел Ахмеда Давутоглу, Турция на основе своего видения стратегической глубины перестала быть пассивным наблюдателем за событиями в регионе и даже, более того, стала выдвигать претензии на роль определенного разработчика правил игры, а еще лучше, на роль, если получится, лидера на Ближнем Востоке, апеллируя к прошлой принадлежности региона Османской империи, наследницей которой считает Турцию Партия справедливости и развития. Как подчеркивается в статье «Общая линия Ближневосточной политики Турции и факторы, действующие в этой политике», которые написал для журнала «Академик Перспективф» преподаватель кафедры международных отношений Университета Кырыккале Дуран Болат, поддержка Турцией стремлений палестинцев обеспечить признание палестинского государства в ООН, развитие отношений с Израилем, демонстративное декларирование поддержки арабов – всё это свидетельствует о претензиях Турции на роль лидера в регионе⁵.

В своей монографии «Стратегическая глубина» Ахмет Давутоглу делает амбициозную заявку на право Турции

⁵ Duran Bolat. Turkiyenin Orta Dogu Politikasinin Genelcizgisivebu Politikadaetkiliolan Faktorler. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.Akademik.perspektif.com> – Дата обращения: 22 сентября 2017.

действовать во внешней политике в качестве мирового политического игрока. Как подчеркивается в книге *«Для Турции, будучи наследницей Османской империи, может возникнуть ситуация, когда ей придется немедленно вмешиваться в эти процессы за пределами своих границ»*⁶.

Турция, как участник западного военно-политического альянса, считая себя гарантированной от противодействия своей экспансионистской деятельности, стала активно вмешиваться во внутренние дела стран региона. При этом думается, что она, так же как и весь Запад в целом, рассматривала Россию как слабую страну, оценивая себя как единственную силу, способную управлять миром и определять вектор его развития.

Однако с XXI века Россия стала восстанавливаться и энергично принялась за модернизацию всех сторон своей общественной жизни. Как подчеркивалось ранее автором данной статьи, именно решительный возврат России на мировую геополитическую арену, ее энергичная деятельность по формулированию своих национальных интересов и приоритетов, демонстрация воли и потенциала для отстаивания этих интересов послужили причиной того, что Запад и поддерживающие его страны оказались не готовы к усилению России⁷.

2002 год для Турции стал поворотным. В результате всеобщих выборов спустя длительное время после 1960 года к власти единолично пришла Партия справедливости и развития (ПСР). Это знаменовало не только создание однопартийного правительства, но и такого важного фактора политической жизни как резкий рост влияния личности на выработку и реализацию политики Турции. Именно лидер ПСР Реджеп Эрдоган, а затем до недавнего времени бывший министр иностранных дел Ахмат Давутоглу стали теми руководителями, которые наложили отпечаток не только на внутреннюю жизнь страны, но и на всю внешнеполитическую конфигурацию Турции. По мнению

⁶ См. Ahmet Davetoglu. Stratejikderinlik, Küreyayinlari, 2012, s.42.

⁷ См. Мозлов А.Т. Отношения между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества. // Вестник МГИМО – Университет. 2016. № 2 (47). С. 50.

А. Давутоглу Турция долгое время проводила политику, далекую от стратегического видения своих интересов в регионе и мире. Концепция Давутоглу относительно стратегической глубины видения места Турции исходит из необходимости использования исторического опыта, чтобы вновь подняться на заслуживаемый ею уровень как в регионе, так и в мире.

И это видение своих интересов привело к тому, что Турция стала рассматривать себя как важного игрока в реализации проекта Большого Ближнего Востока, разработанного американскими неоконсерваторами, цель которого состояла в переформатировании этого региона без учета интересов стран, здесь расположенных.

Роль, которую Запад отводил Турции в этом проекте, состояла в некотором представлении модели сочетания ислама и западной модели демократии. В этом отношении Турция приобрела для авторов проекта Большого Ближнего Востока исключительное значение вследствие близости к региону, близости религиозной и культурно-психологической. А Турция, в свою очередь, получала опору для утверждения своей роли лидера на Ближнем Востоке. Однако в памяти народов арабских стран все еще сохранялось наследие османского господства, что лежит в основе их настороженности в отношении лидерских претензий Турции.

Возрождение России как мирового актора и ее активная роль в разрешении сирийского кризиса стало в определенном смысле полной неожиданностью для Турции, что привело к нарастанию проблем в отношениях двух стран. Ярким примером является кризис с российским бомбардировщиком, в результате чего отношения двух стран быстро перерастали в конфликтные. Если задаться вопросом, почему же турецкое руководство, которое по нарастающей получало выгоды от тесного экономического сотрудничества с Россией, которое, в свою очередь, сделало эту страну важным газовым хабом для поставок российского природного газа на европейский рынок, почему правительство Турции, с которой Россия заключила контракт на строительство первой атомной электростанции в местечке

Аккуювилаета Мерсин со стопроцентным российским финансированием, пошло на такой безрассудный шаг – отдать приказ сбить российский бомбардировщик?

Ответ, на наш взгляд, будет достаточно ясным. Для долговременных стабильных отношений экономическое взаимодействие является необходимым, но недостаточным условием прочности таких отношений. Принципиальное значение имеют также близость и согласованность геополитических интересов. В этом плане существенное значение имеет необходимость институализации отношений, а также регулярные консультации по вопросу региональной политики обеих стран.

И то, что происходит между Россией и Турцией сегодня, то, что обе страны совместно с Ираном дали старт Астанинскому процессу по сирийскому урегулированию, является свидетельством постепенного отхода от геополитического соперничества и перехода к формированию новых моделей взаимодействия на основе согласования национальных интересов друг друга. Думается, это станет началом важного процесса формирования одного из центров притяжения в будущем многополярном мире.

Источники и литература

1. Ahmet Davetoglu. Stratejikderinlik, Küreyayinlari, 2012, 423 с.
2. Duran Bolat. Turkiyenin Orta Dogu Politikasinin Genelcizgisivebu Politikadaetkiliolan Faktorler. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.Akademik.perspektif.com> – Дата обращения: 22 сентября 2017.
3. Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центр турецкой культуры имени Юнуса Эмре. «Мягкая сила Турции» // Геополитика и безопасность. 2013. №2 (22). С. 116-123.
4. Мозлоев А.Т. Отношения между Россией и Турцией: перспектива сотрудничества. // Вестник МГИМО – Университет. 2016. № 2 (47). С. 50

ИСТОЧНИКИ И КАНАЛЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИГИЛ

Аннотация: Статья посвящена проблеме выявления и блокирования источников финансирования ИГИЛ и других террористических группировок. В ней содержатся соображения о природе терроризма, некоторых путях противодействия религиозному экстремизму, терроризму.

Ключевые слова: терроризм, каналы финансирования, ИГИЛ, доклад Генерального секретаря ООН.

Анализ очередного пятого Доклада Генерального секретаря ООН об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) (организация запрещена в России), и о масштабах усилий ООН по оказанию государствам-членам поддержки в борьбе с этой угрозой (от 31 мая 2017 г.)² свидетельствует об отсутствии полной достоверной информации об источниках финансирования названной террористической группировки. Речь идет главным образом о каналах, формах и методах, используемых ИГИЛ в целях обеспечения своей террористической деятельности финансовыми, а также другими материальными и техническими средствами, включая вооружение. Исключения составляют отдельные случаи

¹ Кандидат исторических наук, руководитель Центра евразийских исследований им. Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

² Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Пятый доклад Генерального секретаря об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в борьбе с этой угрозой. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/155/21/PDF/N1715521.pdf?OpenElement> – Дата обращения: 18 сентября 2017.

предоставления денег в виде «пожертвований» или «помощи» террористам физическими и юридическими лицами.

Две основные статьи дохода ИГИЛ, как и прежде, с момента провозглашения халифата, образуют продажа углеводородов и налогообложение (по сути, вымогательство) населения контролируемых территорий. На момент выхода в свет доклада выручка достигала нескольких десятков млн. долларов в месяц. Очевидно, что реализация нефти и нефтепродуктов не может осуществляться скрытно. Их поставка, в частности, туркам в декабре 2015 г. была, как известно, выявлена российской космической разведкой. Тем не менее, в качестве причины резкого сокращения прибылей и в этой связи критического финансового положения ИГИЛ, указываются разрушение нефтяной инфраструктуры в результате боевых действий, освобождение от террористов занимаемых ими нефтепроизводящих районов (пункты 7, 8, 9 доклада), а покупатели нефтяных товаров ИГИЛ остаются неизвестными и, соответственно, не подвергаются даже международному порицанию.

Ещё один канал существенных финансовых поступлений ИГИЛ - продажа похищенных террористами культурных исторических памятников, редких предметов научного и культурного значения. В докладе отсутствует упоминание и о покупателях этих ценностей, хотя при соответствующем приложении усилий правоохранительных органов, и тем более спецслужб, участники противозаконных сделок могли бы быть обнаружены.

В данном контексте интерес представляет Резолюция СБ ООН, на которую ссылается Генеральный секретарь³. В ней содержится напоминание (видимо, в этом была необходимость) об осуждении «любого участия в прямой или косвенной торговле с ИГИЛ, Фронтом Ан-Нусра и всеми другими лицами, группами,

³ Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOK/GEN/N17/079/08/PDF/N1707908-pdfOpenElement> – Дата обращения: 28 сентября 2017.

предприятиями и организациями, связанными с "Аль-Каидой", а также о том, что такое участие может быть квалифицировано (правильней была бы другая установка: такое участие **должно** быть квалифицировано) как финансовая поддержка организаций, включенных Комитетом 1267/1989/2253 по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и "Аль-Каиды". Резолюция осуждает и систематические кампании по проведению незаконных раскопок, а также расхищение и разграбление культурного наследия, в первую очередь совершаемых ИГИЛ, «Аль-Каидой» и связанными с ними лицами, группами, предприятиями и организациями (пункт 3). Из пункта 3 формально следует, что единовременные действия каких-либо сторонников ИГИЛ и Аль-Каиды (в пункте 3 почему-то опущено упоминание о Фронте Ан-Нусра) по незаконному проведению раскопок остаются за рамками осуждения. Логично было бы определить, какие меры должны последовать за осуждением незаконных действий. В пункте 4, однако, в качестве военного преступления, причем при определенных обстоятельствах (не указывается, при каких именно) и в соответствии с международным правом (почему-то национальное право исключается, по крайней мере, не упоминается) признается лишь "совершение незаконных нападений на объекты и здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, либо на исторические памятники". Резолюция указывает на то, что государства несут главную ответственность за защиту своего культурного наследия и просит (но не требует) принять меры для предупреждения и пресечения незаконной торговли культурными, историческими, научными и религиозными ценностями и их незаконного оборота в интересах ИГИЛ и отдельных лиц, групп, организаций или предприятий, связанных с ИГИЛ или Аль-Каидой (вновь отсутствует Фронт Ан-Нусра) (пункт 8).

Резолюция настоятельно призывает государства во исполнение обязанностей и обязательств по международному и внутреннему праву в целях предупреждения и пресечения незаконного оборота культурных ценностей, выгодного

организованным преступным группам, террористам или террористическим группам, рассмотреть вопрос о квалификации такой деятельности в качестве серьезного преступления (пункт 9). Данный призыв свидетельствует об отсутствии на законодательном уровне признания государствами действий по незаконному обороту культурных, исторических ценностей в пользу ИГИЛ и Аль-Каиды тяжкими уголовными преступлениями.

В докладе Генерального секретаря обозначены и другие пути и методы добычи террористами финансовых средств. Это – продажа сельскохозяйственной продукции, электроэнергии, некоторых видов минерально-сырьевых ресурсов, включая фосфаты и серную кислоту, похищение людей для получения выкупа и торговли ими (пункт 10). И вновь отсутствуют сведения о покупателях.

По сообщениям неназванных государств, группировка ИГИЛ произвела инвестиции "на черный день" как в зоне конфликта, так и в других странах региона, что, на наш взгляд, особенно примечательно. Для трансграничного перевода денег ИГИЛ и его сторонники, как правило, используют учреждения, осуществляющие операции с денежной наличностью, в том числе пункты обмена валюты. Террористы часто прибегают и к услугам курьеров, в том числе и профессиональных (пункт 14).

Актуальной проблемой остается использование банковских счетов в различных странах. Боевики – граждане этих стран, пользуясь банкоматами вблизи зоны боевых действий, снимают деньги со своих счетов и передают ИГИЛ (пункт 15). И в этой части доклада нет информации о "бизнес партнерах" террористов.

Весьма напряженное финансовое положение ИГИЛ приводит к ощутимому уменьшению размеров довольствия боевиков, происходят задержки с его выплатой, сокращение и без того минимальных услуг, предоставляемых террористам. В этих условиях некоторые из них вынуждены искать подработку (пункт 9). Сообщает об этом одно из опять же неназванных государств, которое, однако, не разъясняет, в чем именно заключается подработка, где и в какой форме она осуществляется. В докладе,

во всяком случае, сведений об этом нет, поэтому не понятно, преследуются ли террористы на подработке правоохранительными органами.

При всех материальных проблемах последнего времени ИГИЛ продолжает закупать оружие и финансировать свои филиалы. Группировка располагает бронетанковой техникой, переносными зенитно-ракетными комплексами, тяжелой артиллерией и даже беспилотными летательными аппаратами, производит взрывные устройства в промышленных масштабах (пункт 4).

Тема продажи оружия ИГИЛ и другим террористическим объединениям уже давно муссируется в экспертных, да и политических кругах. Приводятся материалы, указывающие на поставку вооружений, в частности советского образца, в зону боевых действий из ряда стран Восточной Европы, прежде всего Болгарии, а также Сербии и Чехии. Занимается этим бизнесом и Украина. Оружие поставляется напрямую или путём реэкспорта через американские коммерческие компании. По данным британского независимого исследовательского центра Conflict Armament Research в 2014 г. до четверти вооружения ИГИЛ было болгарского производства. Можно смело предположить, что и сейчас боевики оснащаются болгарским оружием, поскольку в 2016 г. его экспорт в сравнении с 2014 г. возрос в два раза и составил более 1 млрд долларов⁴.

Функции главных снабженцев ИГИЛ выполняют американцы, турки, саудовцы, катарцы, кувейтцы, обеспечивающие оружием так называемую умеренную сирийскую оппозицию. Значительная его часть оказывается, однако, в распоряжении террористов. Amnesty International, будучи международной правозащитной организацией проамериканского толка, ещё в 2015 г. призвала прекратить поставку вооружений "умеренным" группировкам. В июле 2017 г. газета Washington Post со ссылкой на неназванный официальный

⁴ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3410298> – Дата обращения: 18 сентября 2017.

источник опубликовала сообщение о якобы принятом президентом Д. Трампом решении остановить программу ЦРУ по вооружению и боевой подготовке "умеренных"⁵. Но уже в сентябре 2017 г. представитель Пентагона Мишель Болданса сообщила о том, что военное ведомство США реализует в Сирии программу обучения и оснащения местных антиправительственных сил⁶. Договоренности о создании в Сирии 4-х зон деэскалации, достигнутые в Астане 15 сентября 2017 г., вселяют надежду на то, что "умеренные" будут соблюдать условия прекращения огня (первоначально в течение 6 месяцев с возможностью автоматического продления) и откажутся от контактов с ИГИЛ и другими террористическими группировками. Отметим, что американцы согласились с образованием районов деэскалации на юго-западе Сирии.

США, в то же время, периодически напрямую оказывают ИГИЛ финансовую и военную поддержку. Свидетельства об этом имеются у Министерства обороны России. Доказательствами на этот счет располагают и иранские военные⁷. Что касается Саудовской Аравии и Катара, то у наблюдателей сложилось единое мнение о том, что эти государства подпитывают ИГИЛ как финансовыми, так и военными средствами. Позиция Эр-Рияда в этом отношении двойственна. С одной стороны ИГИЛ – враг, претендующий на господство в исламском мире, включая Мекку. Против его сторонников внутри королевства ведётся ожесточенная борьба. С другой стороны – власти практически не препятствуют связям с ИГИЛ действующих в стране радикальных фондов и отдельных лиц, спонсирующих боевиков. Подобная двойственность характерна и для Пакистана, Индонезии, Иордании, Туниса, некоторых других исламских государств.

⁵ The Washington Post. 19 июля 2017.

⁶ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://topwar.ru/124960-pentagon-zayavlyaet-o-kontroliruemyh-postavkah-oruzhiya-siriyskoy-oppozicii.html> – Дата обращения: 11 октября 2017.

⁷ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170916/1504907614.html> – Дата обращения: 8 октября 2017.

Катар, как известно, обвиняется в поддержке терроризма соседними арабскими государствами во главе с Саудовской Аравией, рядом других стран, разорвавшими с ним дипломатические отношения. Выдвигаемые претензии касаются, правда, ассоциации "Братья-мусульмане" и тесных связей с Ираном. Однако в сфере интересов Дохи находятся также и ИГИЛ с Аль-Каидой, как, впрочем, и афгано-пакистанское Движение талибов. Интересно, что на выборах 2017 г. Генерального директора ЮНЕСКО одним из 9 кандидатов был представитель Катара Хамад бин Абдулазиз Аль-Кавари, который по итогам первого тура оказался победителем.

Международная некоммерческая организация Wikileaks опубликовала письма Хилари Клинтон, в которых экс-кандидат в президенты США заявляет о необходимости использовать все дипломатические и разведывательные возможности, чтобы оказать давление на правительства Саудовской Аравии и Катара, осуществляющие «подпольную, экономическую и логистическую поддержку ИГИЛ и других радикальных группировок в регионе»⁸.

Итак, ИГИЛ наверняка получает финансовую и оружейную подпитку и в нынешней весьма проблематичной ситуации для террористов, явно проигрывающих противоборство на многих направлениях боевых действий. Тем не менее, доклад Генерального Секретаря ООН не сообщает о поставщиках ИГИЛ финансовых и военных средств.

В документе содержатся сведения о правовых и других мерах, направленных на укрепление национальных систем борьбы с финансированием терроризма. Речь идёт, в частности, о расширении и ужесточении уголовного законодательства в части, касающейся финансовой поддержки ИГИЛ; пополнении санкционного списка лиц или организаций, связанных с террористической группировкой; совершенствовании национальных механизмов по выполнению требований

⁸ [Электронный ресурс] – Режим доступа: inosmi.ru/politic/20161014/238023422.html – Дата обращения: 12 октября 2017.

резолюции СБ ООН в отношении замораживания активов лиц или организаций, связанных с ИГИЛ; подготовке квалифицированных специалистов по пресечению финансовых потоков, предназначенных террористам; более активном вовлечении служб финансовой разведки; принятии законов и введении нормативно-правовых положений в целях недопущения использования новых технологий (включая виртуальные валюты и социальные сети) для финансирования терроризма.

Доклад констатирует, что проводимая работа не даёт должных результатов. Действующие или усовершенствованные правовые нормы далеко не всегда находят применение в практической деятельности. Во всем мире в судах возбуждается немного дел о финансировании терроризма (пункт 35). Государства не проявляют энтузиазма в выявлении и включении в санкционные списки лиц и организаций, связанных с ИГИЛ, его финансированием. С момента принятия резолюции 2253 (2015) СБ ООН, относящейся к этой теме, в санкционные списки введены всего 11 лиц, 8 из которых являлись спонсорами передвижения денежных средств. Организации, сотрудничающие с ИГИЛ, не были обозначены. В этой связи Группа по наблюдению за финансированием ИГИЛ рекомендовала активизировать усилия с целью побудить государства предоставить списки финансовых учреждений, сознательно совершавших действия от имени ИГИЛ.

Важно понять, что движет пособниками международного терроризма и какова его природа. Есть мнение о том, что это – неприятие христианско-иудейской цивилизации, стремление доказать ее ущербность и свое превосходство. В межгосударственных отношениях такого рода мотивы могут создавать в отдельных случаях лишь идеологический фон, больше служащий для внутреннего потребления. Власти Ирана, например, на начальных этапах после исламской революции при общении со своими европейскими партнерами настаивали на превосходстве мусульманской культуры. Сегодня они говорят о недопустимости не только политического, но и культурного вмешательства во внутреннюю жизнь Исламской Республики,

которое, действительно, представляет реальную угрозу для теократического режима. В то же время сохраняет актуальность, провозглашенный в пору президентства Мохаммеда Хатами (1997-2005 гг.), лозунг о диалоге цивилизаций, а действующее правительство Хасана Рухани прилагает усилия для активизации сотрудничества со своими партнерами, не придавая значения их принадлежности к той или иной цивилизации. Таким же образом большинство мусульманских стран уверенно взаимодействует с государствами, представляющими христианскую и другие цивилизации.

А вот внутри самой уммы согласия как не было, так и нет. Противоречия, часто жесткое противостояние, в том числе между экстремистскими террористическими группировками, происходили и продолжаются на межнациональной, межконфессиональной почве, в борьбе за власть. Мусульманская община разнополюсна и разнообразна по социально-культурной, национальной, исторической, традиционалистской принадлежности отдельных ее представителей. Трудно вообразить, например, родство между персом, киргизом, индонезийцем, египтянином, нигерийцем и т.д.

И все-таки у значительного числа мусульман присутствует ощущение единой объединяющей их общности: мы – мусульмане, они – христиане и прочие. У части уммы, составляющей ее абсолютное меньшинство, присутствует обостренное восприятие этой общности, убежденность в необходимости и канонической святости ее защиты от «неверных», посягающих на достоинство, жизненные интересы мусульман, борьбы за возрождение былого величия ислама. Такие чувства возникают и усиливаются в результате агрессивных действий внешних сил, стремящихся подчинить мусульман своей воле (войны в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, потворство израильской оккупации и т.д.). Именно это мусульманское меньшинство подверженное влиянию ИГИЛ и других экстремистских, террористических организаций, оказывает им поддержку различными средствами, вливается в бандитские формирования, рождает убийц-одиночек. Последние

принадлежат к особой категории «борцов» за веру с патологическим монструозным психическим устройством.

Ошибочными являются, однако, суждения о радикализации всей уммы, распространении в ее среде игиловской идеологии ненависти к не-исламистскому миру, войны с ним. Об этом, в частности, свидетельствует поток мусульманских беженцев в ряд европейских стран, достигающий нескольких миллионов человек. Очевидно, что, если бы двери Евросоюза распахнулись настежь или хотя бы шире, число беженцев увеличилось бы многократно. Кроме того, показательным является и тот факт, что социокультурная адаптация значительной части мусульманских иммигрантов в Европе и Северной Америке состоялась.

В целом, глобальные и региональные явления и процессы, относящиеся к борьбе с международным терроризмом, происходят в жёстких рамках национальных, государственных, а также сочетающихся с ними у мировых держав геополитических интересов. Видимо этим и объясняется деликатность и мягкость Генерального Секретаря ООН в оценках позиций и действий государств по антитеррору.

Полагаем целесообразным, тем не менее, добиваться реализации выдвинутой Россией инициативы об организации тщательного мониторинга соблюдения государствами обязательств по действующим антитеррористическим резолюциям. Кроме того, следовало бы установить контроль за выполнением предусмотренных резолюциями мер наказания нарушителей.

В контексте совместной с европейскими и другими партнерами работы с мировым мусульманским сообществом необходимо побуждать исламские международные организации (ЛАГ, ОИС) к большей активности в противодействии религиозному экстремизму и терроризму, к публичной жесткой реакции на террористическую деятельность, прежде всего против мирного населения.

Важно также договориться о путях и средствах совместной поддержки правительств исламских государств, мусульманского духовенства, выступающих за распространение духовного,

демократического ислама, модернизацию мусульманской веры при том понимании, что политизированный ислам, как и любая другая политизированная религиозная система, является рассадником радикализма и экстремизма⁹. Вопрос о реформировании ислама стоит в повестке дня мусульманского сообщества, хотя и вызывает яростное сопротивление ортодоксального духовенства. Примечательна в этой связи позиция египетского президента Абдель-Фаттаха ас-Сиси. Он неоднократно заявлял о необходимости революции в исламе, который, по его словам, не должен антагонистически противостоять всему миру¹⁰. Следует отметить, что его взгляды, да и действия в направлении преобразования ислама не мешают Египту тесно сотрудничать с Саудовской Аравией и другими мусульманскими государствами, придерживающимися прямо противоположных подходов.

Источники и литература

1. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Издательство "Весь Мир", 2013.
2. Володин А.Г., Чудодеев А.Ю. Отторжение зла, или Тернистый путь к новому миру // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. №4(6). С.20- 29.
3. Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: Издательство Канон-плюс, 2014. 343 с.
4. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты. Восток (Orient) №1, 2016, С. 121- 127.
5. Мустафабейли А.М. К проблемам межцивилизационных отношений // Вестник Дипломатической академии. Россия и мир. 2015. №1 (3).С. 46-47.
6. Мустафабейли А.М., Живора Л.И. (в соавторстве). Круглый стол "Кризисные ситуации на Ближнем Востоке в

⁹ См. подробнее: Мустафабейли А.М. К проблемам межцивилизационных отношений. // Вестник Дипломатической академии. Россия и мир. 2015. №1(3). С. 46-47.

¹⁰ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rodon.org/relig-150407143103> – Дата обращения: 7 сентября 2017.

фокусе интересов региональных и мировых держав" // Вестник Дипломатической академии. Россия и Мир. 2017. №1 (11). С. 98-119.

7. Сикоев Р.Р. Панисламизм. Истоки и современность. М.: ЗАО Издательство "Аспект Пресс", 2004.

8. Федорова И.Е. Некоторые направления внешней политики ИРИ в 2013-2014гг. Иран: история и современность./ Отв. ред. Мамедова Н.М. ИВ РАН. М.: Издательство Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С.215-226.

9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/TheWashingtonPost>. 19 июля 2017 г. – Дата обращения: 10 сентября 2017.

10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOK/GEN/N17/079/08/PDF/N1707908-pdf?OpenElement> – Дата обращения: 10 сентября 2017.

11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://topwar.ru/124960-pentagon-zayavlyaet-okontroliruemyh-postavkah-oruzhiya-siriyskoj-oppozicii.html> – Дата обращения: 6 сентября 2017.

12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rodon.org/relig-150407143103> – Дата обращения: 18 сентября 2017.

13. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/155/21/PDF/N1715521.pdf?OpenElement> – Дата обращения: 18 сентября 2017.

14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170916/1504907614.html> – Дата обращения: 6 сентября 2017.

15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3410298> – Дата обращения: 18 сентября 2017.

16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: inosmi.ru/politic/20161014/238023422.html – Дата обращения: 18 сентября 2017.

17. Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Религия и терроризм. Проблема соотношений. М.: Наука, 2016.

«АН-НАХДА»: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА К «МУСУЛЬМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»?

Аннотация: Политический ислам в странах Ближнего Востока и Северной Африки, возможности его эволюции и перспективы продолжают оставаться предметом дискуссии. Рассмотрение этапов исторического развития партии «Ан-Нахда» в Тунисе позволяет увидеть потенциальные возможности и сложности на пути к «мусульманской демократии» и факторы, влияющие на этот процесс.

Ключевые слова: Тунис, «Ан-Нахда», исламизм, идентичность, «двойной дискурс», опыт участия во власти, «мусульманские демократы».

Политический ислам, возможности его эволюции и перспективы продолжают оставаться предметом дискуссии, в которой сталкиваются противоположные мнения, как политиков, так и экспертов. Несомненный интерес в этом контексте представляет эволюция партии «Ан-Нахда» в Тунисе.

На волне возрождения исламизма, охватившего на рубеже 80-х годов мусульманский и арабский мир, и в условиях роста внутривосточной напряженности в самом Тунисе было создано Движение исламской направленности (ДИН). Его идейные и религиозные истоки восходили, как отмечали позднее его основатели, к сочинениям идеологов Движения братьев-мусульман и к наследию социально-религиозных мыслителей Магриба реформаторского направления. Наряду с религиозно-благотворительной активностью запрещенное при президенте Х. Бургибе ДИН стремилось участвовать в политической жизни страны. И, в начале правления нового президента Зин

¹ Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евразийских исследований им. Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

эль-Абидинабен Али, преследуя как прагматическую цель участия в парламентских выборах (убрав слово «исламский»), так и подчеркивая связь с арабским возрождением конца XIX в., для которого был характерен поиск позитивного компромисса между верностью исламу и современными идеями Запада, в феврале 1989 г. ДИН сменило свое название на Движение «Ан-Нахда» («Возрождение»).

«Ан-Нахда» нашла отклик среди студентов, молодежи, средних слоев, жителей из наименее затронутых модернизацией районов, что показали выборы в законодательное собрание Туниса в апреле 1989 г., на которых «Ан-Нахда», представленная «независимыми» кандидатами, получила 13% голосов², но не прошла в парламент в силу особенностей мажоритарной избирательной системы. Последовавшая радикализация позиций «Ан-Нахды», конфронтация с властями завершились ее запрещением в 1991 г., репрессиями, в результате которых в тюрьмы были брошены тысячи нахдистов, и эмиграцией ряда лидеров партии.

В эмиграции активизировался процесс переосмысления лидерами «Ан-Нахды» ее позиций и тактики, в том числе и под воздействием осмысления алжирского опыта 90-х годов. Разрабатывалась проблематика совместимости ислама и демократии, гендерного равенства, прав человека. На состоявшемся в 2001 г. в Лондоне съезде «Ан-Нахды» было решено не рассматривать приверженность демократии как грех и отказаться от насильственных методов борьбы. Но при этом «Ан-Нахда» продолжала заявлять своей целью построение государства, основанного на исламских принципах. В первой половине 2000-х годов «Ан-Нахда» стала участником диалога оппозиционных партий Туниса в эмиграции по фундаментальным общественно-политическим вопросам, подписав ряд документов, где говорилось о демократической политической системе, основанной на суверенитете народа как единственном источнике

² R. Ghannouchi. From Political Islam to Muslim Democracy. The Ennahda Party and the Future of Tunisia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95 N5 P. 61.

власти³. Однако реформаторские идеи лидеров партии в эмиграции были неизвестны многим в самом Тунисе, а формулировки документов нередко не соответствовали речам партийных деятелей перед своими сторонниками. Проблема «двойного дискурса» исламистов не снята и по настоящее время.

Качественно новый этап в истории партии как легальной политической силы, участвующей в политическом процессе, был открыт тунисской революцией 14 января 2011 г.⁴ По результатам состоявшихся 23 октября 2011 г. выборов в Национальное учредительное собрание (НУС) «Ан-Нахда» получила 89 депутатских мандатов из 217, намного опередив следующие за ней партии.

Испытание властью оказалось сложным и болезненным, связанным с внутренней борьбой в самой партии и с двойным внешним давлением со стороны, как светских кругов, так и консервативных салафитских движений.

Партия остро столкнулась с дилеммой: усиление религиозной составляющей грозило изоляцией от широкого спектра светских сил, а акцент на политический прагматизм мог оттолкнуть консервативно-фундаменталистские силы. Определять свою линию партии приходилось в ходе крайне сложного периода трансформации. Противоречия в обществе обострились тогда по нескольким взаимопересекающимся линиям – отношения к религиозной или светской идентичности общества и государства (между исламистскими и светскими силами), отношения к свергнутому режиму (между радикалами и сторонниками компромисса), выбора социально-экономической модели развития (между правыми, центристами и крайне левыми).

³ Monica Marks. How Egypt's coup really affected Tunisia's Islamists. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/03/16/how-egypts-coup-really-affected-tunisia-islamists/?utm_term=.34812eaf5191 – Дата обращения: 16 марта 2015.

⁴ Партия была зарегистрирована в марте 2011 г.

С приходом во власть расширился численный состав партии и усилилась ее идеологическая «растянутость»⁵. Декларируя, что «ислам – религия правых, левых и центристов», партия собрала в своих рядах реформаторов-прагматиков, консерваторов-фундаменталистов, конформистов, стремившихся закрепиться во властных структурах. Неоднородность партии проявлялась и в отношениях между руководящими кадрами партии, где в большей мере были представлены «прагматики-реформаторы», и более догматично настроенной рядовой базой; между молодым поколением, радикально настроенным в отношении старого режима, и прагматиками, готовыми к компромиссам; между старыми партийцами, остававшимися в стране, и их соратниками, вернувшимися из эмиграции.

Реформаторам-прагматикам удалось, по их мнению, реализовать ряд заявленных ранее общедемократических позиций, таких как выбор пропорциональной избирательной системы, открывающей возможности перед малыми партиями, включение в избирательные списки партии женщин⁶, создание правительственной коалиции (так называемой «Тройки») с двумя светскими партиями⁷ как подтверждение приверженности инклюзивности власти.

Однако под влиянием фундаменталистского крыла, на волне эйфории от успеха исламистов в Египте и, возможно, по их примеру, был предпринят ряд шагов, свидетельствовавших о стремлении исламизировать общественную жизнь. Так, 12 мая 2012 г. было официально восстановлено религиозное образование. В августе 2012 г. в НУС был внесен проект закона о пресечении «святотатства», предусматривавший уголовное преследование за «оскорбления, сквернословие, насмешки и

⁵ Считается что у партии 800 000 верных последователей. См.: В.А.Кузнецов Тунис-2015. Знаки грядущей беды // Оценки и идеи. Бюллетень Института Востоковедения РАН. Том 1. № 6 август 2015. С.3.

⁶ На выборах 2011 г. в НУС было избрано 49 женщин, из них 42 от партии «Ан-Нахда».

⁷ Со светской националистической партией «Конгресс за республику» и партией социалистической направленности «Ат-Такатгуль».

изображения Аллаха и Мухаммеда». Не исключено, что это было отчасти реакцией на «карикатурные скандалы» в Европе. Используя властные позиции, партия стала активно заниматься назначением своих сторонников в органы управления, что рассматривалось светскими силами как исламизация государственных институтов. Особую тревогу светских сил вызывали массовые назначения исламистов в МВД⁸, деятельность Лиг защиты революции, которых считали военизированным крылом «Ан-Нахды». Непоследовательность была характерна для отношения партии к салафитам. Результатом стал рост числа контролируемых ими мечетей и актов насилия со стороны приверженцев жестких норм ислама. Несмотря на осуждение отдельных действий салафитов на правительственном уровне⁹, руководство партии пасовало перед произволом фундаменталистов и радикалов.

Светская оппозиция все яростнее обвиняла «Ан-Нахду» в том, что узко партийные интересы для них важнее государственных, что правительство медленно реагирует на распространение экстремистской идеологии в мечетях и неспособно обеспечить стабильность и безопасность в стране.

В начале 2013 г. внутренняя ситуация в стране накалялась. Политические убийства левых политиков Шокри Белаида (6 февраля 2013 г.) и Мохаммеда Брахми (25 июля 2013 г.) имели сильный общественный резонанс и стали детонатором антиисламистских волнений не только в столице, но и по всему

⁸ Между 2012 г. и началом 2014 г. было сделано, по некоторым оценкам, до 7800 назначений сторонников партии в государственный аппарат. См.: Tunisie: quand l'union (de Nidaa Tounes et d'Ennahdha) fait... la faiblesse. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/272567/politique/tunisie-quand-lunion-de-nidaa-tounes-et-dennahdha-fait-la-faiblesse/> – Дата обращения: 27 октября 2015.

⁹ Х. Джебали, будучи премьер-министром, поставил в ноябре 2012 г. вопрос о противодействии попыткам установления «исламистских эмиратов» по типу Афганистана и Ирака. См.: Tunisie – Hamadi Jebali: à Douar Hicher, c'était les prémices d'un Emirat islamiste. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tunisienumerique.com/tunisie-hamadi-jebali-a-douar-hicher-cetai-les-premices-dun-emirat-islamiste/152579> – Дата обращения: 9 ноября 2012.

Тунису. Основные светские политические партии и гражданское общество, включая влиятельную профсоюзную конфедерацию страны, требовали отставки действующего правительства, роспуска НУС и формирования правительства национального единства.

Нараставшая политическая поляризация обострила и вывела на поверхность латентные разногласия в партии. Хотя в течение 2013 г. партия стала отходить от позиций, отмеченных влиянием радикальных и фундаменталистских сил¹⁰, сохранялись разногласия по поводу формирования технократического правительства и переговоров с оппозицией. Но под давлением объединившихся светских сил и осознавая угрозу политическому выживанию «Ан-Нахды», обострившуюся с разворотом событий в Египте, руководство партии взяло курс на диалог и поиск консенсуса.

Достижению договоренностей способствовала инициатива Квартета посредников национального диалога (КПНД)¹¹, выступившего в августе 2013 г. за поиск мирного выхода из кризиса. Согласие с выработанной им «дорожной картой» стало уступкой, как со стороны «Ан-Нахды», так и со стороны светского лагеря, не желавшего доводить дело до политического взрыва и массового насилия.

26 января 2014 г. 93% голосов Конституционной ассамблеи был утвержден текст Основного закона, ознаменовав завершение спора по вопросу тунисской идентичности и отношения между религией и государством. Ислам был признан религией Туниса, а государство объявлялось светским и основанным на принципе гражданственности. Фактический отказ от введения шариата

¹⁰ Была признана террористической группировка «Ансар аль-Шариа», распущены Лиги защиты революции, парламентарии - нахдисты не поддержали проект закона о люстрации. Компромисс наметился также в третьем проекте конституции в апреле 2013 г.

¹¹ В него вошли Всеобщее тунисское объединение труда, Конфедерация промышленников, торговцев и ремесленников, Союз тунисских магистратур адвокатов и Лига в защиту прав человека. В 2015 г. Квартет получил Нобелевскую премию мира.

руководству «Ан-Нахды» дался нелегко. Р. Ганнуши приложил значительные усилия, чтобы убедить низовую базу партии в верности такой позиции, аргументируя ее тем, что в Конституцию включены понятия свободы, справедливости, человеческого достоинства, т.е. высшие принципы и цели шариата. Конституция закрепила также сделанный на компромиссной основе выбор в пользу смешанной формы республиканского правления¹². После принятия Конституции «Ан-Нахда» согласилась передать власть технократическому правительству. Как заявил лидер партии, «если бы мы не вышли из правительства, то все бы оказались погребенными под рухнувшим сводом»¹³.

На выборах в Ассамблею народных представителей (АНП), состоявшихся 26 октября 2014 г., победу одержала светская партия «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»). «Ан-Нахда» стала второй, получив около 30% голосов. Вступив младшим партнером в альянс с «Нидаа Тунис», «Ан-Нахда» руководствовалась преимущественно прагматическими политическими, а не идеологическими и ценностными соображениями (как, впрочем, и светские участники коалиции). Она опасалась остаться вне власти, хотела не допустить чисток в аппарате управления и стремилась избежать политической

¹² «Ан-Нахда» выступала за парламентскую систему правления и ограничение исполнительной власти в пользу законодательной. Большинство светских партий, напротив, поддерживали президентскую форму правления.

¹³ Интервью Р. Ганнуши интернет-порталу «Репортеры». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://crimea-news.org/around-crimea/2539-islamisti_mi_-_partija_kreativa_kupili_bilet_a_sami_ne_poehali.html – Дата обращения: 2 октября 2014.

поляризации¹⁴. Партия использовала богатый потенциал политической маневренности, изначально присущий тунисским исламистам, что отмечает российский востоковед В.Кузнецов¹⁵.

В условиях усиления террористической активности исламистов в регионе и стремясь добиться позитивного имиджа партии, как на тунисской политической сцене, так и на международной арене, «Ан-Нахда» поддержала принятие антитеррористического закона в Тунисе в августе 2015 г., а позднее назвала одним из своих приоритетов национальную контртеррористическую стратегию, направленную на устранение корней экстремизма¹⁶. Как пишет Р. Ганнуши, «единственный путь окончательно разгромить экстремистские группы, такие как самопровозглашенное ИГ – предложить альтернативу дающую надежду миллионам молодых мусульман мира»¹⁷. Выступая на всемирном экономическом форуме в Давосе-2017, он призвал к совместной борьбе с терроризмом, сделав акцент на том, что его истоком является не ислам, а диктаторские режимы и коррупция¹⁸.

¹⁴ Р. Ганнуши так аргументировал опасность поляризации в Тунисе: «Установившиеся демократии могут позволить себе функционировать при большинстве в 51% и при 49% оппозиции. Наш демократический транзит очень молод и хрупок, чтобы позволить себе такое, и может в результате обрушиться». См.: Tunisie – Rached Ghannouchi: «Le redressement passe par la réconciliation». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/325431/politique/tunisie-rached-ghannouchi-redressement-passe-reconciliation/> – Дата обращения: 20 мая 2016.

¹⁵ Кузнецов В. Переосмысливая переосмысление. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/pereosmyslivaya-pereosmyslenie/> – Дата обращения: 9 октября 2015.

¹⁶ Concluding statement of Ennahdha's tenth Party Conference. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Nahdha.International/posts/703054249797836> – Дата обращения: 27 мая 2016.

¹⁷ R. Ghannouchi. From Political Islam to Muslim Democracy. The Ennahda Party and the Future of Tunisia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. №5. P. 67.

¹⁸ Ghannouchi Davos: «L'islam n'est pas la source du terrorisme». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kapitalis.com/tunisie/2017/01/21/ghannouchi-davos-lislam-nest-pas-la-source-du-terrorisme/> – Дата обращения: 21 января 2017.

Руководство партии поддержало инициативу президента Туниса о национальном экономическом примирении. Идея согласия и примирения распространяется и на отношение к сирийскому и ливийскому кризисам.

Следует отметить, что и после 2014 г. серьезные внутрипартийные расхождения относительно стратегии «Ан-Нахды» сохранялись. На это указывает то, что созыв очередного съезда откладывался в течение двух лет¹⁹. Все это время шли дискуссии вокруг предлагаемых изменений, в том числе с низовой базой партии. По словам лидеров партии, прошло более 350 собраний с рядовыми членами²⁰.

X съезд партии «Ан-Нахда», состоявшийся в мае 2016 г., документально декларировал переход на модернистско-реформаторские позиции²¹.

Партия заявила об изменении своей идентичности – выходе из политического ислама, который «не отражает ее нынешнюю идентичность и видение будущего». Она определяет себя сегодня как «национальную демократическую партию, посвятившую себя политической работе, с национальной спецификой (reference), вдохновляемой ценностями ислама»²². Новое определение партии выводит ее за пределы получившего негативную коннотацию исламизма, который все более связывается в мировом общественном мнении с «Исламским государством», и отражает намерение системно участвовать в политическом процессе и во власти.

¹⁹ На предыдущем съезде «Ан-Нахды» в 2012 г. вопрос о возможных изменениях стратегии был отложен из-за отсутствия консенсуса.

²⁰ Tunisie – Rached Ghannouchi: «Le redressement passe par la réconciliation». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/325431/politique/tunisie-rached-ghannouchi-redressement-passe-reconciliation/> – Дата обращения: 20 мая 2016.

²¹ См.: Concluding statement of Ennahdha's tenth Party Conference. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Nahdha.International/posts/703054249797836> – Дата обращения: 27 мая 2016.

²² Party 35th Anniversary Statement. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Nahdha.International/posts/707855692651025> – Дата обращения: 6 июня 2016.

Съезд утвердил политический характер партии, отделив политическую деятельность от культурно-религиозной. Такое разделение реализуется и организационно. Партийные деятели более не могут совмещать посты в партии и в религиозных ассоциациях. Последние организационно отделяются от партии, но остаются связанными с ней идеологически. Такой подход с одной стороны таит в себе определенную двусмысленность, с другой заставляет задуматься, не будут ли религиозные ассоциации отданы на откуп фундаменталистам.

X съезд особо подчеркнул национальный туниССкий характер партии, ее связь прежде всего с туниССкой почвой, что по сути может означать приоритет национальных задач по сравнению с наднациональными. Представляя партию частью национальной истории ТуниССа, съезд призвал к историческому примирению. «Национальное примирение есть одно из условий восстановления страны и ее сплоченности», заявил Р. Ганнуши²³. Это должно было стать еще одним аргументом в пользу альянса со светскими политическими силами ТуниССа.

Приоритетным направлением деятельности партии были названы рост экономики, создание взаимно-солидарного общества и достижение устойчивого развития. Ан-Нахда предлагает развернуть национальный диалог, выдвигая свое видение «капитализма сострадания» («compassionate capitalism»), которое сочетает свободу предпринимательства с идеалами социальной справедливости и равных возможностей²⁴.

Судя по всему, «Ан-Нахда» меняет партийный дискурс, делая упор на демократические и общечеловеческие ценности, а не на религию. Многим в партии будет трудно принять такой крутой поворот партийной политики. Предполагают, что от 10 до 15 процентов несогласных могут покинуть ее ряды. «Ан-Нахда»

²³ Tunisia – Rached Ghannouchi : «Le redressement passe par la réconciliation». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/325431/politique/tunisie-rached-ghannouchi-redressement-passe-reconciliation/> – Дата обращения: 25 мая 2016.

²⁴ R. Ghannouchi. From Political Islam to Muslim Democracy. The Ennahda Party and the Future of Tunisia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. №5. P. 65.

рассчитывает, однако, привлечь новых членов и расширить свой электорат. На расширение партийных рядов направлено некоторое упрощение порядка приема в партию²⁵.

Эволюция «Ан-Нахды» отражает туниССкий национальный контекст, исторический путь, пройденный самой партией, а также изменившуюся в негативную для исламизма сторону геополитическую ситуацию в регионе и мире.

Несомненно, имеют значение особенности туниССкого социума и политической системы, своеобразие политической культуры Туниса. Опыт «Ан-Нахды» выделяет ее из конгломерата исламистских сил в других странах арабского мира. Хотя отдельные иорданские аналитики выражали осторожную надежду, что эти процессы не останутся незамеченными исламистами других стран²⁶.

Большое влияние на эволюцию политического дискурса «Ан-Нахды» в направлении реализма и прагматизма оказало своеобразие ее идеологических корней, длительное существование в европейской среде, осмысление регионального опыта (Алжира, Сомали, Египта), но главным фактором явился политический опыт участия во власти.

Пока не очевидно, не является ли переход партии на реформаторские позиции лишь тактическим ходом. Время покажет, насколько глубоко проникли новые подходы в партийные ряды, не поднимут ли вновь голову радикалы и фундаменталисты, тем более что позиции реформаторов во многом будут зависеть от решения социально-экономических задач, от развития экономики²⁷. Возможно нарастание разрыва

²⁵ Устав с изменениями, внесенными X съездом (Низамасасийбаадтанкыхигиминаль-муатамараль-Ашар) (на араб. яз.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ennahdha.tn/> العاشر لمؤتمرا منتقحيه بعد لاساسيا النظام – Дата обращения: 27 мая 2016.

²⁶ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jordantimes.com/opinion/hassan-barari/tunisia%E2%80%99s-lesson> – Дата обращения: 13 июня 2016.

²⁷ Поскольку «Ан-Нахду» часто сравнивают с ПСР в Турции, следует заметить, что упрочение позиций последней во многом было связано с успешным экономическим развитием Турции.

между руководством и социальной базой партии в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране. Не исключена и опасность утраты исторического авторитета и популярности движения, в частности, в связи с неизбежной в будущем сменой руководства.

Многие «жесткие секуляристы», в том числе в самом Тунисе, убеждены, что «двойной дискурс» исламистов сохраняется, что решения последнего съезда являются конъюнктурным обновлением фасада, который «маскирует стратегию исламизации страны». Другие представители светских сил осторожно полагают, что нельзя отрицать ее способность адаптироваться к новым ситуациям. Ранее среди экспертов высказывалась точка зрения, что не исключена возможность идейно-политической эволюции части исламистов и возникновения партий, ратующих за построение «гражданского государства исламской ориентации» при риторическом обращении к «священным текстам»²⁸.

Участие «Ан-Нахды» в политическом процессе, необходимость решения социально-экономических проблем способны усиливать ее прагматическую ориентацию. Не исключено, что она станет консервативной центристской партией, представляющей слои, ранее не входившие во властную и экономическую элиту, открывающей социальные лифты кадрам из глубинки. Этому может способствовать достаточно крепкая организационная структура, финансовая база, опирающаяся на

²⁸ См.: Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013 г. С.7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Islam_in_politics_rus.pdf – Дата обращения: 20 августа 2013.

пожертвования ее сторонников внутри страны и за рубежом и на собственные экономические проекты²⁹.

В случае снижения популярности «Ан-Нахды» вероятно усиление влияния салафитов и их радикализация на антисистемной основе. При этом следует учитывать, что ослабление «Ан-Нахды» вовсе не означает роста влияния светских сил, а скорее может вести к общему недоверию к политическим партиям. Потере позиций реформаторского течения и укреплению антисистемных сил могут способствовать и внешние обстоятельства.

Закрепится, разовьется ли «постисламизм»³⁰ покажет будущее, и многое будет зависеть от того, сумеет ли партия внести свою позитивную лепту в процесс конструирования стратегического видения будущего Ближнего Востока³¹.

Источники и литература

1. AsefBayat, editor. *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2013.

²⁹ По заявлениям официальных представителей партии, партийный бюджет на 2017 г. вырос на 5,8% по сравнению с 2016 г. благодаря пожертвованиям и росту числа сторонников и составляет 5,842 млн. тун. динаров. См.: D'où vient l'argent du parti islamiste Ennahdha? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kapitalis.com/tunisie/2017/01/30/dou-vient-largent-du-parti-islamiste-ennahdha/> – Дата обращения: 30 января 2017. То, что представители местного бизнеса стали «вкладывать деньги в «Ан-Нахду», отмечает российский исследователь М.Ф. Видясова. См. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Т.2. Книга 2. М., 2012. С. 331.

³⁰ Введенный термин, описывающий «переход ...к более инклюзивной, сосредоточенной на правах и поддерживающей гражданское/светское государство в религиозном обществе» политике. AsefBayat, editor. *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/5274320/index.html> – Дата обращения: 20 апреля 2017.

³¹ См.: Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/posle-postmoderna-blizhnevostocnoe-izmerenie-odnogo-trenda/> – Дата обращения: 25 августа 2017.

[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/5274320/index.html> – Дата обращения: 20 апреля 2017.

2. Concluding statement of Ennahdha's tenth Party Conference. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Nahdha.International/posts/703054249797836> – Дата обращения: 27 мая 2016.

3. D'où vient l'argent du parti islamiste Ennahdha? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kapitalis.com/tunisie/2017/01/30/dou-vient-largent-du-parti-islamiste-ennahdha/> – Дата обращения: 30 января 2017.

4. Franck Frégosi, Malika Zeghal. Religion et politique au Maghreb: les exemples tunisien et marocain. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ifri.org/files/PP_11_kmf_fregosi_zeghal.pdf – Дата обращения: 14 января 2017.

5. Ghannouchi Davos: «L'islam n'est pas la source du terrorisme». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kapitalis.com/tunisie/2017/01/21/ghannouchi-a-davos-lislam-nest-pas-la-source-du-terrorisme/> – Дата обращения: 21 января 2017.

6. Larbi Sadiki. Why is Tunisia's Ennahda ditching political Islam? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/2016/05/tunisia-ennahda-ditching-political-islam-160524094550153.html> – Дата обращения: 24 мая 2016.

7. Monica Marks and Sayida Ounissi. Ennahda from within: Islamists or “Muslim Democrats”? A conversation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/research/ennahda-from-within-islamists-or-muslim-democrats-a-conversation/> – Дата обращения: 23 марта 2016.

8. Monica Marks. How Egypt's coup really affected Tunisia's Islamists. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/03/16/how-egypts-coup-really-affected-tunisias-islamists/?utm_term=.34812eaf5191 – Дата обращения: 16 марта 2015.

9. Party 35th Anniversary Statement. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Nahdha.International/posts/707855692651025> – Дата обращения: 6 июня 2016.

10. R. Ghannouchi. From Political Islam to Muslim Democracy. The Ennahda Party and the Future of Tunisia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. №5. P. 61.

11. Tunisie – Hamadi Jebali: à Douar Hicher, c'était les prémices d'un Emirat islamiste. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tunisienumerique.com/tunisie-hamadi-jebali-a-douar-hicher-cetait-les-premices-dun-emirat-islamiste/152579> – Дата обращения: 9 ноября 2012.

12. Tunisie – Rached Ghannouchi: «Le redressement passe par la réconciliation». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/325431/politique/tunisie-rached-ghannouchi-redressement-passe-reconciliation/> – Дата обращения: 20 мая 2016.

13. Tunisie: quand l'union (de Nidaa Tounes et d'Ennahdha) fait... la faiblesse. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jeuneafrique.com/mag/272567/politique/tunisie-quand-lunion-de-nidaa-tounes-et-dennahdha-fait-la-faiblesse/> – Дата обращения: 27 октября 2015.

14. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Т.2. Книга 2. М., 2012. 378 с.

15. Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Дзуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013. 139 с.

16. Интервью Р. Ганнуши интернет-порталу «Репортеры». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://crimea-news.org/around-crimea/2539-islamisti_mi_-_partija_kreativa_kupili_bilet_a_sami_ne_roehali.html – Дата обращения: 2 октября 2014.

17. Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013 г. С.7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Islam_in_politics_rus.pdf – Дата обращения: 20 августа 2013.

18. Кузнецов В.А. Немного крови в мутной воде. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://globalaffairs.ru/global-processes/Nemnogo-krovi-v-mutnoi-vode-15979> – Дата обращения: 25 мая 2013.

19. Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postle-postmoderna-blizhnevostochnoe-izmerenie-odnogo-trenda/> – Дата обращения: 25 августа 2017.

20. Кузнецов В.А. Проблема светскости в странах «арабского пробуждения»: тунисская версия // Вестник Московского Университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 39-74

21. Кузнецов В.А. Тунис-2015. Знаки грядущей беды // Оценки и идеи. Бюллетень. Институт Востоковедения РАН. Том 1. № 6 август 2015. С. 1-12.

22. Кузнецов. В.А. Переосмысливая переосмысление. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pereosmyslivaya-pereosmyslenie/> – Дата обращения: 9 окт. 2015.

23. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Москва – Нижний Новгород. 2008. 767 с.

24. Подцероб А.Б. Положение в Тунисе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=27195> – Дата обращения: 19 января 2016.

25. Сапронова М.А. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. Том 13, № 3. С. 26-38.

26. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jordantimes.com/opinion/hassan-barari/tunisia%E2%80%99s-lesson> – Дата обращения: 13 июня 2016.

27. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ennahda.tn/منتقحيهبعداساسالنظام العاشرلمؤتمرا> – Дата обращения: 27 мая 2016.

28. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_4923831_3212.html#D0v6eC6zFqybZiZ.99 – Дата обращения: 22 мая 2016.

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Д.ТРАМПА В ОТНОШЕНИИ ИРАНА

Аннотация: В статье рассмотрен Иранский вектор политики президента США Д. Трампа и его отличие от политики президента Б. Обамы, его влияние на обострение американо-иранских отношений, угрозы срыва Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, вызовы и проблемы в отношениях Исламской Республики Иран и США.

Ключевые слова: США, СВПД, Исламская Республика Иран, внешняя политика США.

Отношения с Исламской Республикой Иран (ИРИ) почти сорок лет находятся в центре ближневосточной политики США. Она направлена на ослабление исламского режима в Тегеране и ограничение влияния ИРИ на международной арене, в первую очередь, в регионе Ближнего и Среднего Востока. Основными методами проведения политики США являются «сдерживание» и «привлечение к совместным действиям» – «deterrence and engagement»². При этом в рамках как первого, так и второго направления предусматривается достаточно широкий выбор конкретных инструментов: от военной операции против Тегерана, введения жестких экономических и финансовых санкций, поддержки оппозиционных группировок внутри Ирана и за его пределами, до дипломатических переговоров и обмена информацией по важным для обеих стран вопросам.

¹ Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

² Dealing-with-iran-a-policy-of-engagement-and-deterrence. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/> – Дата обращения: 01 августа 2017.

Соотношение этих методов менялось в зависимости от администрации, занимающей Белый дом, и задач, стоящих перед американскими дипломатами и военными на Ближнем Востоке, в Западной и Центральной Азии.

Будучи Президентом США (2009-2017), Б. Обама во главу своей политики ставил желание дипломатическими методами разрешить проблемы, назревшие во взаимоотношениях с Ираном. Он подчеркивал: *«Моя администрация привержена дипломатическим средствам для решения всего комплекса вопросов, стоящих перед нами, и стремится развивать конструктивные связи между США, Ираном и международным сообществом»*³. Иранская политика Государственного департамента в эти годы была сфокусирована на решении иранской ядерной проблемы путем переговоров. Высшей точкой ее развития стало заключение Совместного всеобъемлющего плана действия по иранской ядерной программе в июле 2015 г. (СВПД). Несмотря на то, что усилия дипломатов по заключению соглашения с Ираном сопровождались жестким санкционным давлением на Иран, в целом период, проведенный Б. Обамой в Белом доме, характеризовался стремлением «привлечь Иран к совместным действиям» - «engagement».

Сразу после заключения СВПД, «сделка», как ее принято называть в американском политическом дискурсе, подверглась резкой критике со стороны Республиканской партии. Особенно ярко это проявилось во время предвыборной кампании 2016 года. Будущий президент Д. Трамп, анализируя внешнюю политику Демократической партии, заявлял, что это была худшая сделка в истории, ставшая катастрофой для США, Израиля и всего Ближнего и Среднего Востока и, в случае его избрания, он ее аннулирует. Можно было бы объяснить такой безапелляционный тон издержками предвыборной кампании и стремлением показать несостоятельность внешней политики предыдущей

³ Videotaped-Remarks-by-the-President-in-celebration-of-Nowruz (accessed April 8, 2009). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/ – Дата обращения: 01 мая.2017.

администрации, раз и навсегда противопоставив ей новые внешнеполитические приоритеты. Однако, и после вступления в должность, Д. Трамп не изменил свою точку зрения, и судьба соглашения по иранской ядерной программе осталась в фокусе его антииранской политики.

С одной стороны, президент США и Государственный департамент признают вслед за МАГАТЭ, что ИРИ соблюдает все обязательства в соответствии с СВПД. Так, выступая на пресс-конференции по итогам министерской встречи в формате «6+1» (Великобритания, США, Россия, Франция, Германия, Китай и Иран) в рамках Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2017 года, госсекретарь США Р. Тиллерсон в очередной раз подтвердил, что Тегеран «с технической точки зрения» выполняет условия сделки, а США остаются приверженными своим обязательствам⁴. С другой стороны – президент Трамп и американские «ястребы» считают, что СВПД не отвечает интересам США и их союзников на Ближнем Востоке и его необходимо либо отменить, либо пересмотреть, расширив и продлив ограничения по ядерной программе на более длительный срок. Президент Д. Трамп, выступая на 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил что не может *«позволить кровавому режиму (в Иране – И.Ф.) продолжать свою дестабилизирующую деятельность, создавая ракеты»*, а США не может придерживаться соглашения, которое служит прикрытием для создания ядерного оружия⁵. На наш взгляд, подобная жесткая риторика направлена на то, чтобы спровоцировать руководство Ирана на непродуманные шаги и нарушения условий СВПД⁶.

Союзники США в Западной Европе не поддерживают агрессивные высказывания Белого дома. Верховный

⁴ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thehill.com/policy/international/351677> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

⁵ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thehill.com/policy/defense/351990> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

⁶ Мустафабейли А.М. К вопросу о жизнеспособности Исламской Республики Иран (ИРИ) // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №3(9). С. 56-69.

представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини отмечает приверженность стран ЕС достигнутому соглашению и необходимости его соблюдать, указывая, что договоренности по ядерной программе *«не принадлежат одной стране, они принадлежат международному сообществу, системе ООН, они одобрены резолюцией Совета Безопасности ООН»*⁷. С данной позицией согласен и президент Франции Э. Макрон: *«Отказ от сделки будет серьезной ошибкой, невыполнение условий – безответственностью. Это – хорошее соглашение, необходимое для сохранения мира»*⁸. Такая позиция объясняется заинтересованностью стран ЕС в восстановлении и расширении экономических связей с Ираном, подорванных санкционным режимом. Несмотря на сохраняющееся давление со стороны США многие европейские компании уже вернулись на иранский рынок: французская Total заключила контракт на 5 млрд долл. на разработку газового месторождения Южный Парс, компании VW, Peugeot и Renault начали поставки автомобилей в Иран, компания Airbus - поставки самолетов, Еврокомиссия подписала соглашение о сотрудничестве с Ираном в области ядерных технологий.

СВПД – далеко не единственный камень преткновения в американо-иранских отношениях. Ожесточенную критику США и их союзников вызывает политика Ирана в регионе Ближнего и Среднего Востока. Претензии Ирану были сформулированы госсекретарем США 19 апреля 2017 г. в письме к Конгрессу. Глава Госдепартамента обвинил Иран в поддержке Хезболлы и ХАМАС на Ближнем Востоке, хуситов в Йемене, провокациях против Саудовской Аравии. *«Иран стоит за террористическими нападениями во всем мире»*, – полагает он и отмечает, что политика «стратегического терпения» (имеется в виду политика Б.Обамы) не оправдала себя, и США нужно очень внимательно посмотреть на Иран с точки зрения угроз, которые он

⁷ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-rapogama/4579296> – Дата обращения 24 сентября 2017.

⁸ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/news/Makron-razryv-SVPD-stal-by-tyazhelo-y-oshibko-y> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

представляют региону и всему миру в целом⁹. Представляется важным отметить, что, оценивая степень угроз для США, исходящих из региона Западной Азии, Р. Тиллерсон считает, что Иран – единственная долгосрочная угроза стабильности и миру на Ближнем Востоке, значительно большая, чем исламский терроризм и экстремизм. С его точки зрения, последние имеют преходящий характер, а ИРИ является «экзистенциальной угрозой, несравнимой с ними по военному и экономическому потенциалу»¹⁰.

Резкие заявления американских чиновников и политиков нашли выражение и в конкретных действиях. В 2017 г. Министерство финансов США и президент Трамп регулярно вводили санкции против иранских и международных компаний и частных лиц, имеющих отношение к разработке и испытаниям баллистических ракет, поддержке Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и нарушениям прав человека. Важной вехой в развитии санкционной политики США в отношении Ирана стало принятие Конгрессом 28 июля 2017 г. Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act)¹¹, который включал в себя Закон о противодействии дестабилизирующей деятельности Ирана (Countering Iran' Destabilizing Activities Act 2017). Это новый случай введения санкций против Ирана через Закон Конгресса после принятия Закона о санкциях против Ирана и Ливии в 1996 г. (Iran and Libya Sanctions Act 1996). Он обязывал президента вводить санкции против Ирана в связи с иранской ракетной программой и программой по созданию оружия массового уничтожения, в связи с продажей Ирану военного оборудования и деятельностью КСИР. Секция 103 первой части Закона посвящена контролю за иранскими угрозами на Ближнем Востоке и Северной Африке и определяет, что раз в два года

⁹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/US-iran-nuclear-usa-tillerson-idUSKBN17L08I> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

¹⁰ Там же.

¹¹ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> – Дата обращения: 15 сентября 2017.

госсекретарь США, министр обороны и министр финансов и директор Национальной разведки должны представлять в Конгресс стратегию сдерживания иранских угроз США и их союзников на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Таким образом, антииранская политика была поставлена под контроль Конгресса США и возможности президента определять ее направленность были существенно ограничены.

Представляется, что, несмотря на жесткие заявления руководства США и введение новых санкций, делать выводы относительно будущего иранского вектора американской политики пока рано. Госсекретарь Р. Тиллерсон 14 июня 2017 года на заседании Комиссии по внешней политике Палаты представителей Конгресса США отметил, что иранская политика США еще не выработана и не представлена президенту. Это говорит о том, что на данном этапе внешнеполитический курс новой администрации находится в стадии формирования и зависит от соотношения внутривнутриполитических сил, возможности нахождения баланса между интересами основных политических партий и от сглаживания противоречий внутри самих этих партий. Поэтому выскажем лишь несколько предположений.

Во-первых, несмотря на угрозы отказаться от СВПД, США не станут пересматривать свои обязательства при условии выполнения Ираном требований соглашения. Оно имеет международный характер, одобрено Резолюцией 2231 СБ ООН, и выход одной страны приведет к серьезным трениям между США и другими подписантами соглашения, которые стремятся восстановить позиции на иранском рынке. Помимо этого, существенную роль может сыграть и то, что, заключив соглашение по ядерной программе, а потом отказавшись от него, США создадут отрицательный прецедент в возможных переговорах с Северной Кореей по урегулированию кризисной ситуации. Такое развитие событий лишит международное сообщество аргументов в пользу дипломатического решения вопроса и создаст впечатление у Пхеньяна, что дипломатические договоренности являются лишь прелюдией перед применением силы.

Во-вторых, принятие Закона о противодействии дестабилизирующей деятельности Ирана говорит о том, что санкционная политика является долгосрочным трендом. При этом администрация Белого дома, понимая ограниченный характер односторонних санкций, постарается привлечь другие страны к этому процессу. Страны ЕС могут поддержать введение санкций в связи с нарушением прав человека в Иране.

В-третьих, США будут уделять значительное внимание укреплению взаимодействия со своими союзниками в регионе Ближнего Востока на двусторонней и многосторонней основе, в первую очередь с Израилем и Саудовской Аравией.

В-четвёртых, в связи с тем, что Вашингтон начал играть активную роль в сирийском конфликте, его позиция относительно присутствия Ирана в Сирийской Арабской Республике ужесточится. Не исключено, что американская сторона потребует вывода иранских и союзных им военных формирований из Сирии.

Представляется, что новая администрация во многом откажется от политики «привлечения Ирана к совместным действиям» («engagement») и «стратегического терпения» («strategic patience») и сосредоточит свои усилия на сдерживании («deterrence») влияния Ирана в регионе, ослабляя его экономический потенциал.

Необходимо отметить, что провокационные заявления американской администрации, введение новых (хотя и не «калечащих») санкций, неполное снятие США ограничений, связанных с ядерной программой Ирана, не могут не вызывать ответную реакцию. Верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи в речи 7 февраля 2017 года на встрече с командованием военно-воздушных сил Ирана призвал иранцев показать, что народ не боится угроз новой американской администрации и поблагодарил президента Трампа за то, что он, угрожая Ирану, показал истинное лицо Америки¹². 13 августа 2017г. Меджлис решил

¹² Namenei-tramp-lico-amerika. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/356854> – Дата обращения: 26 августа 2017.

дополнительно выделить из бюджета 520 млн долл. на разработку ракетной программы и поддержку зарубежных военных операций КСИР¹³. 15 августа президент Роухани объявил о том, что Иран в считанные часы может выйти из СВПД, если США введут новые санкции¹⁴. 22 августа глава Иранской организации по ядерной энергетике А. Салехи жестко ответил на новые санкции США, сказав, что вверенное ему ведомство может за пять дней возобновить обогащение урана до 20% – уровня, необходимого для создания ядерного оружия¹⁵.

Насколько опасно нарастание напряжения в американо-иранских отношениях? Не отбрасывая в сторону идеологическую составляющую внешней политики ИРИ, в целом она определяется прагматическими соображениями. Агрессивные заявления руководителей Ирана во многом рассчитаны на психологический эффект и могут остаться лишь словами. Президент Х. Роухани считает заключение СВПД главным достижением своего первого срока: он и поддержавшие его на президентских выборах 2017 года либерально настроенные иранцы высоко ценят экономические перспективы, открывшиеся перед страной в связи со снятием санкций. Развитие экономических связей с европейскими государствами и получение высоких технологий позволят экономике Ирана выйти на стабильный уровень развития и преодолеть трудности последних лет. Поэтому президент Исламской Республики Иран, представляя в Меджлисе кандидатуры на министерские посты, 20 августа 2017 г. заявил, что «самая большая обязанность Зарифа (М. Зариф – министр иностранных дел – И.Ф.) состоит в защите ядерного соглашения. Мы должны помешать США и другим

¹³ Iran-budget-raketnoy-programmy. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/418573> – Дата обращения: 29 августа 2017.

¹⁴ Iran-yadernoe-soglashenie-sankcii-ssha. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/419126> – Дата обращения: 30 августа 2017.

¹⁵ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.irna.ir/ru/news/3510828> – Дата обращения: 30 августа 2017.

странам, настроенным против Ирана, добиться успеха в планах по уничтожению сделки»¹⁶.

В этой связи резкие антиамериканские заявления ведущих иранских политиков и президента страны могут быть обусловлены внутривнутриполитической ситуацией. Соглашение по ядерной программе было неоднозначно воспринято не только в Вашингтоне, но и в Тегеране. Представители консервативных кругов обвиняли руководство страны в излишних уступках Западу, в отказе от исламских ценностей. Поэтому чем сильнее давление на Иран со стороны США, тем больше появляется аргументов у противников политики президента Х.Роухани, считающих, что дальнейшее развитие связей с западными странами приведет к усилению не только экономического, но и идеологического влияния Запада и ослабит исламский режим в стране. Президент ИРИ, со своей стороны, не заинтересован в углублении противоречий между консервативно и либерально настроенными гражданами. Поэтому, резко критикуя Америку в своих выступлениях, он старается сузить почву для обвинений со стороны иранских консерваторов. Особое значение это может иметь в связи с тем, что нынешнему Верховному лидеру ИРИ уже 78 лет, и многие годы обсуждается вопрос о состоянии его здоровья. В случае необходимости избрания нового главы государства нельзя исключить желание нынешнего президента занять этот пост, а для этого ему необходимо выстраивать отношения не только со своими сторонниками, но и с политическими противниками.

Логика событий подсказывает, что обострение отношений между Ираном и США в 2017 г. не выйдет за рамки политического дискурса. Однако, учитывая склонность президента Д.Трампа к принятию спонтанных решений, нельзя полностью исключать нарушения Вашингтоном условий СВПД, что, в свою очередь, спровоцирует ответную реакцию Тегерана.

¹⁶ Rouhani-urges-speeding-up-cabinet-formation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.mehr.news.com/news127157/> – Дата обращения: 28 августа 2017.

Долгосрочные стратегические перспективы такого развития событий очень велики. Несоблюдение условий соглашения какой-либо стороной, аннулирование СВПД и возобновление Ираном ядерной программы могут привести к активизации работ по разработке аналогичных программ в соседних с ним странах региона и в конечном итоге к нарушению режима нераспространения ядерного оружия.

Источники и литература

1. Dealing-with-iran-a-policy-of-engagement-and-deterrence [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/> – Дата обращения: 01 августа 2017.

2. Namenei-tramp-lico-amerika. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/356854> – Дата обращения: 26 августа 2017.

3. Iran-budget-raketnoy-programmy. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/418573> – Дата обращения: 29 августа 2017.

4. Iran-yadernoe-soglashenie-sankcii-ssha. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/419126> – Дата обращения: 30 августа 2017.

5. Rouhani-urges-speeding-up-cabinet-formation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.mehr.news.com/news127157/> – Дата обращения: 28 августа 2017.

6. Videotaped-Remarks-by-the-President-in-celebration-of-Nowruz (accessed April 8, 2009). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/ – Дата обращения: 01 мая.2017.

7. Мустафабейли А.М. К вопросу о жизнеспособности Исламской Республики Иран (ИРИ) // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №3(9). С. 56-69.

8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4579296> – Дата обращения 24 сентября 2017.

9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thehill.com/policy/defense/351990> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

10. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thehill.com/policy/international/351677> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/news/Makron-razryv-SVPD-stal-by-tyazheloy-oshibkoю> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/US-iran-nuclear-usa-tillerson-idUSKBN17L08I> – Дата обращения: 24 сентября 2017.

13. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> – Дата обращения: 15 сентября 2017.

14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.irna.ir/ru/news/3510828> – Дата обращения: 30 августа 2017.

Научное издание

УДК 327
ББК 66.4
А 43

Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока:
сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли – М.:
Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 169 с.

Редакционная коллегия:

А.М. Мустафабейли (отв.ред.), А.Г. Володин,
Л.И. Живора, Н.И. Козырев, Г.К. Прозорова, Д.А. Сидоров.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации»
Адрес: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2, строение 1